

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И ИССЛЕДОВАНИЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА**

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи
У. Д. К.: 1:316.455(043.2)

БЕЛОГОРОДОВ РОМАН

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ: ДИЛЕММА ЗАКЛЮЧЕННОГО**

**631. 05 - СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ**

Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук

Научный руководитель:

Паскару Анна,
доктор-хабилитат философских наук,
конференциар-исследователь

Автор:

Белгородов Роман

КИШИНЭУ, 2019

**MINISTERUL EDUCAȚIEI, CULTURII ȘI CERCETĂRII AL
REPUBLICII MOLDOVA**

INSTITUTUL DE ISTORIE

Cu titlu de manuscris
C. Z. U.: 1:316.455(043.2)

BELOGORODOV ROMAN

**REDIMENSIONAREA RELAȚIILOR SOCIALE: DILEMA
PRIZONIERULUI**

**631. 05 - FILOSOFIE SOCIALĂ, ANTROPOLOGIE FILOSOFICĂ,
FILOSOFIE CULTURII**

Teza de doctor în filosofie

Conducător științific:

Pascaru Ana,
doctor habilitat în filosofie,
conferențiar cercetător

Autor:

Belogorodov Roman

CHIȘINĂU, 2019

© Belogorodov Roman, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ADNOTARE.....	5
АННОТАЦИЯ.....	6
ANNOTATION	7
СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ	8
ВВЕДЕНИЕ	9
1. ДИЛЕММА ЗАКЛЮЧЕННОГО: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	17
1.1. Дилемма заключенного как вид социальных взаимоотношений	17
1.2. Концептуальная эволюция дилеммы заключенного: общий историографический анализ	30
1.3. Методологические аспекты изучения дилеммы заключенного.....	55
1.4. Выводы.....	69
2. ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ДИЛЕММЫ ЗАКЛЮЧЕННОГО	70
2.1. Прогнозирование итогов социальных отношений как критерий методологической эффективности исследований	70
2.2. Аксиометрическое осмысление социальных взаимоотношений ДЗ	83
2.3. Критика концепции экономической рациональности индивидов	94
2.4. Выводы.....	106
3. ИНДЕТЕРМИНИСТСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ	107
3.1. Модель социальных отношений, основанная на статистической гипотезе.....	107
3.2. Принудительный характер сотрудничества и степень открытости современного молдавского общества.....	124
3.3. Философские категории в свете переосмысления социальных взаимоотношений	140
3.4. Выводы.....	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ	154
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	157
ПРИЛОЖЕНИЯ (2).....	170
Приложение 1. Словарь основных терминов диссертационного исследования	170
Приложение 2. Количественный анализ критериев принятия решений в ДЗ	176
ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	191
CURRICULUM VITAE	192

ADNOTARE

Belogorodov Roman. *Redimensionarea relațiilor sociale: dilema prizonierului.*

Teză de doctor în filosofie. Chișinău, 2019.

Structura tezei: introducere, trei capitole, concluzii generale și recomandări, bibliografie din 222 titluri, 2 anexe, 156 pagini de text de bază. Rezultatele obținute au fost publicate în 10 lucrări științifice.

Cuvinte-cheie: filosofia socială, epistemologia socială, interacțiunea socială, dilema prizonierului, cooperarea indivizilor, individualismul metodologic, modelul omului, teoria jocurilor, analiza logico-filosofică.

Domeniul de studiu: filosofie socială.

Scopul lucrării constă în studierea caracteristicilor specifice unui anumit tip de relații sociale “dilema prizonierului” care permit redimensionarea specificului filosofiei relațiilor sociale în general.

Obiectivele lucrării: prezentarea dilemei prizonierului ca pe unul din tipurile existente de relații sociale; efectuarea analizei istoriografice generale a evoluției conceptuale a dilemei prizonierului; identificarea specificului metodelor contemporane de studiere a relațiilor sociale cu structura dilemei prizonierului; descrierea criteriului de evaluare a eficacității abordărilor metodologice în estimarea realității sociale ca rezultat al relațiilor sociale; efectuarea analizei axiometrice generale a relațiilor sociale cu structura dilemei prizonierului; revizuirea conceptului comportamentului rațional al unui individ în lumina aspectelor filosofice ale relațiilor sociale; efectuarea clasificării proprietăților modelelor epistemologice contemporane ale “homo” în vederea formării unui model epistemologic general “homo socioeconomicus” (“homo philosophicus”); prezentarea modelului de relații sociale bazat pe o ipoteză statistică; revizuirea categoriilor socio-filosofice în contextul redimensionării relațiilor sociale.

Noutatea și originalitatea științifică a lucrării rezidă în justificarea importanței revizuirii componentei conceptuale și metodologice în cursul studiului relațiilor sociale prin intermediul metodelor filosofice; în demonstrarea fezabilității unei abordări interdisciplinare în cursul studiului relațiilor sociale; în evaluarea dilemei prizonierului ca pe o formă de relații sociale; în justificarea utilizării abordării problematice în vederea determinării eficacității metodelor de prognozare a relațiilor sociale; în argumentarea nevoii de revizuire a conceptului de individ rațional; în aplicarea unei abordări statistice în cursul formării unui model de “homo socioeconomicus”.

Problema științifică importantă soluționată în lucrare constă în precizarea fundamentelor epistemologice ale relațiilor sociale prin prisma analizei filosofice a dilemei prizonierului, care oferă o metodologie relevantă privind predicția rezultatelor relațiilor sociale în contextul identificării legilor universale ale formării, funcționării și dezvoltării societății.

Semnificația teoretică și valoarea aplicativă a lucrării constă în faptul că rezultatele obținute în lucrare contribuie la formarea unei baze metodologice pentru studierea în continuare a relațiilor sociale nu numai prin metode tradiționale filosofice (care includ și analiza logică), ci și prin metode interdisciplinare, în special metode probabilistice și statistice. Rezultatele cercetării pot prezenta un interes pentru specialiștii atât din domeniul filosofiei sociale precum și din domeniul antropologiei filosofice, filosofiei culturii și epistemologiei. Materialele lucrării pot fi aplicate în continuare, pe lângă sfera cercetării științifice, în domeniul studiului interacțiunii sociale, precum și în procesul de predare a științelor umanistice.

Implementarea rezultatelor științifice s-a întreprins prin examinarea și aprobarea acestora în ședințele Sectorului Filosofie și a Seminarului Științific de Profil al Institutului de Istorie al AȘM; au fost validate în 2 proiecte instituționale de cercetare ale Sectorului Filosofie *Descentralizarea axiologică în societatea bazată pe cunoaștere* (20011-2014) și *Integrarea tradițiilor filosofiei în societatea bazată pe cunoaștere* (2015-2018). Cele mai importante rezultate au fost prezentate sub forma de comunicări și rapoarte la circa 6 manifestări științifice internaționale și 4 naționale.

АННОТАЦИЯ

Белгородов Роман. *Переосмысление социальных взаимоотношений: Дилемма Заключенного.*

Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Кишинэу, 2019.

Структура диссертации: введение, три главы, выводы и рекомендации, библиография из 222 наименований, 2 приложения, 156 страниц основного печатного текста. Результаты исследования были изложены в 10-ти научных публикациях.

Ключевые слова: социальная философия, социальная эпистемология, социальное взаимодействие, дилемма заключенного, сотрудничество индивидов, методологический индивидуализм, модель человека, теория игр, логико-философский анализ.

Область исследования: социальная философия.

Цель работы: состоит в изучении особенностей конкретного вида социальных отношений «дилемма заключенного», позволяющих переосмыслить философскую специфику социальных взаимоотношений вообще.

Задачи работы: представление дилеммы заключенного как одного из видов социальных взаимоотношений; проведение общего историографического анализа концептуальной эволюции дилеммы заключенного; выявление специфики современных методов изучения социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного; описание критерия оценки эффективности методологических подходов в прогнозировании социальной реальности как итогов социальных отношений; проведение общего аксиометрического анализа социальных отношений со структурой дилеммы заключенного; пересмотр концепции рационального поведения индивида в свете философских аспектов социальных взаимоотношений; проведение классификации свойств современных эпистемологических моделей человека с целью формирования общей эпистемологической модели социоэкономического («философского») человека; представление модели социальных взаимоотношений, основанной на статистической гипотезе; рассмотрение социально-философских категорий в контексте переосмысления социальных взаимоотношений.

Научная новизна и оригинальность достигнутых результатов заключается в обосновании важности пересмотра концептуально-методологической составляющей при изучении социальных взаимоотношений философскими методами; в демонстрации целесообразности междисциплинарного подхода в исследовании социальных взаимоотношений; в рассмотрении дилеммы заключенного как одной из форм социальных взаимоотношений; в обосновании использования проблемного подхода для определения эффективности методов прогнозирования социальных взаимоотношений; в аргументации необходимости пересмотра концепции рационального индивида; в применении статистического подхода при построении модели социоэкономического человека.

Основная решенная в исследовании научная задача состоит в уточнении эпистемологических основ социальных отношений путем философского анализа дилеммы заключенного, что обеспечивает релевантную методологию прогнозирования итогов социальных отношений в контексте выявления универсальных законов становления, функционирования и развития социума.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что полученные в работе результаты вносят вклад в формирование методологической базы для дальнейшего изучения социальных взаимоотношений не только традиционно философскими методами (куда входит и логический анализ), но и междисциплинарными методами, в частности — вероятностно-статистическими. Результаты исследования могут представлять интерес для специалистов в области, как социальной философии, так и в области философской антропологии, философии культуры и эпистемологии. Материалы диссертации могут найти дальнейшее применение, помимо научно-исследовательской деятельности в области изучения социального взаимодействия, также и в преподавании гуманитарных дисциплин.

Внедрение результатов исследования осуществлялись в рамках обсуждения и утверждения на заседаниях Сектора Философии и Научно-профильного Семинара Института Истории АНМ и в рамках двух проектов институционального исследования Сектора Философии: *Descentralizarea axiologică în societatea bazată pe cunoaștere* (2011-2014) и *Integrarea tradițiilor filosofiei în societatea bazată pe cunoaștere* (2015-2018). Наиболее важные результаты исследования в форме докладов и сообщений были представлены в рамках 6-ти международных и 4-х национальных научных конференций.

ANNOTATION

Belogorodov Roman. *Resizing of Social Relation: Prisoner's Dilemma.*

Doctoral thesis in Philosophy. Chisinau, 2019.

Thesis structure: introduction, 3 chapters, general conclusions and recommendations, bibliography of 222 titles, 2 annexes, 156 pages of the main text. The results have been published in 10 scientific papers.

Keywords: social philosophy, social epistemology, social interaction, prisoner's dilemma, cooperation of individuals, methodological individualism, model of homo sapiens, game theory, logico-philosophical analysis.

Field of study: Social philosophy.

The purpose of thesis is to investigate the specific features of a certain kind of social relations known as "prisoner's dilemma", which can help for the resizing of the philosophical specificity of social relations in general.

The tasks of work are: to reconsider the prisoner's dilemma as a kind of social relations; to perform the historiographical analysis of conceptual evolution of prisoner's dilemma; to distinguish the specific features of modern methods for investigation of social relations having the structure of prisoner's dilemma; to describe the criteria for the evaluation of the efficiency of methodological approaches in prediction of the social reality which is the result of the social relations, to perform the axiometric analysis of social relations having the structure of prisoner's dilemma; to revise the concept of rational behavior of an individual from the point of view of philosophical aspects of social relations; to classify the modern epistemological models of homo and to create a general epistemological model of homo socioeconomicus (philosophicus); to provide the model of social relations based on the statistical hypothesis; examining socio-philosophical categories in the context of social relations resizing.

The scientific novelty and originality of the work consists in justify the importance of resizing the conceptual and methodological component in the study of social relationships by philosophical methods; in demonstrating the appropriateness of the interdisciplinary approach in the study of social relation; in consideration of the prisoner's dilemma as a form of social relation; in substantiating the use of the problem approach to determine the effectiveness of methods for forecasting social relation; in the argumentation of necessity to revise the concept of a rational individual; in the application of the statistical approach in the construction of a model of homo socioeconomicus.

The important scientific problem solved in the work consists in clarifying the epistemological basis of social relations through a philosophical analysis of the prisoner's dilemma, which provides a relevant methodology for predicting the outcome of social relations in the context of identification of universal laws of formation, functioning and development of society.

The theoretical significance and applicative value of the work the results obtained in the work contribute to the formation of a methodological basis for the further study of social relationships not only by traditionally philosophical methods (which includes logical analysis), but also by interdisciplinary methods, in particular – by probability-statistical methods.

The results of the study may be of interest for specialists in the field of: social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture and epistemology. Dissertation materials can find further application besides of research activities in the field of social interaction also in the teaching of the humanities.

The implementation of scientific results was realized through their examination and approval in the meetings of the Sector of Philosophy and the Thematic Research Seminar of the Institute of History of the ASM; the results were validated in 2 institutional research projects of the Sector and Philosophy: *Descentralizarea axiologică în societatea bazată pe cunoaștere* (20011-2014) и *Integrarea tradițiilor filosofiei în societatea bazată pe cunoaștere* (2015-2018). The most important results of the study in the form of reports and communications were presented in the 6 international and 4 national scientific conferences.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

ДЗ	дилемма заключенного
(ДЗ-1)	первое условие дилеммы заключенного
ДЗ-конфликт	конфликт со структурой дилеммы заключенного
ДЗ-эксперимент	эксперимент, основанный на структуре дилеммы заключенного
И1	первый игрок (участник, индивид)
ЛПР	лицо, принимающее решение
Сл	случайный выбор
ТИ	теория игр
A, B, a, b	общие обозначения величин выплат (выигрышей) в ДЗ
A, B, C, D	общие обозначения выбора участников в ДЗ
Ex-ante	предварительное оценивание
Ex-interim	сопровождающее оценивание
Ex-post	итоговое оценивание
P(x)	вероятность наступления события x (величина)
→	влечет

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной темы выражается по двум направлениям — общекультурному и партикулярно философскому. Общекультурное направление — это имеющий сегодня место глобальный переход от информационного общества к обществу знания, а партикулярно философское направление — переход от чисто философской методологии социально-философских исследований, к междисциплинарному характеру методологии таких исследований. Первое направление отражает актуальность работы для общества в целом, второе — для социально-философских исследований.

Концепция перехода от информационного общества к обществу знания, которая с 2005 года после доклада ЮНЕСКО посвященного этой теме [140] стала особенно актуальна в среде социальных исследований (в том числе и в Республике Молдова [23]), бросает вызов всем социальным наукам и особенно социальной философии, чей интерес неразрывно связан с вопросом о том, что есть общество и какое место занимает в нём человек. Теперь социальная философия призвана отвечать на вопрос, что есть *общество знания* и какое место человек занимает в нем. Изучение социальной реальности как итога разного рода социальных взаимоотношений людей подразумевает постоянное совершенствование теоретической и практической познавательной базы социальной философии, а в свете концепции перехода от информационного общества к постиндустриальному обществу знания еще и пересмотра уже сложившегося категориального аппарата данной дисциплины в рамках теории и практики научного знания. Именно научное знание очерчивает контуры современного общества, основанного на знании, и в их числе — свободный доступ к знаниям; развитие открытого общества и демократии участия; экономика, базирующаяся на знаниях; формирование сетей знания и культуры инноваций; свободный доступ к образованию и обучение на протяжении всей жизни; использование научных результатов во всех сферах общественной жизни; сохранение языкового и культурного многообразия [140]. В рамках такой глобальной переориентации от информации к знаниям возникает естественная необходимость переосмысления современной теоретико-методологической базы социально-философских наук. Переход в работе от чисто философской методологии социально-философских исследований к методологии носящей междисциплинарный характер проявляется по двум направлениям: в движении от логического характера эпистемологических абстракций («моделей человека») к вероятно-статистическому характеру таких абстракций с одной стороны, и в движении от субъективности феноменологических моделей социальных взаимоотношений к объективности моделей социальных взаимоотношений с четко определенными свойствами — с другой. Чисто

логические методы теории игр и экономических наук плохо подходят для прогнозирования реальных социальных взаимоотношений, поскольку служат другим целям — помогают действовать участникам таких взаимоотношений, не ставя себе целью спрогнозировать эти действия [162, с. 5]. С другой стороны, для традиционных философских исследований не позитивистского толка нехарактерно использование логических подходов (в частности, формальной терминологии), что снижает ценность их результатов для точного [199, с. 330] прогнозирования итогов реальных социальных взаимоотношений («социальной реальности»). В данной работе осуществляется осмысление этой методологической лакуны, которая возникает на стыке логического и социально-философского подходов в прогнозировании социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного. Сама дилемма заключенного — центральное понятие данной работы — вносит свой градус актуальности в исследование: на сегодняшний день — это наиболее исследуемая модель социальных взаимоотношений [134]. Изучение дилеммы заключенного сегодня носит широкий характер на стыке социальной философии, социологии, экономики, теории игр, биологии и т.д., что говорит об остроте проблематики, связанной с данной моделью социальных взаимоотношений. Одной из наиболее значимых черт дилеммы заключенного является то, что любую часть данной абстрактной модели можно без особых трудностей подвергнуть экспериментальной проверке. В свете перехода от информационного общества к обществу знания (где концепция общества знания — это концепция общества *научного* знания [140]) такая возможность эмпирической проверки теоретических построений является прямой необходимостью, поскольку именно экспериментальные данные служат критерием проверки истинности теорий и только знание, прошедшее такую проверку может считаться научным [173]. Социальная философия в обществе знаний использует для своих обобщений наработки именно таких теорий. Исходя из методологической направленности современных социально-философских исследований человеческих взаимоотношений, оставляющей возможности для применения при их изучении теоретических моделей с четко определенными свойствами (таких как дилемма заключенного); а также отталкиваясь от общей направленности социальных исследований (движущихся от чисто логических теорий индустриально-информационного общества к вероятностно-статистическому характеру теоретических построений общества знаний) позволяет нам сформулировать **основную проблему исследования**. Она заключается в обнаружении теоретико-концептуальной и логико-методологической специфики процесса социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного, позволяющей переосмыслить сущность социально-философских категорий вообще. Что предполагает выявление

методологических инструментов, позволяющих осуществлять более точные прогнозы реальных (экспериментально наблюдаемых) социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного, чем ныне используемые методологические инструменты, берущие свое начало в основном в политэкономических учениях 19-го столетия, и основанные на феноменологических субъективных (экспериментально ненаблюдаемых) концепциях (таких как экономическая рациональность или информированность субъекта).

Степень изученности проблемы. Хотя дилемма заключенного и является одной из фундаментальных социальных проблем и широко признанным методологическим инструментом в изучении сотрудничества, в Республике Молдова она практически напрямую не изучается и не применяется в качестве методологического инструмента в сторонних исследованиях. Существует всего несколько работ, тангенциально затрагивающих данную структуру — одна монография в области политических исследований В. Жука [44] и одна статья в области права Я. Руба [76]. В области философии в нашей стране, работ, связанных с дилеммой заключенного (помимо статей автора), нет вообще. С другой стороны в западном мире (в основном, в США) дилемма заключенного широко изучается с самых разных сторон. Фундаментальные исследования в этой области связаны с именами Р. Аксельрода [4; 5], У. Фундстона [70] и А. Раппопорта [72]. Основы изучения дилеммы заключенного заложены в работах исследователей М. Флада [31], Дж. Нэша [55] и А. Такера [93], а также М. Дрешера, который непосредственно участвовал в разработке дилеммы заключенного вместе с М. Фладом, однако работ не публиковал. Фундаментальные исследования дилеммы заключенного последнего времени отражены в работах С. Куна [46], А. Раппопорта [73], Х. Деулофеу [129] и Т. Мидтбё [160]. Все эти работы так или иначе затрагивают философские аспекты дилеммы заключенного и являются главными в этой области. Всего же работ, связанных с философией дилеммы заключенного, около 30-ти тысяч¹. Публикаций посвященных разным (не философским) аспектам дилеммы заключенного более 70 тысяч². Главными обобщающими работами по результатам исследований структуры дилеммы заключенного являются работы К. Камерера [14] и Д. Хофштадтера [41]. Одной из последних публикаций в области социальной философии, где дилемма заключенного рассматривается в контексте глобализации как пример социальных взаимоотношений, является статья К. Матея [50]. Изучение социально-философских аспектов перехода от информационного общества к обществу знания в Республике Молдова осуществляется достаточно широко.

¹ Согласно Google Scholar

² Согласно Google Scholar

Фундаментальной работой по этому вопросу является коллективная монография под общей редакцией А. Паскару [23], куда вошли работы исследователей: Г. Бобынэ, А. Паскару, Р. Чобану, А. Космеску, А. Перчуна, Л. Трояновски. Научной рецензией к данной монографии является совместная статья В. Ожовану и В. Жука [61]. Исследования социально-философских аспектов экономических отношений в обществе знания отражены в работе А. Рошки [75]. Результаты исследований философских аспектов социально-культурных преобразований в рамках перехода к обществу знания нашли отражение в работах А. Паскару [64; 66]. Исследования, связанные с глобальным переходом к обществу знания не философского характера в нашей стране представлены в научных публикациях Г. Аворника, С. Марин, М. Доги-Мырзак, Р. Тараган и др. В мировом масштабе идея общества знаний проявилась в 60-е годы XX века в работах П. Друкера, Ф. Махлупа, Д. Белла, Р. Лэйна и других авторов. основополагающей работой является монография Друкера [26], в которой и возникает термин «общество знания». Однако предметом широкого общественного интереса идея общества знаний как общества будущего стала лишь в 90-х, после выхода еще одной работы Друкера [25], подводящей итоги многолетним исследованиям в этом вопросе. После публикации в 2005 году доклада ЮНЕСКО «К обществам знания» [140] данная концепция приобретает глобальный характер. Для исследования вышеозначенной проблемы были выдвинуты несколько предположений в качестве **рабочей гипотезы**:

1. Использование междисциплинарного методологического подхода в изучении социальных взаимоотношений позволяет более эффективно выявлять их особенности, чем использование методологических рамок только одной научной дисциплины.
2. Качественно-количественное изучение конкретной модели социальных взаимоотношений помогает индуктивно выявлять общие закономерности социальных взаимоотношений вообще. Комбинирование методов позитивистского и не позитивистского методологического инструментария является основой для любого категориального (философского) обобщения, в том числе и социально философского.
3. Для обнаружения теоретико-концептуальной и логико-методологической специфики процесса социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного, позволяющей переосмыслить сущность социально-философских категорий, целесообразно использовать комбинацию подходов логико-философского анализа и подходов, основанных на моделях человека, при этом делая акцент на вероятностно-статистическом их аспекте.

Цель исследования состоит в изучении особенностей конкретного вида социальных отношений «дилемма заключенного», позволяющих переосмыслить философскую специфику социальных взаимоотношений вообще. Достижение данной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- представление дилеммы заключенного как одного из видов социальных взаимоотношений;
- проведение общего историографического анализа концептуальной эволюции дилеммы заключенного;
- выявление специфики современных методов изучения социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного;
- описание критерия оценки эффективности методологических подходов в прогнозировании социальной реальности как итогов социальных отношений;
- проведение общего аксиометрического анализа социальных отношений со структурой дилеммы заключенного;
- пересмотр концепции рационального поведения индивида в свете философских аспектов социальных взаимоотношений;
- проведение классификации свойств современных эпистемологических моделей человека с целью формирования общей эпистемологической модели социоэкономического («философского») человека;
- представление модели социальных взаимоотношений, основанной на статистической гипотезе;
- рассмотрение социально-философских категорий в контексте переосмысления социальных взаимоотношений.

Методология исследования сводится к применению общенаучных и специальных методов исследования. К **специальным методам** работы можно отнести использование в рассуждениях моделей человека (метод, берущий начало в работах А. Смита и Дж. Ст. Милля и имеющий современное продолжение в математической теории игр Дж. ф. Неймана). Для формальной части работы используются чисто логические методы (формализации, идеализации, дедукции, индукции, восхождения от абстрактного к конкретному и др.), а также, помимо стандартных логических теорий — метод логического анализа языка (Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап). Поскольку исследование носит в большей мере теоретический, чем исторический характер, особая роль отведена современной научно-философской методологии, что подразумевает использование

принципа детерминизма или каузальности (П. Лаплас), принципа системности (Л. фон Берталанфи), а также принципы соответствия и дополнительности (Н. Бор). Основной упор в работе делается на использование принципа объективности (К. Поппер) в отношении социально-философских построений. Необходимо подчеркнуть, что все методы применяются в работе в рамках подхода, основанного на методологическом индивидуализме (М. Вебер).

Научная новизна исследования заключается в следующем: 1) В обосновании важности пересмотра концептуально-методологической составляющей при изучении социальных взаимоотношений философскими методами; 2) В демонстрации целесообразности междисциплинарного подхода в исследовании социальных взаимоотношений; 3) В рассмотрении дилеммы заключенного как одной из форм социальных взаимоотношений; 4) В обосновании использования проблемного подхода для определения эффективности методов прогнозирования социальных взаимоотношений; 5) В аргументации необходимости пересмотра концепции рационального индивида; 6) В применении статистического подхода при построении модели социоэкономического человека.

Основная решенная в исследовании научная задача состоит в уточнении эпистемологических основ социальных отношений путем философского анализа дилеммы заключенного, что обеспечивает релевантную методологию прогнозирования итогов социальных отношений в контексте выявления универсальных законов становления, функционирования и развития социума.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в следующем: 1) Выводы и положения проведенного категориального осмысления социальных взаимоотношений позволяют преодолеть односторонность субъективно-феноменологического представления в изучении социальной реальности, что способствует формированию более полного, адекватного и обоснованного теоретического образа процесса социальных взаимоотношений как полноценного явления объективной действительности; 2) В раскрытии специфики конкретного вида социальных взаимоотношений — дилеммы заключенного — как системообразующего фактора при решении научно-философских задач, связанных с пониманием общих закономерностей социальных взаимоотношений вообще; 3) В переоценке ряда известных примеров адекватности формальных структур и теоретических обобщений с помощью междисциплинарной методологии, способствующей философскому пониманию особенностей социальных взаимоотношений; 4) В методологическом потенциале

предлагаемых абстрактных моделей, позволяющем анализировать структуру социальной реальности как итогов социальных взаимоотношений, подразумевающего также и использование стандартного философского методологического аппарата, но не ограниченного им.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в актуальности рассматриваемых в нем проблем, а именно в освещении конкретного социального взаимодействия (дилеммы заключенного) в его соотношении с социальной действительностью, которая и представляет собой множество результатов таких конкретных социальных взаимодействий. Результаты данного диссертационного исследования вносят вклад в формирование методологической базы для дальнейшего изучения социальных взаимоотношений не только традиционно философскими методами (куда входит и логический анализ), но и междисциплинарными методами, в частности — вероятностно-статистическими. Результаты исследования могут представлять интерес для специалистов в области, как социальной философии, так и в области философской антропологии, философии культуры и эпистемологии. Материалы диссертации могут найти дальнейшее применение, помимо научно-исследовательской деятельности в области изучения социального взаимоотношений, также и в преподавании гуманитарных дисциплин.

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлялись в рамках обсуждения и утверждения на заседаниях Сектора Философии и Научно-профильного Семинара Института Истории АНМ; результаты работы были утверждены в рамках двух проектов институционального исследования Сектора Философии: *Descentralizarea axiologică în societatea bazată pe cunoaștere* (20011-2014) и *Integrarea tradițiilor filosofiei în societatea bazată pe cunoaștere* (2015-2018). Основные итоги исследования были представлены на научно-практических конференциях и симпозиумах национального и международного уровня. Среди которых: 9-й Международный Научный Симпозиум «Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives» (2016) в австрийской Вене, где был представлен доклад: «О несвободном характере сотрудничества в некоторых социальных образованиях» («About constrained nature of the cooperation in certain social formation»); LXIV Новосибирская Международная научно-практическая конференция (2016), с докладом «Социальные эксперименты, основанные на дилемме заключенного, как инструмент количественного описания сотрудничества индивидов»; Международная научная конференция “Școala Internațională de metodologie în științele socio-umane. Ediția a III-a „Valențe teoretico-aplicative ale discursului interpretativ” (2018) в

Молдавском государственном университете, где был представлен доклад «О случайном поведении в социальном взаимодействии: дилемма заключенного».

Публикации. По теме диссертации опубликованы 10 статей, в которых нашли отражение теоретические принципы и результаты работы.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и рекомендаций, общего списка используемой литературы и двух приложений.

Глава 1, *Дилемма заключенного: истоки и современность*, посвящена, в основном, целенаправленному изучению специальной литературы (в том числе и исторической) с целью установления степени разработки проблемного вопроса, который также, в свою очередь, формулируется в первой главе. Формулируются основные понятия работы, обозначается методология исследования и предполагаемые направления для решения основного проблемного вопроса диссертации.

Глава 2, *Философский анализ дилеммы заключенного*, показывает современный социологический инструментарий в свете прогнозирования социального взаимоотношений. Выявляются основные критерии принятия решения в ДЗ-экспериментах: логические и аксиологические составляющие этого процесса. Также показаны факторы, влияющие на исходы ДЗ и на результаты ДЗ-экспериментов. Пересматривается одна из основных концепций социально-экономических исследований — концепция рационального индивида.

Глава 3, *Индетерминистский анализ социальных взаимоотношений*, посвящена пересмотру свойств конкретных моделей индивида (моделей человека) в свете установленных способов прогнозирования исходов социальных отношений ДЗ. Здесь представлена модель социального взаимодействия, основанная на статистической гипотезе, а также намечены дальнейшие перспективы ее практического применения в социально-философских исследованиях и показаны ее возможности в прогнозировании социального взаимодействия макроуровня. Пересматриваются социально-философские категории в свете переосмысления социальных взаимоотношений.

Заключения и рекомендации в сжатой форме представляют результаты исследования и намечают возможные направления для исследований вопросов, которые нуждаются в дополнительной разработке.

1. ДИЛЕММА ЗАКЛЮЧЕННОГО: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Данная глава устанавливает необходимую концептуально-методологическую базу для исследования социальных отношений формы дилеммы заключенного, что осуществляется путем решения нескольких исследовательских задач. Во-первых, проводится представление дилеммы заключенного как одного из видов социальных взаимоотношений, что осуществляется через определение значения всех основных терминов работы и выявление их концептуально-логических отношений. Во-вторых, производится общий историографический анализ концептуальной эволюции дилеммы заключенного путем освещения всех основных исторических этапов становления данного понятия в работах исследователей. В-третьих, выявляется специфика современных методов изучения социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного и представляется методологический инструментарий самой диссертации.

1.1. Дилемма заключенного как вид социальных взаимоотношений

При моделировании ряда ситуаций социальных взаимоотношений индивидов, заинтересованных в получении тех или иных выгод (материальных или не материальных), где результаты решения одного индивида в рамках определенных условий зависят от решения другого индивида, наблюдается формальная структура, в современной научно-философской литературе обозначаемая как «дилемма заключенного» (ДЗ). Дилемма заключенного (термин был предложен А. Такером в 1950 году) — это игра, в том значении этого слова, что используется в теории игр. Предмет данной теории или, по-другому, предмет изучения «...математических моделей соперничества и сотрудничества интеллектуальных, принимающих рациональные решения, лиц» [54, с. 1] суть не что иное, как один из видов социальных взаимоотношений. В этом значении «игра» понимается исследователями как идеализированная математическая модель коллективного поведения: несколько индивидуумов (участников, игроков) влияют на ситуацию (исход игры), причем их интересы (их выигрыши при возможных различных ситуациях) различны [162]. В таких играх оба участника принимают решение одновременно, никто из игроков не знает о решении соперника [129]. Таким образом, теория игр рассматривает игры (например, шахматы или «камень, ножницы, бумага») и взаимоотношения двух индивидов как эквивалентные ситуации. Игрок (например, в шахматах) действует в объективных рамках правил и условий игры, что позволяет исследователю просчитывать различные ситуации и исходы той или иной игры, то есть использовать количественные методы изучения. Теория игр исходит из того, что это же применимо в определенной мере и к социальным взаимоотношениям: индивид действует в рамках определенных социальных условий и

правил, а значит и здесь можно использовать количественные методы изучения. Дилемма заключенного как игра принадлежит к числу наиболее известных задач теории игр [129]. Она до сих пор вызывает повышенный интерес ученых в самых различных областях, являясь предметом многочисленных исследований (например, Google Scholar — поисковая система интернета, обеспечивающая полнотекстовый поиск научных публикаций — на запрос “prisoner's dilemma” выдает более 100 тысяч результатов).

Как отмечает Р. Шварц [79], впервые дилемма заключенного (под названием «Не сотрудничающая пара») разработана (и проведена как эксперимент) в январе 1950 года М. Фладом и М. Дрешером. Оригинальная формулировка представлена позже, в 1952 году, в работе Флада «Несколько экспериментальных игр» [31]. Оригинальная формулировка полностью выглядит так: «Два испытуемых AA и JW были знакомы с теорией игры двух лиц с нулевой суммой. Они также знали немного о теории Неймана-Моргенштерна для игр с непостоянной суммой, но им было незнакомо одно из двух: либо работа Нэша, либо понятие дележа (распределения) [...]».

Платежная матрица для AA и JW была (фиг. 1):

Фиг. 1

$$A = \begin{pmatrix} -1 & 1/2 \\ 0 & 1 \end{pmatrix}, \quad W = \begin{pmatrix} 2 & 1 \\ 1/2 & -1 \end{pmatrix}.$$

Элементы A и W даны в пенсах; ход в игре означал независимый выбор значения из ряда испытуемым AA и значения из столбца испытуемым JW. Всего было сделано 100 ходов [...]. Оба испытуемых знали об обеих платежных матрицах и каждый имел перед собой запись предыдущих ходов, своих и оппонента, перед каждым следующим ходом». [Там же, с. 17-18]. Специальная терминология теории игр, представленная здесь, требует пояснения. «Игра двух лиц с нулевой суммой» — одна из основных классификаций игр опирается на разделение всех игр по платежам (выигрышам). Если два игрока борются за один выигрыш (приз, платеж), например, за победу в соревновании, где победа одного, всегда означает проигрыш другого, — то такие ситуации называются «играми двух лиц с нулевой суммой». В других случаях, где можно выбирать «из нескольких призов» [129, с. 70], где победа одного игрока не означает поражение другого, называются соответственно «играми двух лиц с ненулевой суммой». Видно, что ДЗ относится к играм с ненулевой суммой. Игра имеет постоянную сумму, если сумма плат (выигрышей) каждого игрока та же самая для всех стратегий (в данном случае стратегия представляет собой — тот или иной возможный выбор игрока). В «работе Нэша» — речь идет о так называемом «равновесии

Нэша»: об одном из феноменологических рассуждений игрока, которое (в ДЗ) приводит его к выводу, что одна стратегия предпочтительней другой. Для анализа игр очень полезным инструментом оказывается так называемая платежная матрица. Она представляет собой двойную таблицу, где слева записываются возможные стратегии (возможные выборы) одного игрока, а сверху — другого игрока. В каждой ячейке таблицы указаны выигрыши или проигрыши каждого игрока, полученные в результате выбранной стратегии. Два числа, разделенные запятой или косой чертой, обозначают выигрыши и проигрыши одного и другого игрока соответственно [129, с. 71].

Достаточно сложная терминология ДЗ, матричный способ представления оригинального эксперимента, позволяет утверждать, что оригинал ДЗ, как замечает У. Фундстон — «не лучший способ представления дилеммы заключенного» [70, с. 103]. Вероятно, именно это подвигло А. Такера использовать интерпретацию с заключенными [93] в попытке, как указывает С. Кун [46], сделать идеи Флада и Дрешера более доступными для аудитории стэнфордских психологов (не знакомых с терминологией теории игр). Собственно, Такер, как мы уже отмечали, и предложил термин «дилемма заключенного».

Как выяснил Фундстон [70], Такер, помимо устного озвучивания дилеммы перед студентами, описал свою интерпретацию ДЗ в письме к Дрешеру, где назвал ее «более нарядной» версией дилеммы, чем представленная выше версия Дрешера: «Два человека, подозреваемых в совместном нарушении закона, содержатся изолированно в полицейском участке. Каждому из них доведено до сведения, что (1) если один сознается в преступлении, а другой — нет, первый получит вознаграждение ..., а второй – штраф... (2) Если оба сознаются, каждый будет оштрафован... В то же время, каждый из них имеет веские основания полагать, что (3) если ни один не сознается, оба будут считаться невиновными» [70, с. 117-118]. Существует и другая история, рассказанная в 1994 году Г. Куном. «Весной 1950 года Альберт Такер, будучи в отпуске, приехал в Стэнфорд, а поскольку там не хватало кабинетов, его разместили в кабинете кафедры психологии. Однажды кто-то из психологов постучал к нему в дверь и спросил, чем он занимается. Такер ответил: «Я работаю над теорией игр». Психолог спросил, не согласится ли он провести семинар по этой теме. Для этого семинара Такер и придумал дилемму заключенного в качестве примера, иллюстрирующего теорию игр, равновесие Нэша, а также парадоксы, сопутствующие равновесиям, нежелательным с точки зрения общества. Поскольку это был поистине фундаментальный пример, он стал темой десятков научных работ и ряда серьезных книг» [90]. Чтобы яснее проиллюстрировать данную Такером интерпретацию игры с двумя заключенными, рассмотрим ее детально, на более конкретизированном примере, говоря

словами Такера, еще более «принарядим» ДЗ. Пусть двое преступников, назовем их Мэри и Джон, арестованы за попытку вооруженного ограбления банка и помещены в отдельные изолированные камеры. По закону за подобное преступление положено пять лет тюрьмы, однако у следствия нет улик, поэтому задержанным предлагается следующее. Если каждый из них сознается в преступлении, оба получают по три года тюрьмы. Если сознается кто-либо один (и сдаст тем самым и себя и подельника), — он выйдет на свободу (за сотрудничество со следствием), тогда как решивший молчать получит положенные пять лет тюрьмы. Если оба решат хранить молчание – каждый получит по одному году тюрьмы (за незаконное ношение огнестрельного оружия). Цель каждого из заключенных – выгадать себе как можно меньший срок заключения. Целесообразней ли Джону (Мэри) молчать или целесообразней сознаться? Возможные исходы можно представить в виде таблицы (фиг. 2):

Фиг. 2

Джон	Созн	Молчит	Созн	Молчит
	3	5	0	1
Мэри	3	0	5	1
	Сознается		Молчит	

Так в чем, собственно, заключается дилемма? «Дилемма» заключается в том, что каждому из задержанных, как представляется из вроде бы логичных рассуждений, выгодней сознаться в преступлении, однако молчание обоих приводит к меньшему сроку заключения для каждого. Отсюда вопрос: так выгодней, все-таки, нелогично молчать или выгодней логично сознаться? Кажется несложным убедиться логически, что заключенным выгодней сознаться в преступлении. Например, каждый из них может рассуждать следующим образом. «Если Мэри (Джон) сознается, то, в случае молчания, я получаю пять лет тюрьмы, а в случае признания — три. Таким образом, в случае признания Мэри (Джона), мне целесообразней сознаться. Если Мэри (Джон) будет молчать, то, в случае своего молчания, я получу год тюрьмы, а в случае своего признания — выйду на свободу. Следовательно, если Мэри (Джон) молчит, мне опять же выгодней сознаться. Сознаётся Мэри (Джон) или молчит — мне, очевидно, целесообразно сознаться в преступлении». Исходя из этих, как отмечает Р. Докинз, «логически безупречных» [22, с. 205] рассуждений,

оба сознаются и получают по три года тюрьмы. Однако если бы оба сохранили молчание, получили бы по одному году тюрьмы — меньше, чем в случае признания, что достаточно парадоксально и, в общем-то, представляет основной интерес для исследователей. Понятно, что речь идет не о нашем конкретном примере, а о ситуациях, по структуре полностью схожих с ним. Часть ученых склоняются к тому (например, в [160]), что в данной ситуации и в ей подобных ситуациях мы имеем дело с конфликтом между индивидуальной и групповой рациональностью (имеется в виду рациональность экономическая: рациональный индивид всегда действует целесообразно, подробное определение см. в приложении 1). То есть, для группы, члены которой придерживаются рационального эгоизма, все может закончиться хуже, чем для группы, которая действует вопреки рациональному эгоизму. Несколько иное толкование дилеммы среди другой части исследователей: здесь мы имеем выбор между эгоистичным поведением и социально направленным альтруизмом (например, в [32]).

Покажем несколько конкретных примеров ситуаций социальных взаимоотношений, встречающихся в современной научно-философской литературе, которые по структуре представляют собой ДЗ. У Билла красная шапка, но ему нравятся синие головные уборы, а у Розы синяя шапка, но ей нравятся красные головные уборы. Каждый из них предпочел бы обе шапки одной; и одну, чем вообще ни одной. Каждому предоставлен выбор: оставить свой головной убор или подарить его другому. Структура этой ситуации точно такая же, как и в ситуации с заключенными и ее также можно представить в виде таблицы (фиг. 3). Желанному головному убору (синяя шапка для Билла, красная – для Розы) в таблице присвоено значение 1,5.

Фиг. 3

Билл	Дарит	Не дарит	Дарит	Не дарит
	1,5	2	0	1
Роза	1,5	0	2	1
	Дарит		Не дарит	

Как видно, независимо от того оставит ли Роза свою шапку себе или подарит Биллу, Биллу лучше оставить свою шапку себе, а для Розы лучше, чтобы он подарил ее ей. И независимо от того оставит ли Билл свою шапку себе или подарит Розе, Розе лучше оставить свою

шапку себе, а для Билла лучше, чтобы она подарила ее ему (в обоих случаях они оба набирают от одного до двух пунктов). Для каждого же лучше просто обменяться шапками (тогда у них по полтора пункта). (Этот пример взят из [46]). В основе даже таких простых экономических отношений, вполне может находиться дилемма заключенного.

Другой литературный пример более изощренной экономической ситуации социальных взаимоотношений ДЗ: «Если автозаправочная станция Nexon назначит низкую цену, Lupaso тоже лучше снизить цены, чтобы не потерять клиентов; если Nexon берет высокую цену за свой бензин, Lupaso может привлечь многих покупателей на свою сторону, снизив цену. Но если обе заправочные станции будут продавать бензин по низкой цене, ни одна из них ничего не заработает» [130, с. 92]. Интересно, что, если обе компании станут блюсти только свои эгоистичные интересы, они не добьются наилучшего для себя результата (как следует из логики ДЗ), что противоречит классическим экономическим теориям, берущим начало от А. Смита [Там же, с. 98]. Потребителям — это выгодно. Таким образом, сообществу потребителей целесообразно сделать так, чтобы обе компании не смогли решить дилемму ценообразования. Антимонопольная политика различных стран направлена как раз на достижение этих целей [там же, с. 576]. Другими словами, вступая в некоторые (подпадающие под структуру ДЗ) конкурентные рыночные отношения (которые, являются видом социальных взаимоотношений), люди должны или решать дилемму заключенного или избегать ее. Так, соглашение, скажем, книжных магазинов, как отмечает Х. Деулофеу [129], не предоставлять скидок выше определенного процента или решение профсоюза закрывать магазины в определенный час направлены на рост продаж. Все участники знают, что, если хотя бы один из них не выполнит соглашения (не будет сотрудничать), его нарушат и остальные и никто не получит выгоды; напротив, расходы лишь возрастут.

Наиболее глобальный пример ДЗ, который встречается в современной литературе, — гонка вооружений двух стран (например, гонка вооружений СССР и США периода холодной войны [160]).

Частных примеров социальных взаимоотношений из реальной жизни, структура которых представляет собой ДЗ можно привести достаточно много. Поскольку они широко освещены в литературе (см., например [5, с. 4-5]), и их легко обнаружить, мы не ставили себе такую задачу, рассмотрев лишь некоторые из них.

Помимо примеров социальных конфликтов, в современной литературе встречаются примеры, где ДЗ вполне наглядно описывает некоторые противостояния из реальной жизни несоциального характера. В мире спорта, например, выбор спортсменов в пользу

употребления допинга можно представить как ДЗ. В одном из исследований [78] два соревнующихся спортсмена имеют возможность использовать незаконный и опасный для здоровья наркотик, чтобы повысить свою производительность. Если спортсмен не примет допинг, то не получит преимущества. Если допинг примет только один из спортсменов, он получит значительное преимущество (ограниченное при этом вредом для здоровья и штрафом за нарушение правил в случае обнаружения допинга в его крови). Если оба спортсмена примут допинг, никакого преимущества друг перед другом они иметь не будут, но получат вред здоровью и нарушение юридических норм, то есть ситуацию худшую, чем в случае неупотребления допинга.

В области психологии, дилемма заключенного может описывать выбор людей с наркотической зависимостью. В поведенческом исследовании людей с наркотической зависимостью [1] показывается, что их зависимость может быть рассмотрена как дилемма заключенного, где выбором выступают настоящее и будущее самого наркозависимого. Полный отказ от наркотиков сегодня, улучшает состояние здоровья наркозависимого, но может вызвать рецидив в будущем, — положение для наркозависимого хуже сегодняшнего. Снижение количества наркотических препаратов не дает большого улучшения состояния здоровья сегодня, но и не вызывает рецидива в будущем.

В области экологических исследований дилемма заключенного может помочь в определении политики, направленной на снижение экологических катастроф. То есть, грубо говоря, выделять или не выделять правительству отдельно взятого государства средства на снижение выбросов углекислого газа в атмосферу земли. Здесь применение ДЗ затрудняется тем, что степень загрязнения атмосферы и скорость распространения загрязнения атмосферы неизвестны. То есть, неизвестна выгода для отдельно взятой страны, в случае сотрудничества (то есть, выделения средств на снижение выбросов углекислого газа в атмосферу). Это приводит к тому, что государства в этих вопросах сотрудничают гораздо меньше, чем испытываемые в экспериментах с ДЗ. Эти обстоятельства увеличивают вероятность угодить в глобальную экологическую катастрофу, связанную с выбросами углекислоты в атмосферу, для всего человечества [74].

Групповое поведение многих видов животных, как демонстрирует Докинз [132], может представлять собой дилемму заключенного. Например, для поведения летучих мышей-вампиров можно составить таблицу исходов ДЗ, которой они «следуют» (их поведение можно предсказать, пользуясь этой таблицей, что подтверждено экспериментами). Дело в том, что летучие мыши-вампиры, питаясь кровью, делятся ей с

менее удачливыми собратями не только на основании родственных связей, а исходя из «альтруизма» (точнее, с «надеждой», что в будущем, те поделятся с ними).

В книге «Эволюция кооперации» (1984) [5] Р. Аксельрод исследовал расширение сценария ДЗ, как указывают историки вопроса [46], которое он назвал «повторяющаяся дилемма заключённого». В ней участники делают выбор снова, раз за разом, и помнят предыдущие результаты. Другими словами — одна и та же пара испытуемых участвует в серии одинаковых экспериментов ДЗ. Что приводит к тому, что у участников появляется репутация. То есть, если один из участников не сотрудничал в одной игре ДЗ, он может быть «наказан» не сотрудничеством со стороны другого участника в последующих играх. Или, соответственно, он может быть вознагражден в последующих играх сотрудничеством. Эти обстоятельства накладывают новый отпечаток на характер выбора стратегий в ДЗ, которые, кстати говоря, достаточно хорошо изучены и поэтому мы не ставим себе в круг задач их исследование. Следует отметить так же, что оригинальный эксперимент Флада и Дрешера «Не сотрудничающая пара» был проведен, теперь в свете вышесказанного это становится понятно, как повторяющаяся ДЗ. Далее в работе рассматривается только не повторяющаяся ДЗ, которая для нас представляет больший интерес в рамках данного исследования. Поэтому в дальнейшем, когда речь идет о ДЗ, всегда имеется в виду «классическая» не повторяющаяся ДЗ.

В современной социально-философской литературе дилемма заключенного представлена как вид социальных отношений, а социальные отношения в свою очередь понимаются как эквивалент социального взаимодействия [189] или как совокупность повторяющихся социальных взаимодействий [202]. Социальное взаимодействие определяется как «процесс, в котором люди действуют и испытывают взаимодействия друг на друга» [189, с. 131] когда делается различие социального взаимодействия микроуровня (межличностное социальное взаимодействие) и макроуровня (социальное взаимодействие между социальными институтами) [там же]. В более общем случае социальное взаимодействие понимается исследователями как «система взаимообусловленных социальных действий, связанных циклической зависимостью, при которой действие одного субъекта является одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов» [202, с. 312]. Из понятия «социальное взаимодействие» непосредственно рождается понимание того, что такое социальная реальность. Согласно современному пониманию этого термина, итоги всякого социального взаимодействия между индивидами суть — «социальная действительность» («социальная реальность») [13, с. 25]. Поскольку

социальное взаимодействие понимается как взаимное социальное действие, рассмотрим, как представлено в литературе данное понятие.

Впервые [127] данное понятие вводит в обиход социологии М. Вебер, причем и саму социологию он определяет как науку, стремящуюся «истолковывая понять социальное действие» [111, с. 602]. «Социальным» Вебер называет такое действие, которое в определенном смысле «...соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [там же, с. 603]. Здесь следует пояснить, что понятие «социальный» иногда понимается и в другом смысле, особенно в словосочетании «социальное поведение». Первое значение, мы уже обозначили («социальное поведение» — поведение «соотносимое» с поведением других людей и «ориентируемое» на других людей). Другое значение: понятие «социальное поведение» означает сотрудничество. То есть, другими словами, «социальное поведение» и «сотрудничество» являются полными синонимами. Такое понимание социального поведения присуще биологическим наукам, в частности — этологии (см., например [195]). Веберовское определение социального действия не совсем полно, в том смысле, что в нем не определены значения терминов «действие», «соотноситься», «ориентироваться», «смысл». Вебер, далее в своей работе дает определения терминам «действие» и «смысл», которые в его рассуждениях тесно переплетаются. При этом понятие «действия» определяется через понятие «субъективного смысла», что противоречит объективной направленности современных социально-философских исследований. Взяв за точку отсчета веберовское определение социального действия (пока без определения терминов «действие», «соотноситься», «ориентироваться»), через более отчетливые определения «действия», «соотноситься», «ориентироваться» можно прийти к определению термина «социальное действие» в том значении, которое вкладывается в данное понятие современными исследователями. То, что мы рассматриваем определение, сформулированное почти сотню лет назад, не означает, что современные определения социального действия каким-либо коренным образом отличаются от него. В 21-м столетии социальное действие — это по-прежнему «любое проявление социальной активности (деятельность, поведение, реакция, позиция и пр.), ориентированное на других людей» [144, с. 124], то есть, в сущности, — все то же веберовское социальное действие. А значит, используя как точку отсчета веберовское определение социального действия, мы остаемся в рамках современного понимания данной концепции. Отметим, однако, несколько имен классической социологии, которые обычно [там же, с. 125], так или иначе, увязывают с теорией социального действия. Э. Дюркгейм, несколько предвосхищая концепции Вебера, рассматривал факторы (в основном внешние), предопределяющие те обстоятельства,

которые Вебер назвал «социальным действием» («социальные факты» [28, с. 50]). Т. Парсонс, развивая теорию социального действия, предложил «общую систему человеческого действия» — часть общей системы социального действия [171]. Помимо этого, теория социального действия получила развитие в трудах Дж. Александера, П. Л. Бергера, Ф. Знанецкого, А. Турена, Ю. Хабермаса и других. Мы не останавливаемся на концепциях данных авторов лишь потому, что они связаны с разработкой самой теории социального действия, ее отдельных частей, но не связаны с разработкой определения социального действия как такового и не привносят в веберовское определение по существу ничего нового. Например, Ю. Хабермас подразделяет социальное действие на «стратегическое», «нормативное», «драматургическое» и «коммуникативное» при этом полностью оставаясь в рамках веберовского определения социального действия [203].

Если обратиться за значением некоторых понятий к теории игр, которая исследует «соперничество и сотрудничество принимающих рациональные решения лиц» [54, с. 1] (в оригинале «Decision-makers»), то можно видеть, что «decision-makers» это не что иное, как упрощенное путем абстрагирования веберовское понятие «люди». Иначе говоря, принципиальное свойство людей, которое рассматривается в современных исследованиях теории игр, это как раз их способность принимать решения. Этот подход проник и в другие социальные науки, и под словами: «человек», «люди», «лицо», «участник» «игрок», «индивид», — в первую очередь понимается лицо, принимающее решение [98]. При этом распространенное понимание индивида, как элемента общества заменяется индивидом, который не обязательно является элементом (и вообще частью) общества [148].

Объективное (наблюдаемое) значение словосочетания «принимающий решения» строится на современном видении этого процесса. Иначе говоря, исследователь должен явно видеть выбор, перед которым стоит индивид и четко представлять условия, в которых можно утверждать, что выбор был сделан именно индивидом. В качестве примера можно рассмотреть игру в шахматы. Игрок делает тот или иной ход (есть четко оговоренные условия того, что значит «делает ход»: игрок в рамках строго определенных правил передвигает фигуру по доске), выбирая из конечного набора возможных в данной ситуации ходов. Можно сказать, что он — «принял решение», когда выбрал свой ход. Именно наличие объективной возможности «сделать ход», когда индивид явно (для исследователя) стоит перед выбором между несколькими вариантами и в принципе может выбрать тот или иной вариант, считается необходимым условием для возникновения понятия индивида (человека) как лица, принимающего решение. Наличие различных возможностей действовать — важнейшее условие для существования индивида. В противном случае, как

отмечают современные исследователи, если имеется только одна такая возможность, индивид перестает играть роль собственно индивида и превращается в обстоятельство [115, с. 8]. Сделанный индивидом выбор, позволяет говорить, что индивид «принял решение». (Очевидно, нельзя сказать наверняка, какое решение принял индивид, пока он не «сделал свой ход», то есть, — не выбрал.) Соответственно, индивид «принимающий решение», значит — поставленный в вышеописанные объективные условия, в том числе и при игре в шахматы. «Принявший решение» — сделавший выбор.

Теперь становится понятно последующее значение слова «действие». Собственно «действие» и есть осуществление выбора. «Индивид совершил действие», означает — индивид выбрал некоторый вариант из доступных ему вариантов выбора. Сегодня «все науки о человеческом поведении ведут речь лишь о различных сторонах одного и того же — нашего выбора в предложенных обстоятельствах» [148, с. 142].

Теперь рассмотрим словосочетание «социальное действие», учитывая вышеописанные определения. Поскольку у Вебера «социальное» — это такое действие, которое «соотносится» с действиями других людей, «ориентируется» на них, несложно понять в свете вышеописанных определений, что социально действующий индивид, тот, что осуществляет свой выбор в данной ситуации, учитывая (термин, объединяющий два предыдущих термина) выбор других людей. Однако мы видим, что термин «учитывать» содержит субъективные характеристики, поскольку термины, которые он обобщает («ориентироваться» и «соотносится»), — полностью субъективны. То, что они субъективны, по всей видимости, понимал и сам Вебер, о чем можно заключить по его словам о том, что «граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным, не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, не может быть проведена» поскольку «доступное пониманию действие в ряде психофизических случаев вообще отсутствует» [111, с. 603]. Современных исследователей такая субъективность не устраивает, поэтому сегодня, когда говорится «индивид учитывает» («ориентируется», «соотносит»), подразумевается, что индивид находится в условиях, в которых выбор других людей объективно (наблюдаемо) может влиять на его выбор или на результаты его выбора. Рассмотрим, в каких условиях вообще может действовать индивид. Индивид осуществляет выбор (то есть, действует) в условиях, когда его результаты (1) могут зависеть от выбора других индивидов. (2) Необходимо зависят от выбора других индивидов. (3) никоим образом не зависят от выбора других индивидов. «Если многие люди на улице раскрывают во время дождя зонты», — рассуждает Вебер — «то это (как правило) не означает, что действия человека ориентировано на поведение других» [111, с. 626]. Этот пример

иллюстрирует, следовательно, тип (3) осуществления выбора (между вариантами раскрыть и не раскрыть зонт во время дождя) коль скоро человек принимает решение об этом выборе, учитывая только, скажем, интенсивность дождя, — фактор, совершенно не связанный с действиями других людей. Его выбор не является социальным действием (поскольку не учитывает действия других людей), однако, тем не менее, является действием (поскольку является осуществлением выбора). Когда человек под дождем раскрывает зонт только потому, что это делают другие люди (например, когда не может принять решение о том, достаточно ли интенсивен дождь, чтобы раскрыть зонт или можно обойтись без этого действия), можно говорить, что имеет место социальное действие. Таким же образом имеет место социальное действие в поведении ребенка, который открывает зонт по наставлению родителей («когда пойдет дождь, раскрой зонт»), отправивших его на прогулку. Эти примеры иллюстрируют тип (1) условий осуществления выбора, поскольку поведение других индивидов может стать причиной его поведения. Однако здесь присутствует и фактор (интенсивность дождя), учитывая который индивид может принять решение о раскрытии зонта, не учитывая поведение других людей.

Хоть и можно проиллюстрировать различие между действиями типа (1) и (3) отличить их на практике, скорее всего, невозможно. Наблюдателю, очевидно, сложно в ситуации с раскрытием зонта понять наверняка (если вообще возможно) было ли поведение социальным действием или же — не социальным. Поскольку не известно, что происходит «в голове» человека, раскрывающего зонт и можно лишь предполагать, что зонт он раскрыл, учитывая интенсивность дождя, скажем, а не потому, что это делают другие люди. Наблюдателю остается только фиксировать условия и довольствоваться предположениями. Например, действия того или иного продавца, назначающего цену за свой товар, могут быть обусловлены, скажем, себестоимостью товара и в то же время быть обусловлены спросом товара у покупателей. Зная эти обстоятельства, можно отнести действия продавца к типу (1). Тем не менее, нельзя знать наверняка, чем оно обусловлено: себестоимостью товара или спросом у покупателей. То есть, было ли назначение цены социальным или не социальным действием. Наверняка известно только то, что оно могло быть социальным (ориентируемым на спрос). В этой классификации социальными действиями являются только действия типов (1) и (2). Поскольку действия типа (3) не зависят от действий других индивидов, то в современной литературе такие действия не рассматриваются как социальные [189]. Дилемма заключенного в этой классификации является примером действий индивида типа (2) (когда результаты действия индивида необходимо зависят от действий других индивидов). Также ее можно отнести и к действиям типа (1) (если допустить, скажем, что

некий участник ДЗ действует, полностью игнорируя возможные действия второго участника ДЗ). В любом случае, действия как (1), так и (2) являются социальными действиями и, соответственно, действия участников ДЗ заключенного являются социальными действиями.

Итак, поскольку действия индивидов в ДЗ сегодня понимаются как социальные действия, можно почти схематично показать, что ДЗ является видом социальных отношений. Из содержания множества единичных эмпирических фактов исследователи вывели форму (формальную структуру), которая сегодня носит название «дилемма заключенного». Данная структура представляет собой формы взаимно направленного социального действия индивидов, то есть — формы социального взаимодействия. Часть современных исследователей видит любое социальное взаимодействие эквивалентом социальных отношений, другие рассматривают социальные отношения как совокупность социальных взаимодействий. И в том и другом случае ДЗ является видом социальных отношений.

Изучение научной проблематики работы в контексте применения принципов и установок концепции перехода к обществу знания выявило несколько лакун в том, что касается философского осмысления социальных отношений. В частности, они возникают на стыке логического и социально-философского подходов в прогнозировании социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного. Теоретические модели с четко определенными свойствами (такие как дилемма заключенного), применяемые на основе методологических принципов представленного исследования, позволяют дать современные определения классических социально-философских концепций, в частности, ключевых понятий работы: социальных отношений, социального действия, социального взаимодействия и социальной реальности.

1.2. Концептуальная эволюция дилеммы заключенного: общий историографический анализ

Прежде чем переходить непосредственно к обзору исторических источников, связанных со становлением концепции «дилемма заключенного» целесообразно сначала осветить положение дел в современной философско-научной литературе в данной области исследований. Научных публикаций, в которых встречается словосочетание «дилемма заключенного» насчитывается более 100 тысяч³, в их числе книги, монографии, статьи и докторские диссертации. Как правило, это публикации, посвященные практическому применению ДЗ в различных областях человеческих отношений. На русском языке публикаций гораздо меньше: чуть более 5 тысяч, при этом из области философии (помимо авторских): 5 статей, не одной монографии и не одной диссертации⁴. В республике Молдова научных публикаций в области социальной философии, посвященных непосредственно ДЗ (помимо публикаций автора) нет. Существует монография в области политических исследований [44], где ДЗ применяется в качестве теоретической модели (наряду с другими моделями) при анализе практических задач и одна научная статья [76] из области права⁵.

Хотя дилемма заключенного и является одной из фундаментальных социальных проблем и широко признанным методологическим инструментом в изучении сотрудничества, в Республике Молдова, как было сказано, она практически напрямую не изучается и не применяется в качестве методологического инструмента в сторонних исследованиях. Существует всего несколько работ, тангенциально затрагивающих данную структуру — одна монография в области политических исследований В. Жука [44] и одна статья в области права Я. Руба [76]. В работе В. Жука подводится методико-теоретическая база к политике геостратегических отношений в эпоху после окончания «холодной войны». Соответственно, дилемма заключенного здесь [44, с. 193-194] — инструмент для анализа политических отношений, но не *предмет* какого-либо анализа и не предмет изучения вообще. (Разумеется, это не может быть расценено как недостаток или достоинство данной работы, поскольку автор и не ставил себе таких задач.) Таким образом, говорить в свете данного исследования об изучении в нашей стране самой дилеммы заключенного мы не можем. Еще в меньшей степени в этом свете мы можем говорить о философском изучении дилеммы заключенного. Гораздо шире дилемма заключенного представлена в другой работе (из области права) Я. Руба [76, с. 50-51], вышедшей в нашей стране. Здесь дилемма

³ По данным <https://scholar.google.ru/>

⁴ По данным <https://elibrary.ru/>

⁵ По данным <https://ibn.idsi.md>

заклученного представлена как *форма* компромисса в отношениях истца и ответчика в уголовном процессе. Автор представляет современное понимание дилеммы заключенного как общего вида некоторых социальных отношений, куда входит в том числе и правовые отношения истца и ответчика. Автор приходит к выводам, что анализ отношений между истцом и ответчиком на основе дилеммы заключенного в рамках уголовного процесса возможен и допустим, и даже, вероятно, необходим [76, с. 50]. Помимо этого, используя дилемму заключенного уже как инструмент анализа, автор приходит к выводу, что юридическое сотрудничество истца и ответчика приводит *обоих* к юридическим выгодам в уголовном процессе, в то время как не сотрудничество — приводит лишь к правовым потерям [76, с. 51]. Вывод, который отражает современное понимание социальных отношений ДЗ (которое отражено, в частности, и в нашем исследовании). Говорить о философской стороне изучения дилеммы заключенного в указанном исследовании не имеет смысла, поскольку автор и не ставил себе таких задач. Тем не менее, следует отметить методологический (то есть, во многом — философский), а не чисто инструментальный характер применения дилеммы заключенного в этом исследовании (философия права, как известно, часто представляет собой *методологию* права). В области чистой философии в нашей стране, работ, связанных с дилеммой заключенного (помимо статей автора), нет вообще. С другой стороны в западном мире (в основном, в США) дилемма заключенного широко изучается с самых разных сторон. Сложно (практически невозможно) проанализировать *все* десятки тысяч работ, так или иначе связанных с дилеммой заключенного, поэтому остановимся только на фундаментальных исследованиях в этой области.

Наиболее яркие исследования в области изучения (и применения) дилеммы заключенного связаны с именами Р. Аксельрода [4; 5], У. Фундстона [70] и А. Раппопорта [72]. В работе 1984 года Р. Аксельрода «Эволюция кооперации» [5] впервые глубоко анализируется возникновение и сохранение сотрудничества между людьми только на основе инструментов теории игр, а именно — на основе итерированной (повторяющейся) дилеммы заключенного. Применение этого метода не только позволило провести анализ сотрудничества/не сотрудничества, но и сформулировать теорию этого явления («теория сотрудничества»), подкрепленную экспериментальными данными абсолютно нового характера. Аксельрод устроил турнир между компьютерными программами по итерированной дилемме заключенного (подробней об условиях и проведении турнира см. 2.3), что было абсолютной новинкой в то время. Программы были написаны при участии главных специалистов по теории игр того времени и отражали различные стратегии

поведения людей в ситуациях, описываемых итерированной дилеммой заключенного. Победителем вышла программа, которая использовала стратегию «Око за око» (подробней см. 2.3) и была написана А. Рапопортом. Его монография [72], посвящённая социальным исследованиям, основанным на экспериментальных данных, полученных при подготовке и участии в этом турнире, является также одной из наиболее ярких работ по философии дилеммы заключенного. Прежде чем переходить к описанию других исследований дилеммы заключенного в этот период, рассмотрим состояние дел после второй мировой войны, которые, собственно, и привели к такого рода исследованиям.

Идея о том, что поведение человека может быть плодотворно проанализировано математически, из которой исходил Аксельрод, стала пользоваться доверием лишь после успешного исследования военных операций с целью их оптимизации во время Второй мировой войны. Данные об успехах исследования операций во время войны, публикация в 1944 году Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение» [57, 164] (о которой речь пойдет ниже в этом параграфе), использование теории игр для разработки и анализа оптимальных военных и экономических стратегий, привели к возникновению более глубокого формального понимания (которое необходимо для математического подхода) социального (группового) и индивидуального поведения человека. Однако в теории игр возник некоторый кризис: в ее рамках не удавалось найти верную стратегию для дилеммы заключенного (которая как раз является игрой-моделью сотрудничества/не сотрудничества индивидов и групп). Вопрос нахождения верной стратегии по сути сводился к следующему: сотрудничать или не сотрудничать? Этот простой вопрос (и его скрытая сторона — вопрос о том, доверять другим индивидам или нет), выраженный в достаточно простой форме дилеммы заключенного, выступил критически важным вопросом для широкого круга исследований. Биология: почему акула никогда не съедает рыбку, которая только что очистила ее от паразитов, хотя та абсолютно не защищена, а акула голодна? Фиговые осы коллективно ограничивают яйца, которые они откладывают на фиговых деревьях (иначе, при большем количестве яиц, деревья пострадают). Но почему бы не найтись осе-обманщику и не оставить больше яиц, чем ее соперницы (или соратницы?), ведь это увеличит шансы выживания ее потомства? На уровне человеческого общества, в социологии: почему бы одному или нескольким из сельских жителей, которые имеют общий, но ограниченный ресурс, не попытаться использовать этот ресурс в большей степени, чем другие сельчане? Эти и другие вопросы, которые четко очерчивают тогдашний кризис в изучении социального поведения индивидов различных сообществ, ставятся в работах Г. Хардина. Его публикация в

“Science” 1967 года «Трагедия общин» [33] становится основополагающей работой в освещении кризиса социальных исследований, основанных в то время на концепции рационального поведения индивидов (берущей начало в работах А. Смита и формализованной в теории игр). В основе этих и множества других исследований, как оказалось, лежит конфликт, формально эквивалентный дилемме заключенного. Как показывали наблюдения и эксперименты: акулы, фиговые осы и сельские жители сотрудничают, а не соперничают. В рамках эволюционной биологии, социологии или экономики, основанных на идеи непрерывного соперничества индивидов и групп, было затруднительно объяснить, как такое сотрудничество могло развиваться в мире эгоистов, максимизирующих свою прибыль и шансы на выживание. Эволюционная теория естественного отбора Ч. Дарвина также явно является конкурентной («выживает наиболее приспособленный») не в меньшей степени чем, например, борьба за существование в «мальтузианской ловушке» (рост населения в конечном счёте обгоняет рост производства продуктов питания). То есть, все существование живых организмов сводится к единой сути: превзойти всех конкурентов в производстве потомства. В свете современной синтетической теории эволюции естественный отбор рассматривается как *главная* причина существования живых существ в их современном виде и на любом другом этапе развития. В такой борьбе за существование альтруизм (бескорыстные действия в пользу других, в том числе в пользу не родных и не близких) и даже сотрудничество (работа с другими ради взаимной выгоды) кажутся настолько противоположными личным эгоистичным интересам, что это именно тот тип поведения, который как будто даже гипотетически не может возникнуть в рамках эволюционного подхода. Тем не менее, сотрудничество и даже альтруизм развились и сохраняются, в том числе даже между видами и натуралисты с трудом в то время могли объяснить почему. На этом фоне возникает концепция взаимного альтруизма (термин введён Р. Триверсом) при котором индивиды ведут себя с некоторой долей самопожертвования в отношении друг друга, однако только в том случае, если ожидают ответного самопожертвования. Преимущества взаимного альтруизма как раз и были достаточно наглядно продемонстрированы турнирами по дилемме заключенного, проведенными Аксельродом в 1980 году. В 1984 году Аксельрод пишет, что в индексах научного цитирования отмечаются «сотни статей о дилемме заключенного» [5, с. 28], и подсчитал, что цитаты, связанные только лишь с «Эволюцией кооперации» «растут со скоростью более 300 в год» [5, с 3]. Полный обзор этой литературы невозможен, поэтому отметим только две наиболее знаковые работы: работу самого Аксельрода «Сложность сотрудничества» и работу Р. Докинза (р. 1941) «Эгоистичный ген». В первой [4] Аксельрод

продолжил свои исследования, он рассматривает ее как продолжение «Эволюции кооперации». Здесь «Эволюция кооперации» была расширена чтобы охватить просоциальное поведение в целом (в частности, за счет религиозного поведения, например). Рассмотрены другие механизмы для налаживания сотрудничества (другие стратегии в повторяющейся дилемме заключенного при других условиях и других допущениях). Рассмотрены другие игры, помимо дилеммы заключенного, такие как «Общественные блага» («Public goods game») и «Ультиматум» [4], с целью исследовать глубоко укоренившиеся представления о справедливости и справедливой игре. Также Аксельрод одним из первых подвергает критике концепцию экономического человека (нашу критику данной концепции см. 2.3 и 3.1) а в качестве основы для замены дарвиновской теории полового отбора предлагает свою теорию социального отбора [там же]. Докинз исследовал биологию эгоизма и альтруизма в своей работе 1976 года «Эгоистичный ген» [22, 132], где развивает новый для того времени геноцентрический взгляд на эволюцию [22], основываясь в том числе и на дилемме заключенного. В последующих изданиях своей книги [132] он переосмысливает основы эволюции и альтруизма, включая в исследование и результаты ДЗ-турниров Аксельрода (докинзское описание условий проведения турниров см. 2.3). Также говоря о знаковых работах в области общих исследований дилеммы заключенного, нельзя не упомянуть работу «Дилемма заключенного: Дж. фон Нейман, теория игр и бомбовая головоломка» («Prisoner's Dilemma: John von Neumann, Game Theory, and the Puzzle of the Bomb») [70] У. Фундстона. Она примечательна огромным количеством примеров дилеммы заключенного в жизни людей: от примеров частной жизни до геополитического противостояния США и СССР времен холодной войны. Помимо непосредственно дилеммы заключенного Фундстон рассматривает контексты: развитие теории игр как социальной дисциплины, другие игры, так или иначе связанные с дилеммой заключенного, историю возникновения термина дилемма заключенного и т.д. Монография не содержит каких-то авторских открытий, связанных с дилеммой заключенного, однако это не мешает ей оставаться одной из самых цитируемых работ по этой теме.

Основы изучения дилеммы заключенного заложены в работах исследователей М. Флада [31], Дж. Нэша [55] и А. Такера [93], а также М. Дрешера, который непосредственно участвовал в разработке дилеммы заключенного вместе с М. Фладом, однако работ не публиковал. Вскоре после возникновения и распространения теории игр (ниже в этом параграфе возникновение теории игр мы опишем подробнее) оказалось, что некоторые игры (то есть — модели конфликтов) представляют собой парадоксы. Одним из таких парадоксов как раз и является дилемма заключенного — открытие М. Флада и М. Дрешера.

Они вели исследования в рамках корпорации RAND (американский стратегический исследовательский центр, некоммерческая организация ВВС США [129], занимающаяся образовательной и благотворительной деятельностью в интересах общественного благополучия и национальной безопасности США). В то время RAND вела помимо иных и исследования в теории игр, с целью возможного прикладного значения выводов этих исследований к глобальной ядерной стратегии США [46]. Следует отметить, что сами первооткрыватели не придавали дилемме заключенного слишком большого значения. Даже в статье Флада 1952 года [31] дилемма заключенного не рассматривается отдельно, а представлена под названием «Не сотрудничающая пара» как одна из шести равнозначных проблем (игр). Традиционная формулировка с двумя задержанными, подозреваемыми в ограблении, принадлежит А. Такеру. «Гениальность Такера заключалась в том, что он придумал историю, иллюстрирующую математические выкладки» [130, с. 93].

Как указывают историки [46] хотя Флад и Дрешер не спешили публиковать свои исследования, дилемма привлекала все более широкое внимание. К примеру, в статье Доннингера [24], посвященной социальному поведению, вышедшей в 1986 году, говорится о «более чем тысяче публикаций» в шестидесятых-семидесятых годах по этому вопросу. В списках литературы на английском языке между 1988-м и 1994-м годами, связанных только с одним исследованием дилеммы заключенного Р. Аксельродом, значится 209 источников.

Канонический обобщенный вариант дилеммы заключенного был установлен Д. Хофштадтером в самом начале восьмидесятых годов [41]. Он формулирует дилемму в виде матрицы (таблицы) следующего вида (фиг. 4):

Фиг. 4

	Сотрудничать	Соперничать
Сотрудничать	C, C	c, D
Соперничать	D, c	d, d

Где $D > C > d > c$

Здесь происходит абстрагирование от подтекста с подозреваемыми в ограблении и формулируются необходимые условия для того, чтобы ситуация считалась моделью ДЗ, а не иной игрой. Однако, то, что именно Хофштадтер является автором идеи представлять ДЗ в форме матрицы, вызывает некоторые сомнения, поскольку еще в работе Флада «Не сотрудничающая пара» представлена в виде платежной матрицы. Что наверняка не вызывает сомнений, так это то, что способ представления выигрыша обоих игроков в одной

таблице, позволяющий четко разграничить, какой выигрыш соответствует каждому игроку, изобрел [130] Т. Шеллинг. «Если меня когда-либо спросят, внес ли я какой-нибудь вклад в теорию игр, я отвечу... да, это метод расположения всех выигрышей в шахматном порядке в одной матрице» [там же, с. 575]. Двадцатистраничная диссертация Дж. Нэша (за которую позже была вручена нобелевская премия в области экономики) представила миру концепцию равновесия (позже названую «равновесием Нэша»), без которой немыслима современная теория игр (подробно о равновесии Нэша см. 1.3.). Повторяющая ДЗ (то есть, когда у тех же участников есть возможность повторять игру снова и снова, и которая не является предметом нашего исследования) стала активно изучаться, как мы уже говорили, после выхода в свет в 1984 году работы Р. Аксельрода «Эволюция кооперации» [5].

Фундаментальные исследования дилеммы заключенного последнего времени отражены в работах С. Куна [46], А. Раппопорта [73], Х. Деулофеу [129] и Т. Мидтбё [160]. Все эти работы так или иначе затрагивают философские аспекты дилеммы заключенного и являются главными в этой области. Всего же работ, связанных с философией дилеммы заключенного, около 30-ти тысяч⁶, а публикаций посвященных разным (не философским) аспектам дилеммы заключенного более 70 тысяч⁷. Даже краткий их обзор в рамках одного параграфа не представляется возможным, поэтому кратко рассмотрим самые знаковые.

Наиболее успешный и авторитетный ресурс [84] по философии «Стэнфордская философская энциклопедия» включает в себя обзорную статью «Дилемма заключенного» [46] С. Куна, которая является наиболее цитируемым источником на сегодняшний день по философии и логике игры дилеммы заключенного. Статья содержит самый полный на сегодня не исторический обзор дилеммы заключенного с рассмотрением всех известных вариантов игры (как классической, так и повторяющейся дилеммы заключенного). Также в ней рассмотрены все известные стратегии и решения игры. Другой современной работой в этой области исследований, которую следует отметить, является монография «Дилемма заключенного: исследование конфликта и кооперации» («Prisoner's Dilemma: A Study in Conflict and Cooperation») [73] А. Раппопорта (алгоритм которого, как уже говорилось, стал победителем аксельродовского турнира) и А. Чамма (A. Chammah). Как отмечают сами авторы, монография адресована «конкретно экспериментальным психологам и в общем всем, кто полагает, что знание о человеческом поведении может быть получено сплетением традиционных методов теоретических рассуждений и контролируемого наблюдения» [73, с. 5]. Авторы собрали данные о большом количестве экспериментов, основанных на

⁶ Согласно Google Scholar

⁷ Согласно Google Scholar

дилемме заключенного. Проанализировав результаты, авторы показывают, как можно узнать о мотивации людей (участников ДЗ-экспериментов) доверять или не доверять своим партнерам, сохранять веру или предавать, руководствоваться общими или корыстными интересами. Методологически авторы стремятся установить связь между психологией, основанной на достоверных данных и воспроизводимых экспериментах (дилеммы заключенного), и психологией, которая занимается внутренними конфликтами и с этой точки зрения данное исследование является одним из самых важных исследований 21-го века. Параллельно в 2003 году в норвежском Бергене вышла коллективная монография «Теория и методы в современной политической науке», которая стала первой исторической попыткой синтеза классических и современных теорий в области политической науки. В каждой статье данной монографии дается краткое изложение той или иной теории и делается попытка проверить ее в процессе анализа конкретного эмпирического материала. Сегодня эта одна из наиболее цитируемых работ в области как политических наук, так и политической философии. В русском переводе книга [160] вышла в 2009 году. Дилемма заключенного рассматривается в данной монографии в статье Т. Мидтбё «Дилемма заключенного: парадоксы рационального выбора» [160, с. 190-213] и посвящена анализу дилеммы заключенного в контексте политических исследований. В философских публикациях последнего времени, связанных с дилеммой заключенного, это — одна из наиболее цитируемых публикаций. В 2010 году (в 2014 году на русском языке) вышла работа Х. Деулофеу «Дилемма заключенного и доминантные стратегии» [129], которая стала одной из самых цитируемых работ в области изучения дилеммы заключенного, даже не смотря на присвоенный издательством статус научно-популярной книги. Книга рассматривает дилемму заключенного как одну из игр в теории игр, то есть, в ее первоначальной, базовой форме. Также в ней широко представлен обзор взаимоотношений математики и азартных игр, что, как известно [129], привело не только к возникновению теории игр, но и к возникновению теории вероятностей и статистики, без которых невозможно представить современные научные исследования.

Главными обобщающими работами по результатам исследований структуры дилеммы заключенного являются работы К. Камерера [14] и Д. Хофштадтера [41]. Работа К. Камерера «Поведенческая теория игр» [14] стала важной работой последнего времени в области социальных исследований. Вышедшая в начале 21-го века (в 2003 году) она объединила и обобщила большой объем экспериментальных и теоретических данных по социальному взаимодействию между людьми. До недавнего времени теория игр игнорировала то, как реальные (или среднестатистические) люди с эмоциями и

ограниченными способностями действительно играют в игры, то есть взаимодействуют между собой (напомним, теория игр имела дело с идеальными игроками, то есть, со всегда рациональными, всё предвидящими эгоистами). Эта монография знаменует собой первое существенное и авторитетное усилие по устранению этого пробела. Значительная часть работы, что важно для нас, посвящена социальным отношениям формы дилеммы заключенного. Например, здесь впервые в истории исследований дилеммы заключенного выявился факт, что реальные люди в ситуациях социальных отношений структуры дилеммы заключенного не сотрудничают только в половине случаев, а не в ста процентах случаев, как это предсказывала теория игр (и социально-философские теории, основанные на концепции экономической рациональности). Данный факт является главной отправной точкой нашего исследования. Теория поведенческих игр, представленная в работе Камерера, покоится на трех «китах»: (1) синтез математических исследований, связанных с тем, как моральные обязательства и месть влияют на то, как люди торгуются и доверяют друг другу; (2) данные об естественных ограничениях способности к рассуждению реальных людей; и (3) синтез теорий, связанных с тем, как люди учатся на опыте, чтобы принимать лучшие стратегические решения. Таким образом, данная теория сочетает экспериментальные данные и психологию людей с математической теорией игр. Работу Д. Хофштадтера «Компьютерные турниры по дилемме заключенного и эволюция кооперации» («The Prisoner's Dilemma Computer Tournaments and the Evolution of Cooperation»), вышедшую в 1985 году относят к одной из важнейших обобщающих работ по данным компьютерных турниров по повторяющейся дилемме заключенного, устроенных Аксельродом. Одной из последних публикаций в области социальной философии, где дилемма заключенного рассматривается в контексте глобализации как пример социальных взаимоотношений, является статья К. Матея [50].

Поскольку одной из главных тенденций развития социально-философских исследований в нашей стране (и кое-где в мире) является переход от информационного общества к обществу знаний, по-видимому, нельзя не упомянуть (хотя бы общим образом) как обстоят дела в этой области знаний. Изучение социально-философских аспектов перехода от информационного общества к обществу знания в Республике Молдова осуществляется достаточно широко. Фундаментальной работой по этому вопросу является коллективная монография под общей редакцией А. Паскару [23], куда вошли работы исследователей: Г. Бобынэ, А. Паскару, Р. Чобану, А. Космеску, А. Перчуна, Л. Трояновски. Научной рецензией к данной монографии является совместная статья В. Ожовану и В. Жука [61]. Исследования социально-философских аспектов экономических отношений в

обществе знания отражены в работе А. Рошки [75]. Результаты исследований философских аспектов социально-культурных преобразований в рамках перехода к обществу знания нашли отражение в работах А. Паскару [64; 66]. Исследования, связанные с глобальным переходом к обществу знания не философского характера в нашей стране представлены в научных публикациях Г. Аворника, С. Марин, М. Доги-Мырзак, Р. Тараган и др. В мировом масштабе идея общества знаний проявилась в 60-е годы XX века в работах П. Друкера, Ф. Махлупа, Д. Белла, Р. Лэйна и других авторов. основополагающей работой является монография Друкера [26], в которой и возникает термин «общество знания». Однако предметом широкого общественного интереса идея общества знаний как общества будущего стала лишь в 90-х, после выхода еще одной работы Друкера [25], подводящей итоги многолетним исследованиям в этом вопросе. После публикации в 2005 году доклада ЮНЕСКО «К обществам знания» [140] данная концепция приобретает глобальный характер.

В изучении дилеммы заключенного в мировой историографии можно выделить два основных этапа: первый этап — с 1950 до 1984 гг.; второй — с 1984 года по настоящее время. Однако здесь следует учитывать тот факт, что эти периоды основываются на возникновении самого понятия «дилемма заключенного» (1950) и «итерированная дилемма заключенного» (1984), в то время как сами ситуации со структурой дилеммы заключенного встречаются в литературе с античного периода. Один из самых цитируемых авторов в вопросе исследований дилеммы заключенного У. Фундстон отмечает: «Дилемма заключенного — парадокс, с которым мы все живем. Обнаружение дилеммы заключенного это вроде как обнаружение воздуха. Он всегда был с нами и люди всегда в той или иной степени замечали его» [70, с. 123]. Принимая подобную позицию, в мировой историографии можно выделить четыре основных этапа: первый этап — V век до н. э. до 1655 года; второй этап — 1655 до 1843 гг.; третий этап — 1843 до 1950 гг.; четвертый этап — 1950 год по настоящее время. Далее мы рассмотрим общим образом эволюцию дилеммы заключенного (концептуальную и методологическую) в первый, второй и третий исторический период, то есть с античности (от античной литературы) и до 1950 года (до возникновения формальной модели дилеммы заключенного).

Первый период характеризуется литературными примерами, с одной стороны — некоторых элементов дилеммы заключенного, которые сами по себе ей не являются. Они представлены в виде правил («максим» если пользоваться терминологией Канта). С другой стороны — в этот период появляются басни, некоторые из которых по форме очень близко приближаются к форме дилеммы заключенного. Литературные источники, связанные с

дилеммой заключенного, в этот период представляют собой как философскую (раннюю научную) литературу, так и художественно-религиозную.

У Конфуция (V в. до н. э.) как основа принципа «Жэнь» встречается следующее этическое предписание: «[Ученик] Цзы Гун спросил учителя: «Можно ли одним предложением выразить правило, которому необходимо следовать всю жизнь?» Учитель ответил: «Можно. Чего не желаешь себе, того не делай и другим» [145, с. 193-194]. Это же этическое предписание встречается в Евангелии от Матфея (I век н. э.), где главный персонаж Иисус произносит «Золотое правило»: «...во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте, и вы с ними...» (Матф.: 7:12). Истолковывать «Золотое правило» (принцип «Жэнь») как один из примеров ДЗ можно достаточно отдаленно. Тем не менее, здесь, по мнению Фундстона [70], сокрыты элементы дилеммы заключенного. А именно идея, которая ясно осознавалась уже в древности: сотрудничество с другими людьми помогает успешней действовать в собственных интересах. «Люди естественно ищут реализацию своих собственных интересов. Не было бы никакой надобности в [подобном] правиле, если бы иногда не случалось так, что в погоне за собственными интересами люди упускают простой рецепт, что эти интересы достижимы только совместными усилиями» [70, с. 123]. Однако в дилемме заключенного действия одной стороны конфликта, как следует из самих ее условий, не оказывают никакого влияния на действия другой стороны конфликта. В этом смысле «Золотое правило» отражение скорее того, что называется «квазимагическим мышлением» — веры в то, что, предпринимая какие-либо действия, можно повлиять на действия другой стороны [130, с. 119]. В той или иной форме принцип «Жэнь» встречается у различных античных авторов. У Платона (V вв. до н. э.), Аристотеля (IV в. до н. э.), Гиллеля (I в. до н. э.) и Сенеки (I в. н. э.) [70]. Окончательной редакцией правила, по-видимому, можно считать категорический императив И. Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [141, с. 347].

Гораздо ближе к структуре дилеммы заключенного в этот период некоторые из басен Эзопа (VI (?) в. до н. э.). Например, басня «Орел и лисица».

«Орел и лисица решили жить в дружбе и сговорились поселиться рядом, чтобы от соседства дружба была крепче. Орел свил себе гнездо на высоком дереве, а лисица родила лисят под кустами внизу. Но вот однажды вышла лисица на добычу, а орел проголодался, слетел в кусты, схватил ее детенышей и со своими орлятами их сожрал. Вернулась лисица, поняла, что

случилось, и горько ей стало — не столько оттого, что дети погибли, сколько оттого, что отомстить она не могла: не поймать было зверю птицы. Только и оставалось ей издали проклинать обидчика: что еще может делать беспомощный и бессильный? Но скоро орлу пришлось поплатиться за поправленную дружбу. Кто-то в поле приносил в жертву козу; орел слетел к жертвеннику и унес с него горящие внутренности. И только донес он их до гнездовья, как дунул сильный ветер, и тонкие старые прутья всполохнули ярким пламенем. Упали опаленные орлята наземь — летать они еще не умели; и тогда лисица подбежала и съела их всех на глазах у орла.

Басня показывает, что если предавшие дружбу и уйдут от мести обиженных, то от кары богов им все равно не уйти» [119, с. 63].

Здесь имеет место гораздо более успешная попытка обоснования преимуществ сотрудничества, чем в вышерассмотренных максимах. Если принцип «Жэнь» («Золотое правило») — это скорее ничем не обоснованное утверждение (не считая, разумеется, авторитета учителя или матфеевского Иисуса), то в басне прямо показаны плачевные последствия не соблюдения договоренностей (не сотрудничества). Интересно, что здесь уже можно выделить некую дилемму: соблюдать договор (сотрудничать), что приносит «крепкую дружбу» и целое потомство, или нарушить договор, что приносит избавление от голода, но приводит к смерти потомства. Конечно, это — пока не совсем дилемма заключенного, но, если бы было известно, каким образом можно количественно оценить «крепкую дружбу», любовь к детям или неудовлетворенный голод — получилась бы обычная теоретическая модель конфликта теории игр, причем достаточно близкая к ней. И тогда Басни Эзопа по праву могли бы считаться первым литературным источником, где встречается полностью оформленная дилемма заключенного.

Другой пример конфликтной ситуации с элементами дилеммы заключенного из Эзопа — басня «Лисица и козел» [119]. Оказавшись вдвоем с козлом в глубоком колодце, из которого поодиночке не выбраться, лисица предлагает козлу посадить ее наверх, чтобы потом она вытянула его. После помощи козла, она оставляет его в колодце. Козел бранит ее за нарушения уговора, но лисе это, разумеется, никакого вреда не причиняет. Эта басня, вероятно, одна из первых литературных иллюстраций того, что договор должен иметь под собой некоторые основания, то есть, его нарушение должно влечь за собой ощутимые для нарушителя неприятные последствия (сегодня мы называем это «жесткие договора» [207,

с. 286]). Или — если рассматривать договор как сотрудничество, — сотрудничество должно иметь под собой основания.

Приведем еще один показательный пример из античной литературы, иллюстрирующий ситуацию, которая может быть описана как дилемма заключенного. Вот изречение, которое Светоний приписывает Октавиану Августу «Не следует начинать сражение или войну, если нет уверенности, что при победе выиграешь больше, чем потеряешь при поражении. Те, кто домогается малых выгод ценой большой опасности, подобны рыболову, который удит рыбу на золотой крючок: оторвись крючок — никакая добыча не возместит потери» [116, с. 44]. Исход предложенных ситуаций можно в принципе рассчитать (а не пытаться делать выводы о нем умозрительно). Сравнительно легко это сделать с рыбой и золотым крючком (зная цены на рыбу и золото; вес крючка и вес рыбы; вероятность обрыва крючка и т.п.). Заметно сложнее провести расчеты в случае военного сражения (для этого надо обладать информацией о возможных людских потерях у себя и противника, о предполагаемом доходе с захваченных территорий и т.п.).

Во второй период (1655 до 1843 гг.) по общему мнению исследователей происходит зарождение дилеммы заключенного в современном виде. В этот период дилемма заключенного (или ее элементы) обычно выступает в качестве аргумента для обоснования той или иной социально-философской, политической или экономической позиций автора. Литературные источники, связанные с ней, в этот период представляют собой чисто философскую (раннюю научную) литературу.

Исследователи единогласно сходятся в том, что первым, кому почти полностью в современном виде удалось описать дилемму заключенного, является Т. Гоббс [5; 40; 70; 129; 160]. В XVII веке в своем сочинении «Левиафан» (1655 год) он описывает ситуацию, которая вполне может быть истолкована как дилемма заключённого: «...Если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. ...Они стараются погубить или покорить друг друга. ...Там, где человек может отразить нападение лишь своими собственными силами, он... может с верностью ожидать, что придут другие люди и соединенными силами отнимут его владение и лишат его не только плодов собственного труда, но также жизни или свободы. А нападающий находится в такой же опасности со стороны других». Такое состояние Гоббс называет «войной всех против всех» [123, с. 94-95]. В этом состоянии «...нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» [там же, с. 96]. Описывая эти ужасы, Гоббс молчаливо предполагает, что все люди стремятся избегать их и поэтому

«...всякий человек должен добиваться мира, если у него есть надежда достигнуть его; если же он не может его достигнуть, то он может использовать любые средства, дающие преимущество на [такой] войне» [там же, с. 99]. Однако Гоббс также полагает, что имеются три неизменные характеристики человеческой природы, перечеркивающие желание «добиваться мира». Именно они и служат причинами возникновения такой общей «войны всех против всех»: «...во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы... Первая причина заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая — в целях собственной безопасности, а третья — из соображений чести» [123, с. 95]. Говоря о «войне всех против всех» как о дилемме заключенного можно сказать, что Гоббс полагает, что у людей имеются всегда как минимум три вышеописанные причины, чтобы не сотрудничать в ситуациях дилеммы заключенного и, соответственно, исход всегда один в такой игре — исключение лучшего результата (основанного на сотрудничестве), то есть — постоянная такая война. На практике, Гоббс полагает, люди находятся в таком состоянии войны только пока «живут без общей власти, держащей всех их в страхе» [там же, с. 95]. Эта власть должна не давать им соперничать (то есть — не сотрудничать) путем различных устрашающих мер («держат их всех в страхе»). Фундстон отмечает здесь, что власть, представленная у Гоббса, как бы отбирает у граждан право «губить и покорять» других (то есть, не сотрудничать с другим игроком, если говорить в терминах дилеммы заключенного) в обмен на уверенность в том, что они сами не будут «погублены и покорены» (на уверенность в том, что другой участник дилеммы заключенного будет сотрудничать) [70]. Другими словами — власть обеспечивает здесь то, что мы сегодня называем жесткими договорами [207]. Выводы Гоббса последовательны и справедливы: жесткие договора, обеспеченные средствами власти, действительно решают проблему не сотрудничества в обществе, где идет «война всех против всех». Эти аргументы Гоббса, даже, как отмечают исследователи, широко использовались в защиту утверждения государства [160] (правда, как показывают Хип (Heар) и Варофакис (Varoufakis), они с таким же успехом могли бы использоваться в защиту любого института власти, например мафии [40]). Однако, то, что они последовательны, ничего на практике не доказывает. Мы помним, что Гоббс исходит из того, что люди по своей «природе» всегда соперничают (говоря языком дилеммы заключенного), желая «покорить и погубить» друг друга. Эта «природа» человека Гоббса получена чисто умозрительным путем, хоть он и пытается обосновать ее эмпирически, когда пишет: «Может быть, кто-нибудь подумает, что такого времени и такой войны, как изображенные мной, никогда не было; да я и не думаю, чтобы они когда-либо существовали как общее правило по всему миру. Однако есть много мест, где люди живут так и сейчас.

Например, дикие племена во многих местах Америки не имеют никакого правительства, кроме власти маленьких родов-семей, внутри которых мирное сожительство обусловлено естественными вождениями, и живут они по сию пору в том животном состоянии, о котором я говорил раньше» [123, с. 97]. Однако его представление об образе жизни североамериканских индейцев не соответствовало действительности. Как отмечает автор примечаний к вышеуказанному изданию «Левиафана» В. Соколов: «В период, когда европейцы познакомились с американскими аборигенами, последние находились на высшей фазе родоплеменного строя, имели достаточно развитую племенную и межплеменную организацию» [123, с. 630]. Несмотря на эти неточности, у Гоббса, тем не менее, наблюдается первая попытка в истории обосновать некоторого рода общественные отношения широкого рода (взаимодействие гражданина и государства), основываясь на дилемме заключенного. В XVIII веке Д. Юм, Ж-Ж. Руссо и несколько позже соотечественник Юма А. Смит также используют в рассуждениях примеры общественных отношений, которые сегодня по структуре относятся к дилемме заключенного. В вышедшем в 1740-м году «Трактате о человеческой природе» [211; 212] Юм использует положения, которые очень напоминают дилемму заключенного, как аргумент в пользу того, что люди вполне могут успешно взаимовыгодно сотрудничать, не опираясь на «естественную» мораль, но опираясь на взаимовыгодные «естественные» соглашения. Он приходит к выводу: люди не должны стремиться к сотрудничеству: оно (сотрудничество) есть плод эгоистичного поведения, основанного только на интересах членов общества, а именно: на интересе к точному исполнению обязательств. Юмовский пример «войны всех против всех» выглядит так: «Ваша рожь поспела сегодня; моя будет готова завтра; для нас обоих выгодно, чтобы я работал с вами сегодня, и чтобы вы помогли мне завтра. Но у меня нет расположения к вам, и я знаю, что вы также мало расположены ко мне. Поэтому ради вас я не возьму на себя лишней работы, а если бы я стал помогать вам ради себя самого в ожидании ответной услуги, то знаю, что меня постигло бы разочарование, и что я напрасно стал бы рассчитывать на вашу благодарность. Итак, я предоставляю вам работать в одиночку; вы отвечаете мне тем же; погода меняется; и мы оба лишаемся урожая вследствие недостатка во взаимном доверии и невозможности рассчитывать друг на друга» [212, с. 560]. Здесь наблюдается структура дилеммы заключенного, которой Юм пытается продемонстрировать, что «естественные» моральные принципы (например, «золотое правило») не могут лежать в основе взаимного сотрудничества: «если бы успех... зависел от успешного исцеления эгоизма и неблагодарности людей, они никогда не достигли бы желаемого результата» [там же, с. 561]. Действительно, как пишет и сам Юм: «Я... могу

оказывать услуги без надежды на какую-либо выгоду [лишь] тем лицам, которых люблю, с которыми ближе знаком, и они могут отвечать мне тем же, думая лишь о том, как бы вознаградить меня за мои прежние услуги» [там же]. Гораздо ближе к истине, по Юму, то, что в основе взаимного доверия в обществе лежит стремление к выгоде. «...Мне выгодно предоставлять другому человеку владение его собственностью при условии, что он будет действовать так же по отношению ко мне. Он чувствует, что, подчиняя свое поведение такому же правилу, тоже служит своим интересам. ...Ведь поступки каждого из нас находятся в зависимости от поступков другого и совершаются нами в предположении, что и другой стороной должно быть нечто сделано». «Все... по взаимному соглашению составляют некоторый план действий, рассчитанный на взаимную выгоду, и соглашаются быть верными своему слову; для установления же этого соглашения, или уговора, не требуется ничего, кроме осознания каждым того интереса, который связан с точным исполнением обязательств, и сообщения об этом осознании другим членам общества. Тотчас же [мысль] об интересе производит свое действие и на других; таким образом, интерес является первым [основанием] обязанности исполнения обещаний» [212, с. 562]. «Когда два человека гребут веслами в одной лодке, они тоже делают это по взаимному соглашению, или уговору, хотя они никогда не обменивались взаимными обещаниями» [там же, с. 530-531]. Почти через сотню лет после «Левиафана» Гоббса у Юма наблюдается успешное аргументирование позиции, основанное на структуре повторяющейся дилеммы заключенного и касающееся общественно-государственного строя и человека в нем. Характерно, что в рассмотренном временном отрезке не наблюдается ни одного замечания касательно самой структуры дилеммы заключенного. Авторы полагают, что эта структура в некотором роде непогрешимый аргумент. Вероятно это следствие неколичественного способа рассуждений (характерного для всего не математического периода). Хронологически следующее применение структуры дилеммы заключенного для обоснования своих положений наблюдается в работах Ж-Ж. Руссо. В «Рассуждении о происхождении неравенства между людьми» (1755 год), критикуя эгоистичное поведение первобытных обществ (на взгляд Руссо первобытное общество – общество, для которого как раз характерно эгоистичное поведение его членов), приводит ситуацию совместной охоты на оленя. «Если охотились на оленя, то каждый хорошо понимал, что для того он обязан оставаться на своем посту, но если вблизи кого-либо из них пробежал заяц, то не приходится сомневаться, что он без зазрения совести пускался за ним вдогонку и, настигнув свою добычу, весьма мало сокрушался о том, что таким образом лишил добычи своих товарищей» [186, с. 75]. Здесь представлена классическая (неповторяющаяся) дилемма

заклученного. Руссо не рассматривает свой пример более подробно, и фраза «не приходится сомневаться» является верхом доказательства, тем самым делая рассуждение не совсем последовательным. Коль скоро сам Руссо полагает, что «стремление к благополучию — это единственная движущая сила человеческих поступков» [там же, с. 74] было бы интересно применить этот принцип к ситуации с охотниками. Ведь совсем не очевидно, что заяц — более способствует благополучию первобытного эгоиста, чем олень, разделенный на всех. Тем не менее, здесь еще одна историческая попытка использования структуры дилеммы заключенного в качестве обоснования той или иной своей позиции. А. Смит в основном своем труде по экономической теории 1776 года «Исследование о природе и причинах богатства народов» рассуждает о личных интересах владельца капитала, противопоставляя их интересам общества: «И поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения» [191, с. 332]. Далее Смит приходит к умозрительному выводу, что «Преследуя свои собственные интересы, он (человек) часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это» [там же].

На третьем этапе (1843 до 1950 гг.) дилемма заключенного в современной (не количественной) форме как правило представлена в художественных произведениях. В этот период она (или ее элементы) выступает как в качестве аргумента для обоснования той или иной социально-философской, политической или экономической позиций автора, так и как воплощение художественного замысла автора, направленное на удержание интереса читателя. Литературные источники, связанные с дилеммой заключенного, в этот период представляют собой чисто художественную литературу. Наиболее яркими примерами художественного ее применения служат два произведения. Параллельно в этот период зарождаются основы количественного анализа социальных отношений — теории игр. У Э.

По в рассказе «Тайна Мари Роже» (1842 год) встречается рассуждение, полностью совпадающее с современной такеровской интерпретацией дилеммы заключенного. Вполне допустимо, что Такер, считающейся автором данной формулировки, позаимствовал свой пример у По. В рассказе По детектив Дюпен использует это рассуждение как «неопровержимый довод» в пользу того, что главное преступление рассказа совершено не шайкой бандитов, а преступником одиночкой. «Я приведу еще только один довод против предположения, что в деле замешана шайка, но этот один довод, на мой взгляд, неопровержим. Раз за поимку преступников предложена большая награда и обещано полное прощение тому, кто их выдаст, среди членов такой шайки уж непременно нашелся бы предатель. Каждый член шайки, оказавшись в подобном положении, не столько думает о награде или о возможности избежать кары, сколько опасается предательства со стороны своих сообщников. Он торопится донести на них первым, чтобы другой не успел донести на него» [172, с. 126]. Как отмечает Фундстон (по-видимому, именно он и обнаружил дилемму заключенного в рассказе По) история По была тонко продуманным комментарием к действительно имевшему место [80] убийству в Нью-Йорке в 1842 году. То, что награда в действительности так никем и не была востребована, свидетельствует о том, что убийство и в самом деле не было совершено бандой, что и предчувствовал По [70, с. 124]. В опере Пуччини «Тоска» (1900) главная героиня сталкивается с дилеммой заключенного. Ее возлюбленный Каварадосси приговорен к смерти Скарпия, начальником полиции. Последний предлагает Тоске сделку. Если она подарит ему ночь, он спасет жизнь ее любимого, приказав расстрельной команде использовать холостые патроны. Тоска решает обмануть Скарпия: она соглашается на его требование, но после того, как тот отдает соответствующий приказ, убивает его. Увы, слишком поздно выясняется, что Скарпия тоже солгал: патроны настоящие, и Каварадосси погибает. Тоска заканчивает жизнь самоубийством. В итоге мертвы все трое [182, с. 43].

Рассмотренные примеры показывают, что ДЗ неоднократно проявляется в той или иной форме в различных памятниках литературы (от библии и философских произведений, до басен и детективных романов). Однако нигде в этих примерах она не осознается как универсальная структура. В этой связи Аксельрод замечает: «Я думаю, что эта ситуация напоминает то, как понимается роль температуры и теплоты в физике. Вы можете сказать: «Сегодня жаркий день» или «Этот стакан воды содержит больше тепла, чем меньший стакан воды, который находится при той же температуре», но вы не можете сформулировать эти вещи достаточно ясно, пока у вас нет понятия прямого различия между теплотой и температурой. Что касается дилеммы заключенного, вы можете сказать, что в

ней присутствует конфликт личных и групповых интересов, но вы вряд ли продвинетесь в ее изучении дальше без тех критериев, которые устанавливает теория игр» (цит. по [70, с. 125]). Разработке научными (современными доказательными) методами проблемные ситуации со структурой дилеммы заключенного впервые подверглись лишь в середине 20-го столетия. Этому способствовало, прежде всего, возникновение и развитие математической теории игр, предметом которой является принятие решений в различных конфликтных ситуациях и которая, таким образом, является подходящим инструментом для их научного изучения. Сама дилемма заключенного приобрела свою универсальную структуру именно в теории игр (она и представляет собой одну из игр, то есть — одну из моделей конфликтных ситуаций). С рождением и разработкой теории игр конфликты перестали быть предметом только философии (ранних научных исследований). Теория игр — плод XX столетия. Хотя, как указывают историки [128], уже в XVII веке Х. Гюйгенсом и Г. Лейбницем предлагалось создать научную дисциплину, которая изучала бы социальные конфликты, но никаких значимых результатов в этом вопросе достигнуть не удалось. В XVIII веке не было написано практически ни одной работы, преследующей подобные цели. В XIX веке многие экономисты создавали простые математические модели несложных конкурентных ситуаций. В частности, в этот период несколько выделяется работа «Исследование математических принципов теории богатства» А. Курно, вышедшая в 1838 году [20]. Курно рассматривает случай дуополии (ситуация, при которой имеются только два продавца определённого товара, не связанных между собой монополистическим соглашением о ценах, рынках сбыта, квотах и др.) и предлагает некоторые решения. Как отмечают современные историки, в 20-х годах XX века уже прослеживаются черты современной теории игр [96]. Авторство первой теоремы (1912 год) принадлежит Э. Цермело [129], и дальнейшее развитие дисциплины приобретает в работах Э. Бореля. Борель опубликовал с 1921 по 1927 год серию работ по теории игр, целью которых было установить выигрышные стратегии вне зависимости от фактора удачи или психологического состояния игроков в момент принятия решений. В 1928 году Дж. фон Нейман сформулировал и доказал теорему о минимаксе (ключевой элемент в дальнейшем развитии теории игр). Несмотря на то, что идеи Бореля и фон Неймана в чем-то схожи, фон Нейман всегда утверждал, что проводил свои исследования независимо от Бореля. Можно с точностью сказать, что математические результаты фон Неймана имеют более общий характер и отвечают на такие ключевые вопросы, которые никогда не поднимались в работах Бореля. Тем не менее, некоторые ученые отстаивают важность его вклада и, говоря об этой схеме, называют ее теорией Бореля-Неймана [184, с. 72]. Позже, в 1944 году, выходит его работа,

опубликованная совместно с О. Моргенштерном «Теория игр и экономическое поведение» [164], которая, по сути, и ознаменовала рождение теории игр [34]. Нейман и Моргенштерн, изучив игры с нулевой суммой для двух лиц отошли [129], от конкурентных игр и дальнейший значимый вклад в теорию игр принадлежит Дж. Нэшу. Нэш расширил теорему о минимаксе и разработал, как мы уже упоминали, принцип, который сегодня известен как равновесие Нэша.

Революцией 21-го века в области формальных разработок стал тот факт, что компьютерные алгоритмы смогли превзойти человека в нескольких областях человеческой деятельности. Здесь: автономное планирование и составление расписаний (например, бортовое управление космическими аппаратами), ведение игр (например, программа Deep Blue компании IBM стала первой компьютерной программой, которой удалось победить действующего чемпиона мира в шахматном матче), автономное управление транспортными средствами (например, автомобилем в аварийной ситуации), медицинская диагностика (программа ставит диагноз точнее, чем специалист), планирование снабжения (например, автоматизированные системы планирования армейских поставок, робототехника (например, использование хирургами роботов-ассистентов), понимание естественного языка и решение задач (например, распознавание целых предложений произнесённых вслух алгоритмами смартфонов и решение кроссвордов) и т.д. [181]. Все это не было бы возможным без твердой эпистемологической основы. Именно здесь корни этой революции. В 2015 году в Стэнфорде вышла статья [62] Э. Пакуита (E. Pacuit) и О. Роя (O. Roy) об эпистемологических основах теории игр, в которой явно прослежен (исторически и методологически) эпистемологический переход от логического характера социальных теорий, к вероятно-статистическому характеру этих теорий. «При эпистемологическом анализе игры конкретные рекомендации или прогнозы для игроков основаны на правилах теоретического выбора. Например, максимизация ожидаемой полезности лежит в основе большинства результатов современной литературы об эпистемологических основах теории игр. С методологической точки зрения, однако, правило выбора, которое, как предполагается, соблюдают игроки, является просто параметром, который можно варьировать» [62, с. 15]. Примечательно, что уже через год компьютерный алгоритм AlphaGo обыгрывает в го (логическая настольная игра с глубоким стратегическим содержанием, возникшая в Древнем Китае) сильнейшего игрока планеты, что произошло впервые. Особенностью «компьютерного игрока» стало введение элемента случайности в его алгоритм. Количество возможных комбинаций в го настолько велико, что их невозможно просчитать даже с помощью компьютера. AlphaGo же выбирает, какой

сделать следующий ход, на основании теории вероятностей. Компьютер использует небольшую выборку из всех возможных комбинаций и таким же образом на основании полученных выводов, сделанных исходя из данных по этой небольшой группе, определяет ходы, которые с наибольшей вероятностью приведут к победе. Это и есть оригинальность AlphaGo: *не думать систематически, а соотносить возможные сценарии развития в соответствии с их вероятностью*. Конечно же, данная поведенческая установка может быть применена в ситуациях со структурой дилеммы заключённого. Как мы уже говорили во введении, одна из задач нашей работы попробовать проанализировать подобный подход в рамках конкретных социальных отношений (социальных взаимодействий).

В период с 1986-года и по настоящее время теоретические разработки в области чистой дилеммы заключенного, несколько замедлились. Исследователи в основном начали экспериментально изучать применение дилеммы заключенного в различных областях человеческих отношений. По-видимому, это было связано с окончанием «холодной войны» (глобального геополитического, военного, экономического и идеологического противостояния в период с 1946 года до конца 1980-х между двумя блоками государств, центром одного из которых был СССР, а другого — США), конфликта, который пытались решить в немалой степени и с помощью дилеммы заключённого (подробней см. 3.3). После саммита в Рейкьявике 1986 года (как называют личную встречу Генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачёва и президента США Р. Рейгана) конфликт начал снижаться, и, стало быть, спала острая необходимость в его разрешении. Снизилось и число проектов, направленных на изучение различных игр (моделей конфликтов), в том числе направленных и на дилемму заключенного. Из множества исследований (даже на фоне спада — их десятки тысяч), которые проходили в этот период, мы выделяем наиболее знаковые (наиболее цитируемые).

В 1986 году вышла статья К. Доннингера «Всегда ли эффективно быть добрым?» («Is It Always Efficient to be Nice?») [24] в которой он создал компьютерную симуляцию турниров Аксельрода по повторяющейся дилемме заключенного и воспроизвел все стратегии (программы), которые участвовали в турнирах, систематизировав их по критерию «доброты». К «добрым» он отнес алгоритмы, в которых первый ход в игре всегда был «сотрудничать», а к «не добрым», соответственно, алгоритмы, первый ход которых был «не сотрудничать». Победителем турнира Аксельрода, как уже говорилось, была программа, которая использовала стратегию «Око за око» — «добрая» программа в классификации Доннингера, поскольку ее первым ходом всегда было сотрудничество. Дальше она просто копировала ходы соперника. Аксельрод предположил, что подобная

стратегия является лучшей в любой повторяющейся дилемме заключенного. Доннингер смог показать, что это — не так. Изменяя условия проведения турнира по своему усмотрению (при этом, разумеется, не нарушая условия самой дилеммы заключенного) он показал, что предположения Аксельрода не верны. Стратегия «Око за око» является лучшей только в определенных условиях проведения турниров (и, соответственно, только в некоторых социальных отношениях). Более того, «добрые» стратегии также не всегда и даже не в большинстве случаев являются лучшей манерой поведения в повторяющейся дилемме заключенного. Главное предположение, которое делает Доннингер на основе своих симуляций, что «не существует единого принципа-победителя в повторяющейся дилемме заключенного, все сильно зависит от соотношения выплат, внешних условий и набора стратегий участников» [24, с. 134]. (В своей статье [213] мы также смогли показать (исходя из аксиологических аспектов игры) влияние соотношения выплат на результаты классической (неповторяющейся) дилеммы заключенного (подробней см. 2.2).) Работа Доннингера важна еще и потому, что и до сегодняшнего дня в литературе можно встретить утверждения, основанные только на предположениях Аксельрода (на несостоятельность которых впервые указал как раз Доннингер) о том, что в дилемме заключенного лучше «быть добрым» и сотрудничать (подробней об этом в [134]).

В 1992 году вышла совместная статья Р. Купера, Д. Дейонга и Р. Форсайта «Сотрудничество вне репутации» («Cooperation without Reputation») [19]. В ней авторы сосредоточились на исследовании классической (неповторяющейся) дилеммы заключенного с целью проверить две известные модели поведения в социальном взаимодействии со структурой дилеммы заключенного: модель поведения, нацеленную на построение «доброй» репутации и альтруистическую модель поведения. Также, частично, было проведено и исследование повторяющейся дилеммы заключенного (для репутационной модели поведения). Методологию проверки авторы выбрали следующую. Был продуман контрольный эксперимент дилеммы заключенного, результаты которого выступили эталоном для сравнения с результатами других экспериментов, где игроки накапливали репутацию или были альтруистами. Авторы показали, что ни одна из двух моделей поведения (ни репутационная, ни альтруистическая) не показывает результатов, которые могли бы привести к тому, чтобы считать ее «единственно правильной» ни в повторяющейся, ни в классической дилемме заключенного. В принципе, как предполагают авторы, в дилемме заключенного может успешно использоваться смешанная модель поведения, где эгоисты будут действовать нацеливаясь на репутацию, а альтруисты еще больше сотрудничать, но это будет не универсальная модель, а модель, подходящая

приблизительно только для 10-ти процентов случаев (судя по данным проведенных экспериментов) социального взаимодействия со структурой дилеммы заключенного [19, с. 207-208].

В 2000 году вышла статья Ч. Хольта (Ch. Holt) и М. Карпа (M. Capra) «Игры в классной комнате: дилемма заключенного» («Classroom Games: A Prisoner's Dilemma»), посвященная изучению социальных стимулов, побуждающих к сотрудничеству и стимулов, побуждающих к не сотрудничеству. Важными чертами этого исследования стало два фактора: то, что авторы выбрали в качестве методологического инструмента эксперимент, основанный на дилемме заключенного, и то, что авторы использовали большое число реальных людей — студентов нескольких американских университетов. Авторы организовали простую игру с карточками, основанную на дилемме заключенного, в которую можно было «быстро и удобно» [42, с. 1] вовлечь большое число студентов. Экспериментаторы вручили каждому ученику копию инструкции и две игральные карты, одну красную карту (червы или бубны) и одну черную карту (трефы или пики). Инструкции, заключались в следующем: каждый участник оставляет себе одну карту, с которой потом попадет в отдельную комнату с другим участником, который также оставил себе одну из карт. Выбор двух участников будет сделан случайным образом. Если у обоих оказывалась красная карта — участники получали по \$2. Если у обоих оказывалась черная карта — получали по \$3. Если у одного оказывалась красная карта, а у другого — черная, то участник с красной картой получал \$5, а участник с черной — не получал ничего. Исходными положениями служила теория о том, что степень сотрудничества индивидов зависит: (1) от величины выигрышей и (2) от количества повторений игры, даже и при известном числе повторений, где, по стандартной теории, следует ожидать обоюдное сотрудничество. Авторы получили следующие результаты. При низкой величине выигрышей (от самого низкого 0 до самого высокого \$5) сотрудничество наблюдалось в 17% случаев классической дилеммы заключенного. При таких же величинах выплат в повторяющейся дилемме заключенного сотрудничество наблюдалось в 58% случаев. Когда были увеличена величина выплат (величина самой низкой выплаты \$2 и самой высокой \$10) результаты изменились. Сотрудничество наблюдалось уже в 58% случаев классической дилеммы заключенного, то есть, сравнивалось с результатами повторяющейся дилеммы заключенного при более низких выплатах. Отсюда авторы делают справедливый вывод: при возрастании величины выплат число сотрудничающих игроков в классической дилемме заключенного, во-первых, возрастает, во-вторых — приближается к числу сотрудничающих в повторяющейся дилемме заключенного. Авторы предположили, что

такие же результаты должны наблюдаться в реальной человеческой деятельности: в финансово-банковской сфере, в области госстандартов и макроэкономики, в торговле, распределении общественных благ, в ценообразовании и т.д. Соответствующие принципы следовательно должны отражаться в микроэкономике, теории игр, экспериментальной экономике, социологии, организации производства и т.п. [42]. В 2011 году вышла важная работа, монография в области изучения социальности М. Новака (M. Nowak) и Р. Хайфилда (R. Highfield) «Суперкооператоры: альтруизм, эволюция и почему мы нуждаемся друг в друге чтобы преуспеть» («Supercooperators: Altruism, Evolution, and Why We Need Each Other to Succeed») [59]. С точки зрения методологии, данная работа примечательна тем, что в ней авторы используют только математику (логический подход), а не эксперименты и наблюдения. В отличие от традиционных биологов с чашками Петри и полевыми исследованиями авторы стремятся решать загадки природы с помощью бумаги, карандаша и компьютера. Рассматривая такие разнообразные явления, как ВИЧ-инфекция и неправильные английские глаголы, они формально определили пять различных механизмов, которые помогли вызвать кооперативное (социальное) поведение, от первых молекул, которые достигли самовоспроизводства, до первых клеток, которые образовали многоклеточные организмы, вплоть до человеческих сообществ, которые демонстрируют степень сотрудничества, не имеющую себе равных. Такой подход называют теоретической биологией. В основе работы, что для нас важно, лежит дилемма заключенного и все пять представленных авторами эволюционных механизмов развития общества по сути являются стратегиями повторяющейся дилеммы заключенного. Новак и Хайфилд, опираясь на работы Аксельрода (см. выше), показывают, что повторяющиеся дилемма заключенного, играемая снова и снова, может описывать циклы поведения, в которых стратегии эгоизма («всегда не сотрудничать») не выдерживают конкуренции со стратегиями сотрудничества («Око за око»), или с еще более кооперативной («Щадящая око за око» работающая как «Никогда не забывай «добрый» ход, но иногда прощай «не добрый»). Если же в цикл игры включается эгоисты (эгоистические стратегии) — он просто начинается заново, снова приводя эволюционно-динамическую модель поведения в состояние «суперкооперации». Такая трактовка эволюционно-динамических моделей (которые выглядят еще более реалистичными благодаря введению элемента случайности) демонстрируют, что в естественных условиях не сотрудничество также может привести к командной работе. То есть, индивиды *не обязательно* должны демонстрировать альтруистическое поведение, чтобы в целом эволюционно группа индивидов на современном этапе (или на любом другом данном этапе) не приходило к состоянию общества (социального образования).

Сотрудничество порождает разделение труда, как показывает любой муравейник или геном, то есть высшую степень общественного развития [59, с. 298]. Финальной работой в социальных исследованиях, связанных с дилеммой заключенного самого последнего времени, которую на наш взгляд следует отметить, является исследование М. Хаджави (M. Khadjavi) и А. Ланге (A. Lange) «Заключенные и их дилемма» («Prisoners and their dilemma») [45]. Они провели серию экспериментов, основанных на дилемме заключенного, на двух группах — студентах и реальных заключенных женской тюрьмы в федеральной земле Нижняя Саксония (Германия). Хаджави и Ланге проверяли в своем исследовании оба сценария — классическую дилемму заключенного и повторяющуюся. Выплатами служили денежные призы для студентов и кофе и сигареты для заключенных. В последовательных экспериментах не произошло ничего неожиданного, чего бы не предсказывала теория: 63% студентов и чуть менее 50% заключенных выбирали молчание. Однако вопреки ожиданиям ученых, в однократных играх, где участникам приходится доверяться друг другу вслепую, студенты оказались значительно эгоистичней тюремных узниц. Только 37% учащихся решали молчать, а успешных пар набралось лишь 13%, в то время как 56% заключенных не сдали партнера и «минимальные сроки» получили 30% из них [45, с. 172]. Эти результаты чрезвычайно интересны с морально-этической точки зрения, поэтому привлекли внимание не только в ученой среде, но и вызвали довольно широкий общественный резонанс.

Использование, как мы видели, дилеммы заключенного в качестве универсального инструмента философско-научной аргументации — способ, который не является новым в социально-философском исследовании (особенно он популярен в социально-политических и экономических учениях мыслителей нового времени — у Гоббса, Руссо, Юма, Смита). В современном же виде, как парадокс, дилемма заключенного формируется впервые в работах исследователей середины двадцатого столетия. Эти две характеристики данного вида социальных взаимоотношений — универсальность и парадоксальный характер — делает их удобным методологическим инструментом при изучении социальных взаимоотношений вообще. Современное состояние дел в этой области исследований можно охарактеризовать как позитивное, в том плане, что дилемма заключенного часто служит «критерием истинности» многих теоретизирований, что наблюдается даже в таких «чисто экспериментальных» науках как эволюционная биология или этология.

1.3. Методологические аспекты изучения дилеммы заключенного

Дж. фон Нейман пишет, что одна из основных трудностей при моделировании социальных отношений «лежит в правильном описании предположений, которые должны быть сделаны относительно побудительных мотивов индивидуума [164, с. 34]. Теория игр (ТИ) преодолевает это затруднение, постулируя утверждение, что «потребитель желает получить максимум полезности или удовлетворения, а предприниматель — максимум прибыли» («концепция рациональности индивида») [там же]. То есть, как говорят философы, постулируется положение о целесообразных действиях индивидов в любых социальных отношениях [103]. Опираясь на этот постулат, обобщённым стандартом принятия решений в современной теории игр являются следующие способы оценки выбора стратегий [62]. Ex-ante — предварительное оценивание (на этом этапе известна структура игры и возможно, но не обязательно, некоторые аспекты характера оппонентов). Ex-post — итоговое оценивание (оппоненты совершили свои действия). Ex-interim — сопровождающее оценивание (возможно оппоненты уже приняли решение, но не необратимое, то есть, то, что они приняли решение не является свершившимся фактом). В соответствии с характером ДЗ актуальным здесь является только итоговое оценивание (Ex-post).

Основываясь только на концепции рациональности (целесообразности) с помощью расчётов (приложение 2) делается вывод, что единственным целесообразным выбором индивида в социальных отношениях формы ДЗ — есть не сотрудничество. Помимо чистых расчетов в современной научной литературе приводятся критерии принятия решений, которые служат практически применяемыми критериями в различных ситуациях социальных отношений: как определенных (когда последствия принимаемого решения известны), так и в условиях неопределенности (в ситуациях, когда последствия принимаемых решений неизвестны, и можно лишь приблизительно их оценить). Таким обобщенным способом рассуждений о предстоящем выборе игроков в ДЗ служит **принцип минимакса**. Сформулировал и доказал теорему о минимаксе в 1928 году Джон фон Нейман в своей статье «К теории стратегических игр» [58], что стало важнейшим шагом к созданию ТИ. Сама теорема формулируется следующим образом: «Для всех конечных игр двух игроков с нулевой суммой существует значение V , равное среднему ожидаемому выигрышу игрока А у игрока Б, если оба будут действовать разумно, то есть совершать ходы с целью увеличения выигрыша» [129, с. 106]. Здесь идет речь об «играх с нулевой суммой», то есть о таких играх, где выигрыш одного игрока, необходимо приводит к проигрышу другого, что не относится напрямую к варианту ДЗ, где выигрыш одного индивида не всегда означает проигрыш другого. Однако практический принцип обобщения стратегий, который

лежит в основе теоремы вполне может быть использован и в этом случае. Принцип заключается в следующем: первый индивид должен найти наименьшее значение выигрыша для каждой из стратегий своей игры ДЗ и выбрать из этих наименьших значений — наибольшее. Затем применить, собственно, эту стратегию. Выбранная при помощи принципа минимакса стратегия приносит некоторый не минимальный выигрыш первому индивиду, в то время как второй индивид не может ничего сделать против этой стратегии (то есть, не может повлиять на этот выигрыш). Применение принципа минимакса показывает (см. приложение 2), что индивиду в условиях ДЗ выгодно не сотрудничать.

Теорема о минимаксе была доказана фон Нейманом для игр с нулевой суммой и, строго говоря, не может быть в полной мере применима к ДЗ. Однако дальнейшие исследования в этой области привели Дж. Нэша к расширению теоремы о минимаксе для любой игры, где игроки имеют конечное число возможных стратегий. Он доказал в своей докторской диссертации [55], что любая такая игра для двух лиц (а ДЗ в математической теории игр рассматривается именно как такая игра) будет иметь минимум одну точку равновесия. Такое положение сегодня носит название «**Равновесие Нэша**». Достижение Нэша заключалось в том, что он показал: любая игра имеет как минимум одно состояние равновесия. Это касается игр не только двух игроков, но и трех, четырех или любого другого числа игроков [207, с. 285-286]. Допустим первый и второй участник ДЗ выбрали стратегии и получили каждый определенный выигрыш. Задавая каждому из них вопрос после того, как они узнали свой выигрыш: если бы они могли сейчас задним числом изменить свой выбор сделали бы они это, при этом зная, что другой игрок менять стратегию не может? Избрали бы другую стратегию? Если ответ отрицательный и оба участника согласны, что стратегия (ход) выбранный ими правильный, то, согласно Нэшу, в игре достигнуто равновесие, то есть в игре присутствует такая ситуация, когда ни одна сторона не имеет стимула изменить тактику, даже если знает о намерениях других участников [207, с. 285]. Иначе говоря, достигнуто единственно возможное удовлетворительное (со всех точек зрения) положение в распределении выплат (числа пунктов, выгод и т.п.). Ситуация, в которой оба участника согласны в описанном смысле со своим выбором и называется точкой равновесия. Она совпадает с точкой равновесия, полученной применением принципа минимакса. Результат Нэша, как указывают исследователи [129] интересен тем, что позволяет найти обоснованные точки равновесия не только в играх с нулевой суммой, но и в играх с ненулевой суммой, то есть, как раз в случае ДЗ. Состояние равновесия не обязано представлять лучший результат. Оно всего лишь значит, что ни один игрок не может улучшить свой собственный результат в одностороннем порядке [207, с. 286].

Другим критерием принятия решений в социальных отношениях является **эффективность по Парето**. В своей работе 1906 года [63] В. Парето сформулировал положение, которое сегодня называется эффективностью по Парето или оптимальностью по Парето. Помимо того, что принцип широко используется в экономических исследованиях (Парето и сформулировал его в связи с исследованием общественно-экономических отношений), он также подходит и для анализа игр, в частности, игр, подобных ДЗ. Сам принцип оптимальности словами Парето выражается так: «Всякое изменение, которое не приносит убытков, а которое некоторым людям приносит пользу (по их собственной оценке), является улучшением» (цит. по [117, с. 216]). Другими словами, оптимальность (эффективность) общественно-экономической системы достигается, если невозможно перераспределить блага таким образом, чтобы благосостояние хотя бы одного из потребителей увеличилось без уменьшения благосостояния других. Эффективность по Парето согласно расчётам (см. приложение 2) для ситуации ДЗ противоречит обоснованному равновесию Нэша. Но она помогает увидеть максимально возможный выигрыш игроков в условиях, когда никто из них не ущемлен в своих интересах. Другими словами, это ситуация, к которой, как кажется, следует стремиться каждому из игроков.

Еще одним критерием принятия решения в ДЗ служит **критерий Вальда** (максимина). В середине 20-го столетия в работах А. Вальда [95] был предложен «максимально пессимистичный» [160, с. 13] критерий принятия решений в неопределенной ситуации. Данный критерий основывается на предположении о том, что произойдет, скорее всего, худший сценарий развития событий и делать выбор игроку, принимающему решение, надо исходя из этого предположения. Наглядно полезность рассуждений, основанных на предположении Вальда, можно продемонстрировать историей, связанной с работой самого ученого. Во Вторую мировую войну Вальд получил следующую задачу. Не все английские бомбардировщики возвращались на базу. На тех, что возвращались, было множество пробоин от зениток и истребителей на крыльях и хвосте. Значит ли это, что в этих местах нужно больше брони? Вальд сказал: нет, как раз эти места достаточно защищены. Самолёт, которому попали в кабину или топливный бак, выходит из строя и не возвращается. Поэтому укреплять надо те места, которые наиболее «чистые» [30].

Вообще говоря, критерий максимина (Вальда) как будто позволяет избежать так называемой «систематической ошибки выжившего» — логической ошибки в статистике, на которую указывает (заимствуя пример у Цицерона [205]) ещё Ф. Бэкон. «Правильно ответил тот, который, когда ему показали повешенные в храме изображения спасшихся принесением обета от опасного кораблекрушения и при этом добивались ответа, признает

ли теперь он могущество богов, спросил в свою очередь: «А где изображения тех, кто погиб после того, как принес обет?» [106, с. 198]. Ошибка заключается в том, что вывод делается по одной (доступной) группе данных, при этом вторая группа данных (недоступная) — просто игнорируется. Нельзя исключать, что, действуя подобным образом, вполне возможно прийти к верному выводу, однако это уже не является доказательным подходом и лежит вне сферы науки.

Алгоритм применения другого критерия, **критерия Сэвиджа**, как указывают исследователи, следующий [104]. Сначала определяется максимальный выигрыш для каждой стратегии участника взаимодействия. Далее составляется таблица (см. приложение 2), в которой выписывается рядом с каждым выигрышем при определенном выборе разницу между ним и максимально возможным выигрышем. Максимальную разницу выносится в отдельный столбец (столбец «сожалений», как его еще называют [197]). Минимальное значение из этого столбца и должно указать на выбор, который следует сделать. Согласно данному критерию индивиду в ДЗ выгоднее всего не сотрудничать.

При применении **критерия Лапласа** участник ДЗ исходит из предположения, что сотрудничество и не сотрудничество другого участника — равновероятно. Исходя из этого предположения, можно рассчитать, что участнику ДЗ выгодней всего не сотрудничать (см. приложение 2).

Критерий Гурвица является неким обобщением критериев Вальда и Лапласа. Исследователи выделяют здесь следующий алгоритм принятия решения [104]. Участник ДЗ должен вначале определить так называемый «коэффициент доверия» или, по-другому говоря, определить, хотя бы гипотетически, вероятность выбора той или иной стратегии другим участником. Если определиться сложно — то применяется критерий Лапласа (допускается, что сотрудничество и не сотрудничество другого участника — равновероятно). Если же есть хоть какие-то основания полагать, что оппонент выберет ту или иную стратегию, то этой возможной стратегии назначается вероятность (коэффициент доверия) большая, чем другой стратегии. После этого считаются исходы, учитывая это значение вероятности. Рассчитав эти исходы (см. приложение 2), можно увидеть, что следуя критерию Гурвица участнику ДЗ выгодней всего не сотрудничать.

Существуют еще два общих способа рассуждений в ТИ — **обратное рассуждение** и принцип использования **доминирующей стратегии**. Под «обратным рассуждением» в ТИ понимается рассуждение, в основе которого лежит следующий общий принцип: «каждый игрок должен проанализировать будущие ответные действия других игроков и эту информацию использовать для поиска своего оптимального хода в настоящем» [130, с. 57].

Принцип использования доминирующей стратегии прост: если у участника есть такая стратегия, ему необходимо применить ее. «Говорят, что у игрока есть доминирующая стратегия, если эта стратегия лучше всех остальных стратегий независимо от того, какую стратегию или сочетание стратегий выберет другой игрок или игроки [130, с. 97]». То есть «оптимальный выбор игрока не зависит от выбора других игроков» [Там же]. Или, по-другому: доминирующая стратегия та, которая приводит к большему выигрышу, нежели другая, независимо от действий других игроков. Эти способы рассуждений не являются неким исключением, выводы из них все те же: участникам ДЗ выгоднее всего не сотрудничать.

Рассмотрев все известные критерии принятия решений, можно заявить, что подход к ДЗ в ТИ практически (исключая оптимальность по Парето) дает один единственный совет — участник не должен сотрудничать.

В работе над представленной диссертацией использовался ряд специальных методов, которые существенно способствовали повышению качества теоретических результатов, как на понятийном, так и на предметном уровне. Начиная всякое рассуждение, и действуя в соответствии с принципами логики, необходимо определить ряд понятий, которые будут лежать в его основе. При этом исследователь должен отдавать себе отчет в том, что, поступая подобным образом, невозможно определить все такие понятия, поскольку, определяя одни понятия через другие, а другие через третьи, с необходимостью приходишь к таким, дальнейшее определение которых будет невозможно. Поэтому одной из главных методологических нитей представленного исследования является идея быть ясно понятыми в той степени, насколько это требуется, чтобы отчетливо увидеть проблемный вопрос, который «спровоцировал» данное исследование. В работе это выражено в методике *операциональных определений* центральных понятий. Под процедурой операционального определения в сегодняшней научно-методологической литературе [126] понимается описание в принципе наблюдаемых (то есть, — объективных) характеристик предмета рассуждения. Или, говоря другим языком: присутствует стремление избежать понятий, пользуясь терминологией «Трактата о человеческой природе» [211] Юма, содержащих идеи без впечатлений, и стремясь к понятиям, содержащим впечатления или память о впечатлениях. Такой подход не нов в философии. Его основа явно сформулирована уже в рамках философии естественных наук К. Р. Поппера в работе «Предположения и опровержения: рост научного знания» (1963). То, что актуально для естественных наук актуально и для любых других наук, в том числе и для философии. (Поскольку философия — часть науки: она использует научный метод для изучения

собственного предмета.) Поппер полагает, что для плодотворного научного исследования следует различать: (а) наблюдения конкретных отдельных вещей; (б) законы природы, которые являются либо наблюдениями регулярностей, либо доказаны опытами, либо открыты благодаря старательному наблюдению явлений; (в) математические гипотезы, которые не опираются на наблюдение, но следствия которых согласуются с явлениями; (г) эссенциалистские или метафизические каузальные объяснения (от которых следует избавляться) [178, с. 287]. (Под «эссенциалистскими» объяснениями Поппер понимает объяснения, опирающиеся «на природу вещей» [там же, с. 135] на их сущность, а не на явления.) «Для того, чтобы обладать значением, слово должно представлять... впечатление или память о впечатлении» [там же, с. 289]. Оставаясь в рамках этого методологического подхода, в представленной диссертации не перечислены изначально все понятия, чтобы потом, по списку, дать им всем операциональные определения. Понятия вводятся по мере необходимости и их значения проясняются насколько это возможно на том или ином этапе работы. Методологическая установка была следующей: избегая субъективных характеристик того или иного определяемого понятия, дать описание объективных (воспринимаемых) его характеристик. Еще одним из основных методологических принципов исследования является *объективный подход*. Применение этого принципа составляет один из основных методов исследования. (Как известно, применение тех или иных принципов исследования традиционно и составляет тот или иной метод исследования [199, с. 351].) Под «объективным» традиционно понимается такое описание исследуемого предмета, где все суждения по существу предмета — это суждения, не встающего на чью-либо сторону без особо оговоренных причин, наблюдателя. Скажем, когда речь идет об индивидах, то следует принимать положение, что индивиды для исследователя только объекты (формы), а не субъекты (содержания). Если речь идет, например, о психике как о реальном предмете — имеют место бессмысленные суждения (впрочем, как и о «внешнем мире»). Эти суждения бессмысленны поскольку «неверифицируемы и беспредметны» [142, с. 65]. Исследователь не привносит в исследование суждения, основанные на собственном «внутреннем» опыте (например, как это долгое время имело место в психологии при интроспекции [122]). Например, следуя принципу объективности, нельзя говорить о стремлениях или предпочтениях индивида как о его внутренних качествах, а только как о проявлениях его поведения. А поскольку поведение индивида в диссертации определяется как его действия, то стремления и предпочтения должны описываться только в терминах его поведения. Использование принципа такого объективного исследования направлено на достижение *интерсубъективности*: соблюдения принципа получения таких суждений о

социальной действительности, которые могут быть подвержены критической проверке другими исследователями, что, как известно, является необходимым условием доказательного исследования [185]. При таком объективном исследовании, то есть, не признавая «данные» своего субъективного опыта, нет способа узнать, чем точно обусловлен тот или иной поступок человека при тех или иных социальных отношениях. То есть, все утверждения о том, как поступит тот или иной человек носят не фактический, а гипотетический (предположительный) характер. Или, иными словами, для исследователя всякий индивид, строго говоря, и есть в какой-то мере модель, даже если перед ним реальный человек. Речевые отчеты индивида о своем намерении (о субъективном состоянии), по причине своей необъективности, не могут служить в достаточной мере твердым основанием для выводов о его поступках (люди могут заблуждаться сами, намеренно вводить в заблуждение, приукрашивать и т.п.). Они лишь служат основами для предположений о его поступках (помимо других основ).

Из объективного подхода диссертационного исследования вытекает другая методологическая составляющая — использование социального моделирования или *модельный подход* в изучении социальных взаимоотношений. Любая модель человека является настолько хорошим инструментом исследования, насколько адекватно, полученные с ее помощью гипотезы отражают поведение всякого индивида в конкретной ситуации, изучаемой той или иной социальной наукой. И, главное, насколько точно такие гипотезы предсказывают такое поведение. Есть еще один тонкий момент, который читается между строк, но, тем не менее, должен быть особо подчеркнут. Суждения в модели индивида — это не предписания реальному индивиду как он должен себя вести, а предположения о том, как он может себя повести в той или иной конкретной ситуации. Модель — это не попытка исследователя «замкнуться в собственной системе убеждений», а попытка «воспринимать мир таким, какой он есть» [196, с. 11]. Сравнивая с шахматной партией: игрок можем предполагать, что, в ответ на свой ход, противник сделает тот или иной выгодный ему (на взгляд игрока) ход, но он не имеет права исключить, что противник выберет другой ход (даже если представляется, что этот ход не выгоден). То есть, модель поведения противника должна учитывать все возможные ходы соперника, а не только те, которые представляются ему выгодными. По всей видимости, только так, учитывая все возможные (разрешенные) ходы противника, а не только те, которые считаются правильными, можно успешно предсказывать реальное поведение (ходы) противника. Это и говорит в пользу объективного подхода в социальном исследовании, в том числе и к *моделям человека*. Как ТИ и социология, так и социальная философия используют в

моделях человека допущения о субъективных качествах индивида. Например, все модели теории игр, а также некоторые социологические и философские модели человека (в их числе и экономические модели) приписывают индивиду полностью субъективное качество рациональности [208, с. 201]. Дополнительным аргументом в пользу использования модельного подхода (помимо желания исследователя), может быть его объективность, в отличие, скажем, от того, что называется психологическим подходом в социологии, где поведение объясняется с точки зрения его значимости для людей как личностей [189]. Разумеется, если не допускать в модель человека субъективных качеств, что и осуществлено в работе. Данные методологические особенности отражают существенную разницу в применении моделей человека между современными социально-философскими подходами в социальном моделировании и методологическим подходом, представленным в диссертационном исследовании. Модели ТИ и социологии, помимо объективных качеств, включают в себя также и субъективные качества. В представленной работе принципиально исключается такое включение.

Если попытаться отнести методологические принципы представленного исследования к тому или иному направлению философского исследования (мы понимаем, что «направления», «течения» — лишь категории историко-философского как сейчас модно говорить «дискурса», не имеющие непосредственного отношения к самому исследованию), то можно сказать, что они практически полностью отражают установки философского позитивизма, ясно сформулированные (в достаточно общем виде) в «Манифесте венского кружка». Как и научное миропонимание позитивистов, так и представленное исследование: «во-первых, ...является эмпиристским и позитивистским: существует только опытное познание, которое основывается на том, что нам непосредственно дано. Тем самым устанавливается граница для содержания легитимной науки. Во-вторых, для научного миропонимания характерно применение определенного метода, а именно метода логического анализа. Применяя логический анализ к эмпирическому материалу, научная работа стремится к достижению своей цели, к единой науке. Поскольку смысл каждого научного высказывания должен быть установлен посредством сведения к какому-нибудь высказыванию о непосредственно данном, то и смысл каждого понятия, к какой бы отрасли науки оно ни принадлежало, должен быть установлен посредством пошагового сведения к другим понятиям, вплоть до понятий самой низшей ступени, относящихся к непосредственно данному» [142, с. 65]. «Как ни называть такие исследования, в любом случае ясно следующее: не существует никакой философии как основополагающей или универсальной науки наряду или над различными областями

опытной науки; не существует никакого способа содержательного познания кроме опыта; не существует никакого мира идей, который бы находился над опытом или по ту сторону опыта. Но работа по «философскому» исследованию или исследованию «оснований» в смысле научного миропонимания все же сохраняет свою важность. Ибо логическое прояснение научных понятий, предложений и методов освобождает от сковывающих предрассудков» [там же, с. 73]. Короче говоря, исследование отталкивается от частных, полученных экспериментальным путем, фактов, чтобы путем рассуждений, прийти к выводам. Таким образом, работа следует *принципу индукции*, то есть отдается предпочтение рассуждениям от частного к общему. Тут же уместно отметить и то, что называется *принципом конкретики* или *методом восхождения от абстрактного к конкретному*. Согласно этому принципу, доказуемые конкретные результаты важнее, чем недоказуемые общие рассуждения. Данный принцип восходит к учениям Галилея, который заложил основу современной науки: «Я предпочитаю найти одну истину, хотя бы и в незначительных вещах, нежели долго спорить о величайших вопросах, не достигая никакой истины» [125, с. 143]. В работе использована и *дедукция* (рассуждения от общего к частному) с определенной долей опасения того представления, которое в «манифесте» называется «второй коренной ошибкой метафизики». А именно, того представления, что «мышление якобы может из себя самого, без использования какого-либо опытного материала, вести к познанию, либо же может, по крайней мере, из данных положений дел, посредством умозаключения, получать новое содержание. Логическое исследование показывает, однако, что любое мышление, любое умозаключение состоит ни в чем ином как в переходе от предложений к другим предложениям, которые не содержат ничего, что не заключалось бы уже в предыдущих предложениях (тавтологическое преобразование)» [142, с. 64]. Одной фразой эти положения можно, наверное, выразить следующим образом. «Говорить значит... сводить к фактам» [Там же, с. 63]. Помимо индуктивного и дедуктивного рассуждения в диссертации методологически представлена *абдукция* — метод логического выдвижения гипотез, разработанный американским философом Ч. Пирсом. Идея абдукции, согласно Пирсу, может быть сформулирована следующим образом:

D – множество фактов,

H – множество выдвинутых гипотез,

H объясняет D

Следовательно, гипотезы из H правдоподобны [69; 181].

Очень важно, что в ТИ все выигрыши могут быть вычислены (а не продуманы), что освобождает от умозрительных (спекулятивных) выводов. В представленной работе этот подход представлен следующим *принципом*: если имеется способ рассуждений, который позволяет избегать умозрительных построений (не математических и не экспериментальных), всегда выбирается он. Таким образом, теперь уже обоснованно можно говорить, что основу методологического подхода представленного диссертационного исследования составляет ориентированность на количественное содержание исследуемого предмета. («Измеряй все, что измеримо, а что неизмеримо, делай измеримым», — Галилей.) Именно поэтому в качестве предмета исследования была выбрана модель теории игр, которая наиболее близко подходит данным положениям (как и любая другая количественная модель).

Самые общие необходимые принципы научного исследования — принципы логики и их производные. Именно следование этим принципам, согласно общим убеждениям, и делает рассуждение научным. Необходимое следование этим принципам составляет методологическую основу диссертационной работы. Логика, как известно, сводится к четырем принципам — *тождества, не противоречия, исключенного третьего* и к *принципу достаточного основания*. Которые, соответственно, обеспечивают определенность, непротиворечивость, состоятельность и доказательность исследования. Ключевой методологический принцип работы заключается в стремлении к неукоснительному соблюдению этих четырех принципов. Другие общенаучные принципы реализуются в работе следующим образом: *Метод идеализации* реализуется в работе в построении моделей конфликта и человека. *Метод формализации* отражен в стремлении представить вопросы в максимально возможной знаковой форме. *Экспериментальные методы исследования* (наблюдения, эксперименты) в работе практически не представлены. Однако используется моделирование конфликтных ситуаций ДЗ. Также используется измерение (сравнение). Помимо отмеченных выше индукции и дедукции в работе применяется *абстрагирование*, особенно в вопросах построения моделей человека. К *специальным методам исследования*, используемым в работе, можно отнести *моделирование социального взаимодействия*, а также специальные методы рассуждения ТИ — *метод обратных рассуждений, доминирующую стратегию и равновесие Нэша*. Выявление универсальных законов строения общества, его функционирования и развития в современном социально-физическом пространстве — многими понимаемом как общество знаний [8; 23; 85; 133; 140], где доминирующей ценностью, экономической и ресурсной, становится знание как таковое, — немыслим вне рамок той или иной философской

трактовки потребностей и интересов действующего субъекта. Если раньше этот процесс осуществлялся, прежде всего, в рамках социально-философских учений мыслителей нового времени (Гоббса, Локка, Руссо и др.), то сегодня он в основном осуществляется в рамках социально-философских концепций, в основе которых лежит учение о социальном действии. То есть — учение о таком действии индивида, которое в определенном смысле «соотносится с действием других индивидов и ориентируется на него» [111, с. 602]. Итоги такого взаимодействия между индивидами, согласно распространённой ныне феноменологической терминологии, суть — социальная действительность. [13, с. 25]. Конфликтные ситуации, то есть, такие, в которых сталкиваются интересы как минимум двух индивидов, являются ярким примером социального взаимодействия (определяя социальные отношения) и, тем самым, неотъемлемой частью становления социальной действительности. Их изучение, таким образом, — необходимый компонент современных социально-философских исследований. Дилемма заключённого — типичный образец такой конфликтной ситуации. Это абстрактная модель конфликта определенной структуры, урегулирование которого зависит от социальных действий его участников. Ряд исторических примеров из социально-философских учений, которые, как считается [160, с. 190-212], по структуре представляют собой ДЗ, достаточно внушителен. Это и «война всех против всех» Гоббса, и «первобытное состояние человечества» Руссо, и даже «невидимая рука рынка» Смита. Долгое время, начиная со времен античной китайской (Лао-Цзы) и греческой (Гераклит) философии (в которых борьба противоположностей рассматривалась в качестве основы любого развития) конфликты были предметом в основном умозрительного изучения (не основанного на экспериментальных данных или математических моделях). Это имело место вплоть до политэкономических учений XVIII века (Смит и его противопоставление интересов участников свободного рынка) и XIX века (марксизм, с его учением о классовой борьбе). Ситуация существенно изменилась, когда в XX столетии изучение конфликтов стало ядром тогда еще нового раздела современной математики (некоторые исследователи относят теорию игр к социальным, а не к математическим наукам [130, с. 14]) — теории игр, в рамках которой и была сформулирована ДЗ. Параллельно конфликты продолжали изучаться также и в рамках исследований нематематического характера, в частности, например, в рамках, так называемых, теорий социальных конфликтов (Козера, Дарендорфа, Боулдинга и др.).

В рамках этих условий, учитывая современное состояние изучения социальных отношений со структурой ДЗ, формулируется научная **проблема в области социальной философии**. Она заключается в обнаружении теоретико-концептуальной и логико-

методологической специфики процесса социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного, позволяющей переосмыслить сущность социально-философских категорий вообще. Что предполагает выявление методологических инструментов, позволяющих осуществлять более точные прогнозы реальных (экспериментально наблюдаемых) социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного, чем ныне используемые методологические инструменты, берущие свое начало в основном в политэкономических учениях 19-го столетия, и основанные на феноменологических субъективных (экспериментально ненаблюдаемых) концепциях (таких как экономическая рациональность или информированность). Исследование данной проблемы позволяет использовать несколько предположений в качестве **рабочей гипотезы**:

1. Использование междисциплинарного методологического подхода в изучении социальных взаимоотношений позволяет более эффективно выявлять их особенности, чем использование методологических рамок только одной научной дисциплины.
2. Качественно-количественное изучение конкретной модели социальных взаимоотношений помогает индуктивно выявлять общие закономерности социальных взаимоотношений вообще. Комбинирование методов позитивистского и не позитивистского методологического инструментария является основой для любого категориального (философского) обобщения, в том числе и социально философского.
3. Для обнаружения теоретико-концептуальной и логико-методологической специфики процесса социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного, позволяющей переосмыслить сущность социально-философских категорий, целесообразно использовать комбинацию подходов логико-философского анализа и подходов, основанных на моделях человека, при этом делая акцент на вероятностно-статистическом их аспекте.

Направления решения основной проблемы исследования, следующие:

1. будут проанализированы современные социально-философские концептуально-методологические основы в отношении философских подходов к моделированию социальных отношений, философско-исторический и эпистемологический фундамент в том числе, в выявлении принципов, методик, моделей и способов успешной реализации историко-методологического исследования;
2. будут протестированы современные эпистемологические модели социальных отношений, как качественной, так и количественной структуры, в контексте

- определения и выработки действенной методологии для переосмысления социальных отношений формы дилеммы заключенного;
3. будет создана теоретическая модель для обеспечения количественных критериев определения релевантности современных социально-философских подходов в исследованиях социальных взаимоотношений;
 4. будут исследованы первоосновы социальных отношений со структурой дилеммы заключенного, в рамках контекстного переосмысления логических основ в вероятностно-статистическом ключе.

Цель исследования состоит в изучении особенностей конкретного вида социальных отношений «дилемма заключенного», позволяющих переосмыслить философскую специфику социальных взаимоотношений вообще.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- представление дилеммы заключенного как одного из видов социальных взаимоотношений;
- проведение общего историографического анализа концептуальной эволюции дилеммы заключенного;
- выявление специфики современных методов изучения социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного;
- описание критерия оценки эффективности методологических подходов в прогнозировании социальной реальности как итогов социальных отношений;
- проведение общего аксиометрического анализа социальных отношений со структурой дилеммы заключенного;
- пересмотр концепции рационального поведения индивида в свете философских аспектов социальных взаимоотношений;
- проведение классификации свойств современных эпистемологических моделей человека с целью формирования общей эпистемологической модели социоэкономического («философского») человека;
- представление модели социальных взаимоотношений, основанной на статистической гипотезе;
- рассмотрение социально-философских категорий в свете переосмысления социальных взаимоотношений.

Обобщая отметим, что при аргументированной необходимости использования современных методологических инструментов (например, при современном переходе от информационного общества к обществу знания) в процессе прогнозирования или объяснения тех или иных явлений социальной действительности в социально-экономических науках выявляется основной подход, основанный на их применении: использование моделей игроков из математической теории игр. В то время как в «чистой» социологии, а также в социальной философии предпочтение отдается подходам, основанным на моделях человека, не связанных напрямую с теорией игр. Междисциплинарный подход, основанный на обоих этих подходах, является эффективным способом социально-философского переосмысления социальных отношений людей в рамках концепции перехода к обществу научного знания.

1.4. Выводы

1. Изучение научной проблематики работы в контексте применения принципов и установок концепции перехода к обществу знания выявило несколько лакун в том, что касается философского осмысления социальных отношений. В частности, они возникают на стыке логического и социально-философского подходов в прогнозировании социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного.

2. Теоретические модели с четко определенными свойствами (такие как дилемма заключенного), применяемые на основе методологических принципов представленного исследования, позволяют дать современные определения классических социально-философских концепций, в частности, ключевых понятий работы: социальных отношений, социального действия, социального взаимодействия и социальной реальности.

3. Общий историографический анализ показал, что использование дилеммы заключенного в качестве универсального инструмента философской аргументации — способ, который не является новым в социально-философском исследовании (особенно он популярен в социально-политических и экономических учениях мыслителей нового времени — у Гоббса, Руссо, Юма, Смита). В современном же виде, как парадокс, дилемма заключенного формируется впервые в работах исследователей середины двадцатого столетия. Эти две характеристики данного вида социальных взаимоотношений — универсальность и парадоксальный характер — делает их удобным методологическим инструментом при изучении социальных взаимоотношений вообще.

4. При аргументированной необходимости использования современных методологических инструментов (например, при переходе от информационного общества к обществу знания) в процессе прогнозирования или объяснения тех или иных явлений социальной действительности сегодня в социально-экономических науках выявляется основной подход, основанный на их применении: использование моделей игроков из математической теории игр. В то время как в «чистой» социологии, а также в социальной философии предпочтение отдается подходам, основанным на моделях человека, не связанных напрямую с теорией игр. Междисциплинарный подход, основанный на обоих этих подходах, является эффективным способом социально-философского переосмысления социальных отношений людей в рамках концепции перехода к обществу научного знания.

2. ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ДИЛЕММЫ ЗАКЛЮЧЕННОГО

В данной главе проводится философский анализ (методологический, концептуальный и аксиометрический) центральных смыслообразующих положений дилеммы заключенного как одного из видов социальных взаимоотношений с целью выявления нефеноменологических формальных структур таких взаимоотношений, образующих ту или иную социальную реальность. Это осуществляется через решение нескольких исследовательских задач. Во-первых, дается описание критерия оценки эффективности методологических подходов в прогнозировании социальной реальности как итогов социальных отношений, что осуществляется путем подробного представления контрольного социального ДЗ-эксперимента, который может выступать таким критерием. Во-вторых, проводится общий аксиометрический анализ социальных отношений со структурой дилеммы заключенного, путем сравнения соотношений выплат и того, как это влияет на поведение участников таких социальных отношений. В-третьих, пересматривается концепция рационального поведения индивида в свете философских аспектов социальных взаимоотношений, что осуществляется путем прояснения терминов «рациональность» и «рациональное поведение» в их современной интерпретации (прояснение значения терминов благодаря работам Дж. Мура [53] стало одной из основных задач современной философии).

2.1. Прогнозирование итогов социальных отношений как критерий методологической эффективности исследований

Современная философия науки видит конечной целью всякой науки прогнозирование явлений действительности, то есть формулирование следствий из предложенной гипотезы или принятой теории с помощью дедукции, индукции или других логических методов. Как пишет Рузавин: «Предвидение новых событий и явлений составляет важнейшую... функцию науки, по которой судят об ее эффективности и практической применимости» [185, с. 186]. Прогноз должен представлять собой точное (количественное) утверждение о будущем состоянии исследуемого предмета. Связь между объяснением и предсказанием (прогнозом) выражается прежде всего в идентичности их логической структуры. Предсказания по своей логической структуре представляют собой дедуктивные умозаключения, посылками которых служат достоверные или гипотетические высказывания, а заключением достоверное или вероятное утверждение. Поскольку дедукция полностью переносит значение посылок на заключение, то надежность предсказаний зависит от обоснованности их посылок. Если посылки предсказания достоверно истинны, то истинным будет и полученное из них заключение, если посылки

являются гипотезами, то и предсказание будет вероятным в той степени, в какой вероятны гипотезы [185]. Философия науки в этом отношении ставит следующий вопрос: как возможно достижение такого прогноза (предсказания)? Поскольку в данной работе предметом изучения является социальные взаимоотношения формы ДЗ, то цель научного исследования этого явления сводится к прогнозированию итога таких взаимоотношений, который в социальной философии называется, как известно, социальной реальностью. Сама социальная философия занимает в этих вопросах место наблюдателя и судьи, пытаясь ответить на вопрос: какой из современных методов познания дает наиболее точное описание социальной реальности? В данной работе социальной реальности, как продукта социальных взаимоотношений формы дилеммы заключенного. Практическая ценность прогнозирования итогов социальных взаимоотношений определяется тем, что в процессе познания социальной реальности важно не просто показать, что нечто возможно и при некоторых условиях должно реализоваться, но следует также рассчитать, какие именно условия для этого необходимы и достаточны. Однако основной интерес к прогнозированию социальной реальности (не исключая практический интерес) в представленной работе сводится к уточнению и переосмыслению современных методов, которые здесь обычно применяются. Цель такого переосмысления — отбор составляющих этих методов для синтеза некоего общего методологического подхода, который позволял бы универсальным образом отражать социальную реальность как итог социальных взаимоотношений формы ДЗ. Более общая цель — переход от количественных суждений современной социальной науки об единичном социальном взаимодействии ДЗ к качественным характеристикам индивидов и общества, которые составляют социальную реальность ДЗ. Предпосылкой переосмысления социальных взаимоотношений формы ДЗ служит несоответствие накопленных эмпирических данных о социальной реальности ДЗ, теоретически сформулированным следствиям (и ожиданиям), основанным на современных моделях индивида и социального взаимодействия ДЗ. Если говорить более конкретно, теория игр — наиболее часто используемый в этих вопросах методологический инструмент — на основании своих методов позволяет утверждать, что один выбор (скажем, А) в абстрактных моделях ДЗ предпочтительнее (причем значительно) другого выбора (скажем, Б). Следовательно, исследователи вправе ожидать, что и в реальных экспериментах ДЗ процент участников, выбирающих А, должен значительно превосходить (или хотя бы незначительно превосходить) процент тех, кто выбирает Б. Однако, как показывают данные обобщений результатов экспериментов ДЗ, участники выбирают как А так и Б примерно в равных количествах случаев [14, с. 46]. Эти показатели можно считать надежными,

поскольку обобщены результаты тысяч экспериментов, что составляет большую выборку, достаточную для правомерных обобщений [138]. Данное несоответствие заставляет задуматься почему это происходит и нет ли здесь факторов, влияющих на эти результаты, которые можно увидеть только при философском анализе? Одним из самых важных аспектов теории игр, как отмечают современные исследователи [129, с. 40], является возможность вмешиваться в сферу действия общественных наук. Однако инструментарий теории игр не направлен на прогнозирование какой бы то ни было социальной реальности, как продукта социального взаимодействия. Теория игр изучает способы нахождения решений для достижения тех или иных своих целей участником данного социального взаимодействия, в том числе и дилеммы заключенного. Так, как замечают сами математики, мало кто рассчитывает получить от теории игр предсказание поведения участников какого-либо *реального* конфликта [162, с. 5]. Помимо этого, теория игр как дисциплина пока сформировалась не полностью и нахождение лучшего выбора в той или иной конфликтной ситуации во многом остается искусством [130, с. 15]. При всем этом, теория игр все же еще остается основным инструментом изучения социальных взаимодействий конфликтного характера, в том числе и ДЗ. Любая абстрактная модель теории игр, и ДЗ в том числе, состоит из ряда *допущений*, которые направлены на поиск наилучшего решения для ее участников, но не направлены на то, чтобы прогнозировать исход той или иной ситуации. Как следствие, такие допущения вполне могут оказаться неполными (не учитывать ту или иную сторону реального конфликта) или наоборот, излишними (приписывать, например, участникам конфликта те качества, которых у них не наблюдаются). Особенно, как кажется на первый взгляд, это может касаться моделей участников ДЗ, которые в теории игр достаточно давно стандартизированы (игроки) и обладают четким набором качеств (рациональностью, эгоизмом, желанием выиграть). В вопросах прогнозирования социальных отношений конфликтного характера, там, где *не* используется аппарат теории игр, часто применяются эпистемологические абстракции, так называемые «модели человека» (впервые модель человека как основа теоретической системы, как считается [98, с. 62-63], явно сформулирована в «Богатстве народов» Адама Смита [191]). При этом для каждой из общественных наук «характерно свое представление о человеке, о логике его поведения, фиксирующее те его свойства, которые составляют главный интерес для данной отрасли знания, и абстрагирующееся от остальных его признаков» [98, с. 8]. Обходить стороной наработки логических исследований (в том числе и наработки теории игр) в построении такой модели будет неправильно. Это представление основано в первую очередь на твердой установке философии позитивизма: использование в исследовательской

работе теоретических моделей с четко определенными свойствами (основы логических исследований) является лучшим способом исследования предмета, чем использование моделей, не обладающих данным качеством [142, с. 65-66]. Последнее, как показывают исследования [135; 156; 192; 217], начатые еще представителями волны второго позитивизма [142] вполне характерно для традиционных подходов философских течений не позитивистского толка (в их числе и философская феноменология, терминологию которой мы используем). Это значит, что они практически не учитывают наработки логических исследований, что приводит, если говорить о социальной философии, к ошибкам в выводах о социальном взаимодействии, далее к неверным представлениям о социальной действительности и т.д. Поэтому, использование теоретических моделей с четко определенными свойствами, направлено в какой-то мере на исправление этой ситуации, а первенство в этом вопросе математических моделей вряд ли может быть всерьез оспорено.

Суть вопроса, исследование которого составляет главную задачу представленной работы, выявляет разница в методологических подходах (ТИ и того, что используется в данной работе) к изучению социальных взаимоотношений со структурой ДЗ. Как и в ТИ, основа методологического подхода представленной диссертации, — ориентированность на количественное содержание исследуемого предмета — конфликтных ситуаций ДЗ. Предмета, который, в свою очередь, является также и частью предмета изучения ТИ — моделей конфликтных ситуаций (игр). Однако подход ТИ в корне отличается от того, что используется в данной работе. Для выявления этого существенного различия опишем один из вариантов конкретного эксперимента ДЗ, на примере которого ясно видно философское (наиболее общее) методологическое различие вышеозначенных подходов. Также этот пример служит для однозначного представления основной терминологии исследования.

Итак, рассмотрим этот *основной (контрольный) эксперимент* работы. Пусть перед двумя испытуемыми на столе лежит некоторая сумма денег, скажем, 200 долларов. На руках у них по две карточки: на одной надпись — «разделить», на другой — «забрать все». Экспериментатор объясняет испытуемым следующие условия игры. Каждый испытуемый, приняв решение тайно от другого участника, сдает экспериментатору карточку «разделить», если он желает разделить деньги; или — «забрать все», если он желает забрать всю сумму. При этом каждый из испытуемых должен учитывать, что если оба они решат разделить деньги, то получают по 100 долларов. Если оба выберут «забрать все», получают, скажем, по 20 долларов. Если один выберет «разделить», а другой «забрать все», то тот, кто выбрал «забрать все» - получит все 200 долларов. Тот же, кто выбрал «разделить» — не

получит ничего. Карточки сдаются экспериментатору и только после этого объявляются результаты [222].

На первый взгляд, эксперимент полностью укладывается в структуру ДЗ, поскольку, как кажется, все условия такой ДЗ соблюдены. Однако это верно лишь с некоторыми оговорками. Использование денег (тем более долларов) в эксперименте совершенно не обязательно [164, с. 34], но обязательным является использование в эксперименте общего для участников аттрактора, то есть некоторой вещи, к которой участники предположительно имеют интерес (желание обладать). В интерпретации Такера, задержанные борются за меньший срок, проведенный за решеткой. В реально проводимых экспериментах такими аттракторами могут служить достаточно неожиданные вещи. Например, в экспериментах немецких ученых [45], которые проводились среди студенток и среди женщин-заключенных студентки боролись за деньги, а заключенные — за кофе, сигареты или дополнительные минуты для телефонных переговоров. Эти аттракторы, помимо прочего, собственно, и обеспечивают необходимые условия того, что эксперимент является именно ДЗ, а не чем-то иным. Поскольку именно выраженный интерес участников обладать деньгами (в данном конкретном случае) в рамках условий ДЗ обеспечивает конфликтность ситуации. Действительно, если бы не было этого интереса к деньгам — конфликта бы не возникало. Испытуемым были бы безразличны выигрыши, и, следовательно, такой эксперимент переставал быть игрой (в смысле игры ТИ). Поскольку ситуация типа: «я играю только для того, чтобы приятно провести время, меня не беспокоит проигрыш, и вообще я могу позволить выиграть своему противнику» может быть оправдана во многих сценариях, но не в теории игр [129, с. 68]. Тут следует особо оговорить этот момент, поскольку в реальном эксперименте нет уверенности, что игроки именно так и думают. Социологии интересны реальные люди, в то время как ТИ имеет дело с идеальными игроками. Нельзя знать насколько силен интерес к деньгам у того или иного реального человека, а тем более у того, который случайным образом стал испытуемым в эксперименте ДЗ. В этом вопросе используются лишь предположения. Кажется естественным допускать, что у современных людей есть интерес к деньгам и использовать в эксперименте именно деньги. Невозможно описать этот интерес количественно (например, если в эксперименте подвергнутся испытанию очень богатые участники, для них суммы в сотню долларов могут не представлять интереса). И пока нельзя быть уверенными, что интерес к деньгам (к определенным суммам) перевесит, например, альтруистические порывы. ТИ лишена этих сомнений и приписывает моделям участников абсолютный интерес к деньгам. То есть, иначе говоря, если вопрос стоит выбрать карточку,

которая (гарантировано) приносит выигрыш в \$200 или карточку с выигрышем в \$100, делается допущение, что игрок всегда (не зависимо ни от чего) выберет ту, которая приносит \$200. Более формально говоря (и, тем самым в данном случае, более точно), коль скоро перед игроком стоит выбор **A**, приводящий к выигрышу **a** или **B**, приводящий к выигрышу **b**, где $a > b$, игрок всегда выбирает **a**. Именно подобным образом ТИ имеет дело с идеализированными экспериментами ДЗ, в то время как в этой работе мы имеем дело с данными реальных экспериментов. Используя идеализированный эксперимент, ТИ следует своей сути: определить стратегию и формализовать принятие решений [129, с. 68] для данного конкретного эксперимента. Стратегия — любое возможное для игрока действие [115, с. 8]. Ясно, что в случае контрольного эксперимента у каждого из участников (если это не повторяющаяся ДЗ) есть две стратегии: выбрать для сдачи карточку «разделить» или выбрать для сдачи карточку «забрать все». Формализовать (сделать знаковым [Там же, с. 8]) эти стратегии можно, например, представив в виде следующей матрицы (фиг. 5):

Фиг. 5

	«Разделить»	«Забрать все»
«Разделить»	100, 100	0, 200
«Забрать все»	200, 0	20, 20

Трудности (и задачи) ТИ для данного (идеализированного) эксперимента сводятся как раз к нахождению верной стратегии, иначе говоря, к вопросу: какую стратегию выбрать игроку, желающему заработать как можно больше денег? Другими словами: стоит ли ему сдать карточку «разделить» или сдать карточку «забрать все»? То есть, в интерпретации ТИ здесь пример классической ДЗ — игры с ненулевой суммой. Помимо абсолютного интереса к деньгам, участникам приписывается так называемая *рациональность*. Этот термин означает абсолютную целесообразность поведения игроков. То есть, если у игрока есть цель, все его действия всегда (и независимо ни от чего) направлены на ее достижение. В контрольном эксперименте интерес (цель) участников — заработать как можно больше денег, и, следовательно, рациональный выбор будет тот, который этой цели удовлетворяет.

Чтобы понять, какие основания имеются у исследователей для вышеописанных допущений, надо отдавать отчет, что при феноменологическом анализе игры (то есть, при анализе от первого лица) допущение об абсолютном интересе очень важно, коль скоро у этого участника действительно есть цель заработать как можно больше денег. Другими словами, если исследователь сам является таким участником или «играет» на его стороне и

непосредственно знает (если вообще возможно знать свой «внутренний мир») свои стремления. Этот момент объясним при использовании аналогии с шахматной партией. Желая выиграть в шахматы, игрок предполагает, что в ответ на его ход противник делает лучший из возможных ходов (даже если игроку он и не кажется таковым), на том основании, что соперник также, как и игрок, хочет выиграть. И только тщательно проанализировав ситуацию, делает ответный ход. Если же игрок будет считать, что его соперник не стремится к победе и делает не всегда сильные ходы, он может угодить, как говорят шахматисты, в ловушку и проиграть партию. Точно также, если исследователи — сами участники эксперимента ДЗ и их цель действительно заработать как можно больше денег, они должны с необходимостью рассуждать подобно такому шахматисту (что и происходит в теории игр). На этот момент уже обращал внимание основоположник ТИ фон Нейман. Он пишет: «...можно согласиться с тем, что в игре двух лиц с нулевой суммой можно предположить рациональность поведения противника, поскольку ошибки противника никогда не вредят игроку. Действительно, так как речь идет об игре с двумя участниками, и сумма их выигрышей равна нулю, любые потери, которые несет один игрок (в том числе вследствие своей неразумности), необходимо оборачиваются равным по величине выигрышем другого игрока» [164, с. 154]. С другой стороны (опять же, беря шахматы как пример), если исследователь является сторонним наблюдателем (например, букмекером), для которого важно правильно предсказать исход партии в целом, его рассуждения должны быть иными. Он, безусловно, должен учитывать, что любой из игроков может сделать тот или иной выгодный ему (на взгляд исследователя) ход, но наблюдатель не имеет права исключить, что игрок выберет другой ход (даже если, по внешним представлениям, этот ход не выгоден). То есть, такая модель поведения игроков должна учитывать все их возможные ходы, а не только те, которые исследователь считает выгодными. Понятно, что, если будет предписываться участникам вести себя так, будто их цель заработать как можно больше, это, в свою очередь, также не гарантирует, что они будут вести себя соответственно. Этот момент также уже явно отражен в работе фон Неймана и Моргенштерна. Здесь отмечено: «Правила рационального поведения должны предусматривать возможность нерационального поведения со стороны других участников. Иными словами, пусть мы нашли набор правил, именуемых «оптимальными» или «рациональными», каждое из которых действительно оптимально при условии, что остальные участники ведут себя соответствующим образом. Тогда остается вопрос: что произойдет, если некоторые из участников отступят от этого образа действий? Если это оказалось бы для них выгодным — и, в частности, невыгодным для конформистов, — то

указанное решение показалось бы весьма сомнительным. Пока что мы еще не в состоянии дать положительное обсуждение этих вопросов; мы хотим лишь подчеркнуть, что при таких условиях «решение» или по крайней мере его мотивация должны считаться несовершенными и неполными. Каким бы образом мы не формулировали ведущие принципы и объективное оправдание «рационального поведения», при этом должны быть сделаны оговорки на все мыслимые случаи поведения «остальных». Только в этом случае можно построить удовлетворительную и исчерпывающую теорию. Однако если должно быть установлено превосходство «рационального поведения» над любыми другими типами поведения, то его описание должно включать правила поведения для всех мыслимых ситуаций, включая и те из них, когда «остальные» ведут себя нерациональным образом в смысле норм, которые эта теория им предписывает» [164, с. 57-58]. Таким образом, вслед за основоположниками ТИ следует признать, что данная идеализация является необходимым допущением при анализе поведения другого участника эксперимента в случае, если рассуждение феноменологическое и ведется от лица участника эксперимента, желающего заработать как можно больше.

Интерес теории игр в отношении описанного эксперимента сводится к нахождению успешной стратегии для тех участников, которые видят свой успех в получении максимального выигрыша. Существует мнение, что интерес ТИ «...заключается в том, чтобы дать ответ на вопрос — что же произойдет в каждой конкретной игре, как она будет разыграна?» [128, с. 29]. Такая постановка вопроса гораздо ближе к следующей. Каков будет исход вышеописанного эксперимента для случайно отобранных участников? Оба выберут «разделить», оба выберут «забрать все» или один выберет «разделить», а другой «забрать все»? Естественно предложить количественно более точную оценку исходов такого эксперимента ДЗ, которая сводится к прогнозированию исходов n таких экспериментов, которые проводятся независимо друг от друга. Число n должно быть достаточно большим, чтобы удовлетворять минимальному объему испытаний (объему выборки), и должно быть получено математическим путем. Это число после необходимых расчётов, скажем, может быть > 30 (чтоб соответствовать большой выборке [138]). Каков будет процент испытуемых во всех этих экспериментах, выбравших «Разделить поровну»? Если здесь обратиться к феноменологической терминологии социальной философии, вопрос будет звучать так: «Какова будет социальная реальность, порождаемая данным социальным взаимодействием?». Под «данном социальным взаимодействием» здесь следует понимать все множество n проведенных независимо экспериментов ДЗ в рамках такого общего эксперимента. Сразу становится понятным, что допущения теории игр о

целях и рациональности игроков, коль скоро исследовательской целью является предсказание итогов эксперимента ДЗ вообще, не является необходимым допущением в своей крайней (абсолютной) степени. Таким образом: если речь идет о субъекте, который хочет заработать как можно больше, то допущения хороши для анализа поведения другого игрока, чтобы принять решение. Но если требуется ответить на предлагаемый вопрос, то эти допущения могут выглядеть не совсем правомерно или совсем не правомерно. Самым известным реальным экспериментированием подобного рода, по-видимому, следует считать телевикторину «Друг или враг» («Friend or Foe») на канале Game Show Network [130]. Командам из двух человек задавали достаточно простые вопросы. Деньги, полученные участниками за правильные ответы, уходили в «страстовый фонд»; за 105 эпизодов в таком фонде накапливалось от 200 до 16 400 долларов. Для того чтобы разделить эти деньги, двум участникам предстояло решить следующую дилемму. Каждый игрок должен был написать на листе бумаги слово «друг» или «враг». Если оба написали «друг», деньги делились поровну. Если один игрок написал «враг», а другой — «друг», весь выигрыш получал тот, кто написал «враг». Но если оба игрока написали «враг», ни один из них не получал ничего. Что бы ни сделала другая сторона, каждый игрок мог получить минимум столько же, сколько его соперник (или даже больше), если бы он написал «враг», а не «друг». Эта телевикторина как вариант ДЗ подробно исследована в работах современных исследователей Ф. Оберхольцер-Джи, Дж. Вальдфогеля, М. Уайта и Дж. Листа [49; 71]. Сотрудничество, что важно отметить, наблюдалось и здесь в половине случаев (а не в меньшинстве случаев).

После формулировки основного вопроса, видно, что методы и подходы ТИ теперь служат лишь одним из методологических инструментов диссертационного исследования, точно также, как и методы и подходы современной социологии. Главное, что теперь имеется критерий, чтобы выяснить, насколько эти методы хороши в том, чтобы прогнозировать социальную реальность в той ее области, которая образовалась в результате социального взаимодействия со структурой ДЗ. Также, на что еще следует обратить внимание — это применение как в ТИ, так и в социологии — подходов, основанных на применении моделей человека. То есть, эпистемологической гипотезы о наличии тех или иных свойств у участников эксперимента ДЗ. В самом широком смысле все содержание общественных наук, как известно, сводится не к описанию человека, а к описанию человеческого поведения. Данные о поведении конкретного человека в конкретной ситуации являются необходимым материалом для социологических исследований, и теоретический подход к описанию и предсказанию человеческого поведения предполагает

обобщение этих конкретных данных и использование поведенческой гипотезы, выражающей упрощенное представление о человеке и о человеческом поведении. Эта гипотеза или модель фиксирует те составляющие поведения человека, которые представляют интерес для конкретной социальной науки, и отвлекается от остальных его свойств. Некоторые исследователи справедливо приписывают выбору такой модели определяющую роль в общественных науках. Как отмечает, например, современный российский исследователь В. Автономов, обобщая замечания [36; 56]: «именно содержание этой рабочей модели человека, выбор составляющих ее признаков определяет специфику общественных наук, разделение труда между ними, очерчивает предмет их исследования» [98, с. 8]. Современный немецкий исследователь Блум также полагает, что у каждой из общественных наук есть свой «*Homo logicus*» [9, с. 111]. Скажем, в ТИ — это допущения о том, что оба игрока должны быть рациональными и выбирать свои стратегии, ориентируясь исключительно на личную выгоду [129, с. 73]. В социологии список допущений гораздо больше (например, здесь есть допущения о том, что люди не всегда рациональны, и иногда альтруистичны [216]). Любая такая модель человека, очевидно, является настолько хорошим инструментом исследования, насколько адекватно отражает поведение всякого человека в конкретной ситуации, изучаемой данной социальной наукой. Основанием для использования модельного подхода служит тот факт, что, очевидно, нет способа узнать, чем доподлинно обусловлен тот или иной поступок человека. Все утверждения о том, как поступит тот или иной человек носят не фактический, а гипотетический характер. Или, иными словами, для исследователя всякий индивид, собственно, и есть гипотеза или, по-другому, модель. Таким образом, существенная часть современных методологических подходов в отношении прогнозирования частных случаев социальных взаимоотношений основана на применении таких моделей участников. Эти модели в данном диссертационном исследовании рассматриваются в свете социального эксперимента — важнейшего современного методологического инструмента, дающего возможность изучать явления, отвлекаясь от влияния несущественных для них, т.е. второстепенных, обстоятельств и условий [185]. Основное достоинство социального эксперимента заключается, прежде всего, в возможности воспроизведения его результатов другими исследователями [там же]. Не существенной частью современной методологии в этом вопросе мы считаем не количественные способы прогнозирования социальных взаимоотношений, например методы экспертного прогнозирования, метод аналогий, метод опросов и др., рассмотрение которых не входит в список задач данной работы именно из-за своего не количественного и не модельного характера, противоречащего основным ее (работы) методологическим

установкам. Не является количественным и метод многостороннего исследования конкретно случая, который представляет интерес для социологии, — метод case study. Он позволяет подробно изучить качественными средствами отдельные случаи и тем самым отличается от многих случаев, с помощью которых приобретает информация о количественных показателях социальных событий и явлений. Однако надежность его результатов в силу качественного анализа не велика [185]. «Исходным пунктом прогнозирования, как и любого исследования, является точное задание предмета, целей и проблем прогнозирования, а также необходимых эмпирических и теоретических средств для их реализации, сбор необходимой информации и т.д. Все они составляют предварительную стадию исследования» [там же, с. 190-191]. На следующей стадии происходит построение первоначальной модели прогнозирования, в которой «определяются параметры и переменные исследуемых величин, обсуждаются критерии и методы разработки поставленной проблемы. Опираясь на эту модель, сначала осуществляют поисковый прогноз, в ходе которого выявляют наблюдаемые тенденции развития событий и процессов, экстраполируя их на будущее. На этой основе происходит окончательная разработка нормативной модели, учитывающая результаты предварительного поиска, а также существующие нормы и критерии прогнозирования» [там же, с. 191]. Наконец, на заключительной стадии «проводится экспертная оценка степени достоверности полученных результатов и предлагаются рекомендации по оптимизации модели для решения конкретных задач» [там же].

Поскольку ДЗ — структура, встречающаяся в различных ситуациях социальных взаимоотношений, использование таких моделей актуально и для нее. Как уже говорилось, в ТИ участники ДЗ — это, как и игроки любой другой игры, — рациональные принимающие решение лица. Это и есть модель участников ДЗ, которая используется ТИ. Как выглядит модель участника социального взаимодействия в социологических исследованиях, не использующих напрямую концепцию игроков ТИ? Здесь все не так согласованно (не существует некой единой модели участника социального взаимодействия) и описание такой модели должно представлять собой некий синтез известных моделей человека (экономического человека, социологического человека, игрока ТИ). Основной эпистемологической задачей данной работы становится, в этом свете, задача отобрать такие качества моделей человека, которые дают прогнозы, наиболее близкие к экспериментальным данным, или же предложить свои допущения таких качеств. Существуют три модели человека — модель игрока в ТИ, модель экономического человека в экономике, социологии, политических науках и социальной философии и модель

социологического человека в социальной философии — которые можно было бы назвать общепринятыми. Но каждая из этих моделей от работы к работе содержит разный набор допущений. Таким образом, можно говорить, что общепринятых моделей человека не существует [98]. Это в меньшей степени относится к модели игрока в ТИ (здесь в чисто математических исследованиях достигнут определенный консенсус в наборе качеств, которыми обладает игрок). Однако в чисто общественных науках разные исследователи полагают разные свойства человека, которые должны быть представлены в моделях социологического и экономического человека. Тем не менее, только эти две модели человека приближаются к количественно-логическому описанию человека, поэтому их можно назвать условно общепринятыми. Чисто качественные модели человека, встречающиеся в социальной философии, такие как, например, психологический человек или иронический *homo sovieticus*, в работе не представлены из-за своего не количественного характера, противоречащего основным методологическим установкам работы. Обязательной задачей социально-философского исследования, содержащего модели социологического и экономического человека, «хорошим тоном» такого исследования, должна быть задача синтеза этих двух моделей в модель философского или, по-другому — социоэкономического человека [101]. Такая задача стоит перед всяким исследованием подобного рода, не только из соображений «хорошего тона», но и из методологических соображений: имея такую модель исследователь работает с набором допущений, который охватывает и социологический, и экономический круг вопросов социально-философского исследования.

Работа с моделями человека, когда речь идет о прогнозировании результатов контрольного эксперимента ДЗ, сводится к следующему. Контрольный эксперимент предполагает количественную оценку (например, в процентах) прогнозируемых состояний социальной реальности ДЗ. Проще говоря, исследователь должен *до* эксперимента (на основе применения моделей человека) ответить на вопрос: каков процент сотрудничающих участников 30-ти независимых классических ДЗ-экспериментов. Тот методологический инструмент (модель человека) чей прогнозируемый процент ближе к реальным экспериментальным данным, лучше любого другого методологического инструмента, чей прогнозируемый процент дальше от таких данных. Поскольку у нас уже есть экспериментальные данные, можно их сравнить с теми прогнозами, которые получаются при использовании моделей игрока, экономического и социального человека. Но сначала, надо рассмотреть другие философские факторы, влияющие на результаты социальных взаимоотношений вида ДЗ.

Предложенный критерий проверки эффективности методологических инструментов того или иного социального исследования (контрольного эксперимента) показывает, что широко используемый сегодня в социально-философских науках инструментарий теории игр имеет методологические недостатки и недочеты, главными из которых являются слабые возможности для прогнозирования результатов социальных взаимоотношений (социальной реальности) даже в случаях структур с точно определенными свойствами, такими как дилемма заключенного. Это обстоятельство вынуждает пересматривать допущения и концепции, лежащие в основе методологических подходов теории игр и социально-экономических наук и также искать возможные инструменты прогнозирования социальной реальности, обращаясь к другим областям научного знания (в частности, к методологическим инструментам социальной философии).

2.2. Аксиометрическое осмысление социальных взаимоотношений ДЗ

Под «философскими» аспектами помимо логических и методологических аспектов в данной работе понимаются и аксиологические аспекты мотивов действий участников контрольного эксперимента. В представленной работе термин «аксиология» (axios — ценность, стоимость (гр.)) используется в том же смысле, что и в работах авторов, где он появляется впервые [35, с. 29]. В самом начале 20-го столетия в работах П. Лапи (P. Lapie) [47] и Э. фон Хартмана (E. von Hartmann) [37] «аксиология» выступает синонимом теории ценностей и как наука ставит вопрос о соотношении ценности и оценки. В социальной философии «ценность» — значимость для субъекта (в данной диссертации — для участника эксперимента, индивида) того или иного явления действительности. Хотя термин «аксиология» и возник лишь в начале 20-го столетия истоки данного философского учения восходят к сократовскому «Что есть благо?» — к вопросу, который на долгое время определил онтологический статус учения о ценностях как части структуры вопроса о бытии. Лишь благодаря Канту понятие ценности отделяется от понятия действительности. Именно переосмысление кантианской позиции в этом вопросе позволило французскому философу Лапи отделить изучение ценностей от изучения человеческого существования вообще, а Хартману закрепить это разделение в отдельной философской дисциплине [37]. Формально началом аксиологического этапа в философии принято считать появление трёх частей книги Р. Лотце «Микрокосм» (1856-1864 гг.). В этой работе он ввёл в качестве самостоятельного понятие «значимость» (Geltung), которое не зависит от опыта и играет роль критерия истины в познании, положив, тем самым, начало разработке ценностной проблематики [152].

Аксиология изучает (помимо характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способов его познания и его онтологического статуса, его природы) *специфику ценностных суждений*. В этой своей ипостаси аксиология выступает основанием для *аксиометрии* — изучении и измерении ценностей [97; 109; 110]. Аксиометрия — одна из составляющих современной аксиологии — претендует на развитие подходов, ранее развивавшихся в социологии, социальной философии и психологии как исследование ценностных ориентаций, социальных установок и аттитюдов («внутрикультурные» исследования), в социологии и антропологии как кросс-культурные исследования. Особый упор в аксиометрии делается на изучение ценностей в целостных социокультурных и исторических контекстах и на новых методолого-методических основаниях [97]. Аксиометрия как научно-философская дисциплина *вообще*, ставит своими целями выявление актуально и потенциально презентированных в конкретных социокультурных

средах и ситуациях «наборов» ценностей и ценностных систем (феноменология); соотносительной значимости ценностей между собой и у разных социальных субъектов (измерения и статистики); существующих механизмов «ценностного причинения», т.е. целеполагания и долженствования (социальная психология); реально существующих типологий ценностей и их носителей-субъектов (социология); генезиса и развития ценностных представлений и самих ценностей (историческая социология и культурология) [97]. При этом аксиометрия полностью вытекает из аксиологии, взятой в одной из своих методологически обосновываемых для аксиометрического анализа версий [там же]. В частности, аксиометрия ставит себе целью измерение (количественную оценку) значимости для субъекта того или иного феномена, вещи или события. Именно этот аспект аксиометрических исследований является главным проявлением этой науки в представленной диссертации. Понятие ценности помогает описать собственное отношение конкретного человека, конкретного сообщества или конкретного общества к бытию природы и социума вообще, а также к его конкретным проявлениям. В данной работе понятие ценности помогает описать собственное отношение конкретного участника социальных взаимоотношений ДЗ к итогам таких взаимоотношений, при этом затрагивая чисто философские (не имеющие отношения к «чистой» науке) аспекты его поведения. Этот момент может оказаться чрезвычайно важным в том смысле, что личное отношение индивида-участника ДЗ-эксперимента, правильно количественно отраженное может показать влияние его на результаты таких экспериментов, то есть — на социальную реальность. Исходя из этих соображений в этом разделе работы анализируется значимость выигрышей (выплат) ДЗ для индивида и то, как это согласуется с логикой игры [213]. Этот процесс, таким образом, представляет собой *аксиометрическое осмысление* социальных взаимоотношений формы ДЗ.

Все способы рассуждения (за исключением одного), которые применяются в качестве инструментов для принятия решений в ТИ, приводят к одному выводу: участники ДЗ-эксперимента не должны сотрудничать, коль скоро их единственная цель — большой выигрыш, а их поведение — полностью целесообразно. Вопрос: но возможно ли описать такую ДЗ в рамках вышеозначенных условий, в которой выбор «сотрудничать» — целесообразен? Сделать это можно исходя не столько из логических аспектов, сколько из аксиологических. Именно это совмещение логики и аксиологии позволяет измерять значимость выплат для конкретного участника ДЗ, то есть проводить аксиометрический анализ. Важно, что при этом логика рассуждений совершенно не нарушается. В этом свете рассмотрим три основных инструмента ТИ: метод обратных рассуждений, доминирующая

стратегия и равновесие Нэша. Здесь рассматривать ДЗ следует в наиболее общей форме (чтобы результаты размышлений носили общий, то есть — исчерпывающий, характер).

ДЗ в достаточно общем виде может быть представлена, например, следующим образом (фиг. 6). Опять же, два индивида И1 и И2 делают однократный выбор между D и C, причем выбор другого каждый из них узнаёт только после того, как сделает свой выбор. (Под «индивидом», понимается любое существо, способное принимать решение; то есть, в данном случае, — осуществлять выбор между D и C.) Если оба выбирают D — получают по **a** пунктов, если оба выбирают C, — получают по **B** пунктов. Если один выбрал D, а другой C, выбравший D — получает **A** пунктов, а выбравший C — получает **b** пунктов. При этом:

$$(ДЗ-1) \quad A > B > a > b$$

Фиг. 6

И1	D	C	D	C
	a	b	A	B
И2	a	A	b	B
	D		C	

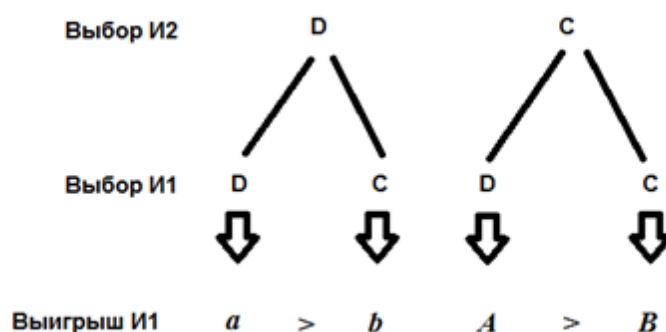
(ДЗ-2): целью каждого из индивидов является получение наибольшего количества пунктов за один выбор. Вопрос ДЗ: какой выбор (D или C) участника И1 удовлетворяет условию ДЗ-2? (Поскольку участники находятся в одинаковых условиях, не важно от чьего лица решается ДЗ.)

В данном параграфе представлены две концепции, которые являются основными инструментами анализа ситуаций подобных ДЗ в ТИ [130, с. 575-576]: доминирующая стратегия и равновесие Нэша. Также разбирается самый часто используемый способ рассуждений в ТИ — метод обратного рассуждения. Сначала приведем эти три концепции в виде чисто логического рассуждения (в такой форме они действительно логичны и убедительны). Потом, проанализируем их с точки зрения аксиологии (аксиометрически — в свете ценностного рассуждения).

Под «обратным рассуждением» в ТИ понимается рассуждение, в основе которого лежит следующий общий принцип: «каждый игрок должен проанализировать будущие

ответные действия других игроков и эту информацию использовать для поиска своего оптимального хода в настоящем» [121, с. 57]. В данном случае обратное рассуждение для И1 выглядит следующим образом: «Если И2 выберет D то, выбрав D, я получаю согласно условиям ДЗ — a пунктов, а выбрав C — получаю b пунктов, значит ДЗ-2 удовлетворяет лишь выбор D ($a > b$). Если И2 выберет C то, в случае выбора C, я получу B пунктов, а выбрав D — получу A пунктов. Значит и в этом случае ДЗ-2 удовлетворяет лишь выбор D ($A > B$). Какой бы выбор не сделал И2 — мне, очевидно, целесообразней выбирать D». Обычно, для удобства и наглядности такие рассуждения представляются в виде «деревьев» [130, с. 60]. В рассматриваемом нами рассуждении дерево игры будет выглядеть так (фиг.7):

Фиг. 7



Как видно на дереве выбор D приводит И1 к большему выигрышу, чем выбор C вне зависимости от выбора И2. Принцип использования доминирующей стратегии прост: если у игрока есть такая стратегия, ему необходимо применить ее. «Говорят, что у игрока есть доминирующая стратегия, если эта стратегия лучше всех остальных стратегий независимо от того, какую стратегию или сочетание стратегий выберет другой игрок или игроки [130, с. 97]». То есть «оптимальный выбор игрока не зависит от выбора других игроков» [там же]. Или немного по-другому: доминирующая стратегия та, которая приводит к большему выигрышу, нежели другая, независимо от действий других игроков. В представленном случае такой стратегией (таким выбором) является выбор D. Как следует из анализа обратных рассуждений, выбор D независимо от действий И2 приводит к выигрышу отличному от минимального независимо от действий И2. Если понимать минимальный выигрыш b как проигрыш (а что еще понимать, как проигрыш в ДЗ, если не минимальный выигрыш b ?), то, выбрав D — И1 независимо от действий И2 избегает проигрыша. Это не означает, что И1 полностью соблюдает ДЗ-2 (получает наибольший выигрыш). Но это

означает, что И1 в любом случае, не получает наименьший выигрыш, то есть, как минимум, частично соблюдает ДЗ-2. То есть, И1 следует принципу использования доминирующей стратегии, которая в ДЗ очевидно присутствует. Можно было бы сказать, что она отсутствует, если бы у И1 не было бы хода, который позволял избежать проигрыша. Стратегия для И1 с выбором С не позволяет избежать проигрыша вне зависимости от выбора И2. Ясно, что проигрыш в этом случае избегается только при выборе И2 хода С. Значит выбор С для И1 не является доминирующей стратегией.

Нэш показал в своей докторской диссертации [55, с. 286-295], что любая игра для двух лиц будет иметь минимум одну точку равновесия. Следует пояснить, что означает это словосочетание в представленном случае. Пусть действительно И1 и И2, исходя из вышеприведенных рассуждений, оба выбрали D. Зададим каждому из них вопрос после того как они узнали свой выигрыш: если бы они могли сейчас задним числом изменить свой выбор, сделали бы они это, зная при этом, что другой участник менять свой выбор не может? Если ответ отрицательный и оба игрока согласны, что их выбор, в этом смысле, правильный, то, согласно Нэшу, в игре достигнуто равновесие. Иначе говоря, достигнуто единственно возможное удовлетворительное (со всех точек зрения) положение в распределении выплат (числа пунктов, выгод и т.п.). Такое равновесие в данном случае достигается только когда и И1, и И2, выбирают D. Действительно, если в этом случае задать вопрос о смене выбора любому из участников, мы встретим отказ. Поскольку И1, выбрав D, получил *a* пунктов, изменение решения означает здесь выбор $C \rightarrow b$. Вариант хуже имеющегося. В точно такой же ситуации находится, разумеется, и И2. Равновесие Нэша достигнуто. В то же время, если бы вопреки вышеописанным рассуждениям оказалось, что участники оба выбрали С, то, вопрос любому из них об изменении своего выбора в одностороннем порядке, очевидно, встретил бы согласие (поскольку тогда участник увеличивает свой выигрыш с $C \rightarrow B$ до $D \rightarrow A$, что больше удовлетворяет ДЗ-2). Точно так же, как и в случае выбора одним участником D, а другим — С. В этом случае даст согласие на смену своего выбора, очевидно, участник, выбравший С. Ситуация, в которой оба участника согласны в описанном смысле со своим выбором и называется точкой равновесия. В представленном случае точкой равновесия является (*a*, *a*) при выборе обоими индивидами D.

Существуют и другие способы обосновать целесообразность выбора D, которые мы уже подробно рассмотрели ранее [приложение 2] и которые здесь представлять нецелесообразно (некоторые из них не являются основными способами рассуждений в ТИ, в то время как другие — суть частные случаи рассматриваемых здесь рассуждений).

Например, можно использовать принцип минимакса — частный случай равновесия Нэша; или, принимая ту или иную вероятность выбора индивидами C и D , рассуждать, отталкиваясь от математического ожидания и др. Для иллюстрации идеи достаточно рассуждений, основанных на рассматриваемых способах.

Исследователям причин социального поведения, интересен не столько сам теоретический парадокс, сколько обстоятельство, что в реально проводимых экспериментах ДЗ, участники выбирают в среднем как C , так и D , примерно одинаковое число раз [14, с. 46; 222, с. 57]. Почему, если выбор D , как показывает теория, правильный («правильный», с точки зрения тех рассуждений ТИ, которые были рассмотрены), а C — не правильный? Разве исследователи не вправе ожидать, что большинство испытуемых должно выбирать D ? В данном параграфе не стоит задача указать на некие особенности поведения реальных людей, которые могут оказывать заметное влияние на их выбор (например, участники недостаточно владеют логикой или не знают о равновесии Нэша, что делает их выбор практически случайным). Здесь делается попытка ответить на вопрос: можно ли описать такую ДЗ в рамках вышеозначенных условий, в которой выбор D — целесообразен? Это возможно используя аксиометрическое рассуждение. Подтверждением этого тезиса является аксиологическая составляющая теоретических построений ДЗ. Речь идет, в первую очередь, о соотношении выплат (выигрышей) в ДЗ. Может ли изменение этого соотношения влиять на поведение реальных людей в экспериментах ДЗ? Рассмотрим следующие условия ДЗ. Пусть A отличается от B на малозначительную для участников ДЗ величину, точно также пусть и a отличается от b на ту же малозначительную величину, то есть:

(ДЗ-3) $A > B > a > b$, при этом: $A - B = a - b = x$, где $x \rightarrow 0$ (x стремится к нулю).

Если использовать для иллюстрации ДЗ-3 пример с конкретными величинами выплат, то это может быть, например, контрольный эксперимент с реальными людьми, где:

$A = \$1$ млн. и 1 цент

$B = \$1$ млн.

$a = 1$ цент

$b = 0$

При таких условиях ДЗ (они полностью удовлетворяют ДЗ-1) рассуждения участников эксперимента могут приобрести следующий характер. Так, если оба участника ДЗ выберут C — они получают по $\$1$ млн, а оба, выбирая D , — только по одному центу. Уже только это обстоятельство должно, как кажется, серьезно влиять на их рассуждения о выборе. Но как влиять? Обратимся к равновесию Нэша. Допустим, что в таких условиях

эксперимента оба участника выбрали С. Зададим вопрос о смене выбора задним числом, скажем, И1. На первый взгляд, строго говоря, И1 должен менять свой выбор. Но есть ли у него, как у *реального* человека, достаточная мотивация для этого? Если в строгое согласие с равновесием Нэша И1 решает изменить свой выбор на D — он выигрывает лишь на один цент больше того, что имеет, то есть — на величину для него абсолютно незначительную. При этом он отбирает (и знает об этом) у другого участника значительный выигрыш. Если допустить, что альтруистическое поведение присуще реальным людям (а это не противоречит экспериментальным данным [59]), то вывод очевиден — менять свой выбор И1 не мотивирован. Нельзя же считать мотивацией дополнительный выигрыш в лишний цент, по определению ничего не значащий для И1. Значение же субъективных факторов (внутреннего удовлетворения, «чистой» совести, не причинения моральных страданий другому человеку) для реального участника от того обстоятельства, что другому человеку не причинен вред, вероятно, можно оценить дороже одного цента. Таким образом, даже с точки зрения равновесия Нэша, выбор И1 — обоснован. Однако здесь мы вразрез с общими принципами представленного исследования привнесли в рассуждение субъективный фактор. Но можно даже вполне обоснованно утверждать о том, что И1 не мотивирован здесь менять свой и без привлечения субъективных факторов. Действительно, поскольку x по определению не имеет сколь-нибудь серьезного значения для участников, мы можем принять его равным нулю. В этом случае у И1 мотивация менять свой выбор на D пропадает даже чисто теоретически: $A - B = x$, где $x = 0$; соответственно $C \rightarrow \$1 \text{ млн} = D \rightarrow \1 млн . Разумеется, все вышесказанное относится и ко второму участнику и выводы И2 должны быть точно такими же. Значит, в случае выбора С обоими участниками получается положение эквивалентное равновесию. Рассуждения об ином поведении участников выглядят похоже. Допустим, оба участника выбрали D. Согласится ли И1 (или, разумеется, И2) изменить свой выбор на С, зная, что это его действие сделает миллионером другого участника, а сам он проиграет лишь один цент? Вполне возможно. Например, каждый из участников вполне может быть мотивирован к перемене выбора, опять же, альтруистическими побуждениями (скажем, милосердием). Что означает, таким образом, — данное положение (где оба участника выбрали D) нельзя, по-видимому, считать равновесным. Рассуждая и дальше в этом ключе: пусть И1 выбрал D, а И2 — выбрал С. Согласится ли И1 изменить свой выбор в этом случае? Скорее — да, поскольку его потери составят лишь один цент, при этом он делает миллионером другого человека. Опять же, с точки зрения альтруизма, вполне обоснованное поведение. Здесь также есть мотивация для участника сменить свой выбор, значит и в этом случае не наблюдается положение

равновесия. Примечательно, что при таком положении И2 имеет, как кажется, мотивацию к мщению через изменение своего выбора. Действительно, раз И1 решил сделать выбор, который помогает ему заработать на один цент больше, но лишает миллиона И2, почему бы и И2 не лишить миллиона И1, изменив свой выбор на D? Что, в свою очередь, снова говорит о том, что никакого положения равновесия при выборе одним участником D, а другим — С, не наблюдается. Из этих рассуждений следует, что при ДЗ-3 самым близким, по всей видимости, к равновесию является положение, когда оба индивида выбирают С. Вышесказанное, однако, не позволяет утверждать наверняка, что при ДЗ-3 имеется окончательное обоснование выбора С для реальных участников эксперимента, однако налицо основания полагать, что процент выбирающих С в игре с ДЗ-3 будет выше, чем в игре без этого условия. Можно даже предположить, что чем незначительней величина x представляется участникам того или иного эксперимента ДЗ, тем больше исследователи вправе ожидать от них склонность к обоюдному выбору С. Если это действительно так (т.е. — подтвердится в экспериментах), остается открытым вопрос количественного описания данного тезиса, т. е. каким образом будет меняться отношение участников, выбирающих С к участникам, выбирающим D, в зависимости от изменения величины x .

Из условия ДЗ-3 следует новое соотношение выигрышей (фиг. 8). Оно возникает, когда мы полностью пренебрегаем величиной x (то есть: $x = 0$):

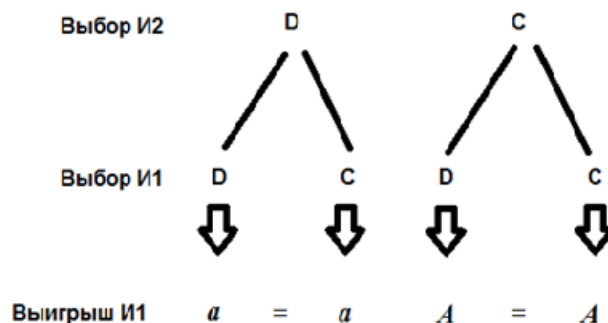
Фиг. 8

И1	D	C	D	C
	a	a	A	A
И2	a	A	a	A
	D		C	

И тогда новое обратное рассуждение для И1 выглядит следующим образом: «Если И2 выберет D то, выбрав D, я получаю согласно новым условиям ДЗ — a пунктов, а выбрав С — также получаю a пунктов, значит ДЗ-2 удовлетворяет любой мой выбор. Если И2 выберет С то, в случае выбора С, я получу A пунктов, а выбрав D — получу также A пунктов. Значит и в этом случае ДЗ-2 удовлетворяет любой мой выбор. Какой бы выбор не

сделал И2 — мне, очевидно, совершенно не важно, какой выбор делать в соответствии с условием ДЗ-2». Соответственно, дерево этого рассуждения будет выглядеть так (фиг. 9):

Фиг. 9



Как видно, участникам эксперимента совсем не важно какой выбор делать: их выигрыш полностью во власти другого участника. Однако, рассуждая таким образом, И1 понимает, что лишь выбор С другого участника может привести к соблюдению ДЗ-2 (к наибольшему выигрышу) и, соответственно, только выбрав также С, он может привести к максимальному выигрышу и другого участника. Выбор D также позволяет заработать А, но при этом (коль скоро И1 получает выигрыш А) И2 не зарабатывает ничего. Таким образом есть две альтернативы для И1: (1) выбрать С и с некой вероятностью Р получить выигрыш А, при этом И2 также получит выигрыш А; (2) выбрать D и также с вероятностью Р получить выигрыш А, но при этом И2 не получает ничего (а). Кажется естественным в такой ситуации выбор С для И1. Опять же потому, что помимо собственно выигрыша А, здесь имеется также и субъективное альтруистическое удовлетворение. Если такое субъективное удовлетворение лишь предположение, не имеющее места в действительности (то есть, которое невозможно выявить в экспериментах), то обратные рассуждения при данной таблице распределения выплат абсолютно бесполезны.

Доминирующая стратегия та, которая приводит к большему выигрышу, нежели другая, независимо от действий других игроков. Есть ли такая стратегия, когда выигрыши распределяются согласно условиям, обозначенным в таблице? Разумеется — нет. Как видно: ни выбор D, ни выбор С — не гарантирует участникам какой-либо выигрыш, отличный от минимального (то есть — от проигрыша). А это означает, что доминирующей стратегии при таком распределении выплат у участников ДЗ нет.

При ДЗ-3, как было показано, на рассуждения участников могут вполне измеримо влиять аксиологические факторы (что дороже: один цент или удовлетворение от

милосердного поступка?). Факторы, которые, предположительно, не так остро проявляется в экспериментах, где x имеет большее или гораздо большее значение для участников. При этом достигнутое равновесие не выглядит иррациональным и не логичным, а значит — существуют, следует признать, условия ДЗ, где больший выигрыш участников при обоюдном выборе C не носит противоречивого характера. Кроме того, в реальных экспериментах вполне может так оказаться, что устанавливаемые выплаты будут влиять на число участников, которые выбирают C . Влиять в том смысле, например, что меньшая величина x будет приводить к увеличению числа выбравших C . Разумеется, пока эти утверждения не проверены экспериментально, они — лишь предположения. Однако этому есть прямые экспериментальные подтверждения. Изменения выплат в реальных экспериментах приводят к тому, что процент сотрудничающих участников (то есть, выбирающих стратегию C участников) возрастает. Уменьшение A (условие ДЗ-1: $A > B > a > b$) и увеличение b приводит к росту этого процента [14, с. 46]. Одним из объяснений этого феномена вполне может служить приведенные аксиологические факторы.

Может ли подобное привнесение аксиологического фактора (который измеряем аксиометрически) быть обобщено на любые социальные взаимоотношения? В социальных взаимоотношения формы ДЗ с некоторыми (вполне возможными) соотношениями выплат в свете аксиометрического рассуждения материальная выгода не всегда превалирует над моральным удовлетворением даже в ключе рационального поведения участников таких взаимоотношений. Это означает социальную реальность, где индивиды проявляют социальное поведение (сотрудничество) даже будучи эгоистами и действуя, отталкиваясь от своих выгод. Первым в социальной философии (однако не в рамках социальной аксиологии, которая тогда еще находилась в зачаточном состоянии) на это обратил внимание Юм. Он писал: «...если бы успех их [политиков и моралистов] намерений зависел от успешного исцеления эгоизма и неблагодарности людей, они никогда не достигли бы желаемого результата, им могло бы помочь лишь всемогущество, которое одно только в состоянии придать новую форму человеческому духу и изменить характер последнего в столь существенных его свойствах. Моралисты и политики могут рассчитывать лишь на то, чтобы сообщить новое направление этим естественным аффектам и научить нас, что мы можем лучше удовлетворять свои стремления косвенным и искусственным образом, чем давая волю их опрометчивым и неудержимым движениям. Таким образом, я приучаюсь оказывать другому человеку услугу, даже не чувствуя к нему истинного расположения, потому что предвижу, что он ответит мне тем же, тоже ожидая ответной услуги и рассчитывая на поддержание взаимного обмена услугами со мной и с

другими людьми. Следовательно, если я оказал ему услугу, и он воспользовался выгодой, проистекающей из моего поступка, он вынужден внести и свою долю [в обмен услугами], так как предвидит последствия своего отказа» [212, с. 561]. Юм первым пришел к этим выводам чисто умозрительно (логически) в то время, как было показано, к ним можно прийти и аксиометрически, анализируя не столько сущности социального взаимодействия ДЗ, сколько формальные отношения получаемых участниками выгод.

В результате анализа социальных взаимоотношений со структурой ДЗ выяснилось, что помимо логической их составляющей имеется и выраженная аксиологическая составляющая. Существуют прямые экспериментальные подтверждения того, что в социальных экспериментах со структурой ДЗ проявляется влияние аксиологических факторов (как показывают обобщения сотен ДЗ-экспериментов, изменения выплат в реальных условиях приводят к тому, что процент сотрудничающих участников ожидаемо изменяется.) Важным является то, что эту аксиологическую составляющую вполне можно качественно и количественно исследовать. Аксиометрический анализ — новое направление в современной аксиологии — позволяет увидеть, что при особом соотношении выплат в ДЗ-экспериментах аксиологические факторы могут измеряемо влиять на исходы социальных взаимоотношений.

2.3. Критика концепции экономической рациональности индивидов

Прежде чем переходить непосредственно к исследованию моделей человека следует критически рассмотреть с философской точки зрения применение при рассмотрении ситуаций конкретных социальных взаимоотношений концепции о постоянном рациональном поведении индивидов. Раньше термин «рациональный» означал «разумный; неабсурдный, не экстравагантный, неглупый, не противоречащий здравому смыслу и т.д.; умный, здравый» [83]. В современных же исследованиях (по меньшей мере — в социальных) «рациональный» — это «действующий на достижение лучшего для себя результата» [83; 160; 181; 214]. Например, в основополагающей работе фон Неймана данная концепция есть предположение «относительно побудительных мотивов индивидуума» [164, с. 34]. Который как потребитель «желает получить максимум полезности или удовлетворения», а как предприниматель — «максимум прибыли» [Там же]. «Индивидуум, пытающийся получить эти... максимумы, действует «рациональным» образом» [164, с. 35]. Несколько комичным, но, тем не менее, правильным примером рациональное поведение иллюстрирует Г. Беккер: «[рациональный человек] будет ночью читать в постели только при условии, если ценность чтения (с его точки зрения) превышает ценность недосыпания его жены» [7, с. 1078]. Короче говоря, рациональное поведение сводится к реализации собственных предпочтений (потребностей и желаний) индивида и его стремлением при их реализации к минимальным затратам сил, средств, времени и т.д. Более формально: если между действием А или действием В индивид выбирает то, которое приводит к результатам удовлетворяющим его предпочтения при меньших затратах средств, времени, сил и т.п. (скажем, А), значит — он действует рационально. Если, будучи информированным о том, какой выбор является рациональным, он действует по-другому (в нашем примере, В), — то он поступает иррационально [218]. В социологию концепция рациональности пришла и распространилась из экономической теории (основанной, строго говоря, в основном на ТИ) во второй половине 20-го столетия. В социальные теории понятие рациональности обычно [83, с. 18] входит через концепции «социального обмена» [43]. «Основная их посылка такова: когда взаимодействуют двое или больше людей, то каждый из них рассчитывает получить нечто ценное для себя и потому приобретает мотивы уступить что-то, представляющее ценность для других» [83, с. 18]. Идея социального обмена в форме «баланса стимулов и вкладов» [6; 81] сыграла важную роль в разработке теории организации, а еще раньше стала ключевым компонентом многих социологических теорий [81]. Для логического прояснения данной концепции рассмотрим определение из работ по искусственному интеллекту, поскольку все его термины максимально ясны и легко

поддаются объективному анализу и четкому пониманию (ясность и определенность — одни из основных требований к используемым в рассуждениях понятиям в науке искусственного интеллекта). Рациональным агентом называется агент, который действует таким образом, чтобы можно было достичь наилучшего результата или, в условиях неопределенности, наилучшего ожидаемого результата (181, с. 39). «Агентом» здесь называется «все, что действует» [там же]. Таким образом, агент и индивид — являются синонимами. Пояснения требует термин «наилучший ожидаемый результат». Для этого термина существует точное определение. Речь идет о так называемом «математическом ожидании» или, по-другому: о среднем значении, случайной величины, то есть — о числовой характеристике распределения вероятностей случайной величины [201, с. 225]. Скажем, если большое число раз метнуть шестигранную игральную кость, согласно данной концепции, можно обоснованно ожидать, что, утрированно говоря, каждый бросок будет выпадать значение 3,5. При этом, разумеется, выпадение той или иной грани — случайное событие, то есть наступление событий «выпала единица», «выпала двойка» и т.д. — равновероятно. «Равновероятно», в свою очередь, означает, что из n событий «выпало значение x », где $x = 1$ или $x = 2$ и т.д., $n/6$ придется на событие «выпала единица», $n/6$ событий придется на событие «выпала двойка» и т.д. Иначе говоря, если метнуть игральную кость n раз (где n — достаточно большое число), то в $n/6$ случаях выпадет 1 (то есть, $1n/6$), в $n/6$ случаях — выпадет 2 (то есть, $2n/6$ пунктов) и т.д. В сумме $(1+2+3+4+5+6)*n/6$ — за n -кратное случайное число метаний или 3,5 пунктов за однократное ($n = 1$) метание. Таким образом, можно говорить, что термины математическое ожидание и среднее значение являются синонимами [201, с. 226]. Под средним значением еще со времен Пифагора [39] принято понимать сумму некоторого данного множества чисел, деленную на их количество.

Может показаться, что полностью рациональным является принятие решения по достижению поставленных целей, основанное на правильном логическом выводе. «Правильном» — значит полностью соответствующим принципам логики (принципам: тождества, не противоречия, исключенного третьего и достаточного основания). Однако правильный логический вывод не исчерпывает понятие рациональности [181]. Встречаются ситуации, в которых невозможно принять какое-либо правильное с точки зрения логики решение, но все равно надо что-то делать. Например, можно привести известный философский парадокс про Буриданова осла. Логически правильно рассуждающее животное, не может выбрать, каким из двух стогов сена полакомиться и умирает с голода. Парадокс, кстати, известный уже во времена Аристотеля, задолго до жизни французского философа Буридана. (В аристотелевском сочинении «О небе» описывается человек,

испытывающий одинаково сильные голод и жажду и равноудаленный от еды и питья; «он, дескать, вынужден не трогаться с места» [100, с. 335]) Очевидно, «смерть осла» в угоду принципам логики сложно назвать рациональным поведением. Особенно, если учесть, что он просто мог действовать случайным образом, что было бы рациональней (хоть и в несколько ином смысле, близком к современному пониманию рациональности). Помимо чисто логических рассуждений, существуют способы рациональной организации действий, где вообще не используется логический вывод. «Например, отдергивание пальца от горячей печи — это рефлекторное действие, которое обычно является более успешным по сравнению с более медленным движением, сделанным после тщательного обдумывания всех обстоятельств» [181, с. 39]. Таким образом, современный подход к определению рациональности является более общим по сравнению с подходом, основанном на использовании принципов логики, поскольку правильный логический вывод — это просто один из нескольких возможных механизмов достижения рациональности [там же].

Концепция рациональности игроков лежит в основе рассуждений ТИ (правда, с некоторыми оговорками: оппонента лучше воспринимать не как всегда рационально действующего индивида [218]). В рассуждениях относительно ДЗ теория игр также основывается на данной концепции или, по-другому, — на целесообразности. Далее в работе эти термины — целесообразность и рациональность — используются как синонимы.

Условие ДЗ-2 сводится к тому, что целью каждого из участников эксперимента является получение наибольшего количества пунктов (выгоды) за свой однократный выбор. Однако основная сложность заключается в том, что в ДЗ присутствует неопределенность: ничто не гарантирует того или иного выбора другого участника, а значит — этот выбор невозможно предсказать точнее, чем с пятидесятипроцентной вероятностью (пятидесятипроцентной — поскольку он сводится лишь к двум альтернативам). При выборе «Разделить» — максимальный гарантированный выигрыш составляет b , а при выборе «забрать все» — a (при том, что $A > B > a > b$). Можно на этом остановиться, ведь с точки зрения логики — больше не заработать, коль скоро у оппонента присутствует ничем не контролируемая свобода действий. Однако невелико же будет достижение логических рассуждений (к которым относятся и рассуждения ТИ), раз все, что можно предложить участнику такого эксперимента ДЗ — минимальный выигрыш. Насколько такой минимальный выигрыш удовлетворяет условию ДЗ-2? Удовлетворяет ли вообще? Не является ли тот факт, что участники реальных экспериментов ДЗ не отдают предпочтение такой логике «синицы в руках» (минимального выигрыша) именно потому, что она совсем не тот «журавль в небе», который именно и обозначен в ДЗ-2? Возможно ли преодолеть

этот логический барьер в **a** пунктов, теоретически введя некоторые внешние условия, при которых поведение участников контрольного эксперимента в рамках этих внешних условий, оставаясь рациональным, должно приводить к тому, что тот или иной участник (или же оба) будут выбирать карточку «Разделить»? При этом не имеется в виду аксиологический аспект их действий (который, как мы выяснили, возникает при особых соотношениях выплат, но не всегда). Речь идет здесь именно о чисто рациональном, то есть — доказано целесообразном поведении, полностью удовлетворяющее условию ДЗ-2.

Первое, что можно сделать, это то, что называется в экономике «усилить договора». Вспомним матрицу контрольного эксперимента (фиг. 10):

Фиг. 10

	«Разделить»	«Забрать все»
«Разделить»	100, 100	0, 200
«Забрать все»	200, 0	20, 20

Если оба участника выберут «разделить», то выигрыш каждого составит \$100, что выше минимального выигрыша (\$20) и при этом, никто не чувствует себя обделенным. Однако, коль скоро у участников полная свобода выбора, ничто не мешает любому из них выбрать «Забрать все» с целью, скажем, заработать \$200. Предположим, что участники договорились между собой о том, что они оба выберут «разделить». Договор не гарантирует того, что участники будут его соблюдать. Более того, им нецелесообразно (нерационально) его соблюдать. Усиление договора как раз и предполагает некий штраф (не обязательно денежный) за его несоблюдение. Наглядный пример такого усиления договора в отношении ДЗ мы встречаем в работе современного английского математика Ричарда Элвса. Сначала он описывает классический пример ДЗ с двумя задержанными, которые собираются признаться в содеянном преступлении, основываясь на рассуждениях ДЗ. Однако: «по серьезной полицейской халатности Карлосу, местному мафиози, позволили встретиться с обоими. В его присутствии каждый из них клянется, что не будет давать показаний. Карлос дает им понять, что, если любой из них нарушит обещание, его ждет судьба гораздо хуже, чем какой-то тюремный срок» [207, с. 287]. Заключение сотрудничают. Не обязательно, чтобы в контрольном эксперименте были угрозы применения насилия, достаточно, чтобы, скажем, участники пригрозили друг другу за несоблюдение договора некими последствиями, цена которых выше выигрыша от нарушения договора. Такие обстоятельства называются «жесткими договорами». И по мнению того же Элвса являются

необходимой составляющей ДЗ для обоих игроков, коль скоро они хотят выбраться из «ловушки» [207, с. 286] равновесия Нэша. Штрафы за нарушение договора могут быть введены и экспериментатором. В эксперименте этот шаг будет выглядеть несколько искусственно. В реальности штрафы вводятся, как раз, наоборот: за соблюдение договоров (антимонопольная политика). Можно сделать вывод: коль скоро существуют штрафы за тот или иной выбор участника ДЗ, размер которых превышает сумму выигрыша за этот выбор, рациональный участник откажется от этого выбора, в пользу иного выбора. Какое отношение это имеет к прогнозированию исходов контрольного эксперимента? Как жесткие договора влияют на социальное взаимодействие ДЗ и на продуцируемую им социальную реальность? Дело в том, что с реальными людьми в качестве таких жестких договоров могут выступать общественные обычаи, общественные нормы и правила и т.п. Это вполне может иметь место, коль скоро реальные люди суть гооп *politikon* — «социальные животные». Не сотрудничать, не соблюдать договора, пытаться получить выгоду, лишая выгоды другого члена общества — во многих социальных образованиях поведение, которое не запрещено, но аморально (по крайней мере, в культуре — осуждается). Естественно предположить, что это обстоятельство может накладывать отпечаток на поведение участников эксперимента ДЗ, как раз в виде жесткого договора. То есть, «моральный штраф» в виде общественного порицания (даже воображаемого или предполагаемого) может даже и превышать величину денежного выигрыша (разумеется, эти параметры нельзя напрямую сравнить). Если хотя бы предположить, что это так, тогда логически иррациональное поведение (выбор «разделить») приобретает мотив, причем мотив, в некотором смысле рациональный. То, что дела обстоят таким образом (общественная мораль выступает жесткими договорами), можно будет доказать или опровергнуть, когда наука сможет измерять социальное влияние на поведение людей. Стоит отметить, в связи с этим, что уже достаточно давно существуют доказательства того, что, например, даже только присутствие других людей может изменить поведение данного человека (так называемая социальная фасилитация [155]).

Жесткие договора в экспериментах — достаточно искусственный метод поддержания договора (и, соответственно, оказывающий некое постороннее, нежелательное для экспериментаторов влияние на участников). Гораздо изящней может выглядеть организованная экспериментально игра против другой команды или банкира. Сначала рассмотрим условия эксперимента, когда игра ведется против другой команды (матрица игры та же (фиг. 11)):

Фиг. 11

	«Разделить»	«Забрать все»
«Разделить»	100, 100	0, 200
«Забрать все»	200, 0	20, 20

Однако теперь вводится условие, что пара игроков, которая наберет в сумме больше денег, чем другая пара игроков — получит дополнительно премию, к сумме заработанных ей долларов. Не сложно увидеть, что максимальная сумма, которую могут заработать игроки, согласно данной матрице игры, — составляет \$200. Это достигается, когда оба игрока выбирают «Разделить» или когда один выбирает «Разделить», а другой — «Забрать все». При таких выплатах (где сумма обоюдного выигрыша при сотрудничестве игроков равна сумме обоюдного выигрыша в том случае, когда один из игроков предает) здесь снова возникает классическая (парадоксальная) ДЗ, и те же, не приводящие к обоснованному выбору рассуждения. Естественное предположение о том, что игрокам выгодней выбирать «Разделить» в данном случае не выглядит исчерпывающе обоснованным. Ведь предавший игрок получает \$200 + премию, что больше, чем при разделении: \$100 + премию. Однако — это частный случай. Можно составить и другую матрицу игры, например такую (фиг. 12):

Фиг. 12

	«Разделить»	«Забрать все»
«Разделить»	150, 150	0, 200
«Забрать все»	200, 0	20, 20

Эта матрица не противоречит условиям ДЗ ($A > B > a > b$). Однако теперь видно, что обоюдный выбор «Разделить» приводит к командному выигрышу в \$300 (и, соответственно, к возможной дополнительной премии в случае, если другая команда наберет меньший командный выигрыш), в то время как предательство одного из игроков — приводит к меньшему выигрышу для команды (\$200). Таким образом, рациональным игрокам целесообразно сотрудничать в таких условиях ДЗ, чтобы заработать премию (даже самая минимальная положительная премия, разумеется, увеличивает общий выигрыш каждого игрока). Правда, следует отметить, что и другая команда, против которой ведется игра при такой же матрице должна заработать столько же и, соответственно, никакая из команд не получит премию. Но тут есть возможность того, что другая команда не состоит

полностью из рациональных игроков и наберет меньший совместный выигрыш. А это уже мотив для рациональных игроков, чтобы сотрудничать (надеясь на неразумность игроков команды-оппонента). Вторым мотивом служит то обстоятельство, что даже если игроки команды-оппонента рациональны, выгодней не проиграть, а сделать ничью. Поскольку выигрыш в \$0 при обоюдном сотрудничестве выгодней выигрыша в -\$100 при предательстве одного из игроков или выигрыша в -\$260 при не сотрудничестве обоих игроков. Можно, следовательно, сделать вывод, что при игре с подобным распределением выигрышей и игре против другой команды полностью рациональным (и обоснованным) будет сотрудничество обоих игроков. То есть, обобщая, при игре $A > B > a > b$, когда $2*B > (A + b)$ игрокам целесообразней выбирать «Разделить» при игре против другой команды. Тот момент, что предавший игрок получает больше (\$200, команда проигрывает и не получает премию), чем при разделении (\$150 + премию) возникает очевидно только тогда, когда премия составляет $< \$50,01$ (полагая, что цент является минимально возможным расчетом за выигрыш).

Также следует рассмотреть для полноты рассуждения и другую матрицу игры (фиг. 13), которая также, в свою очередь, не противоречит условиям ДЗ:

Фиг. 13

	«Разделить»	«Забрать все»
«Разделить»	75, 75	0, 200
«Забрать все»	200, 0	20, 20

Здесь видно, что обоюдный выбор «Разделить» приводит к командному выигрышу в \$150, в то время как предательство одного из игроков — приводит к большему выигрышу для команды (\$200) (и, соответственно, к возможной дополнительной премии в случае, если другая команда наберет меньший командный выигрыш). Однако здесь появляется то обстоятельство, что выбирающий «Разделить» игрок зарабатывает меньше, чем выбрав «Забрать все» и вопрос сводится к величине премии, которую получают игроки в случае командного выигрыша. Однако тот факт, что один из игроков (предавший) в любом случае получает сумму (выигрыш + премия) большую, чем другой, сотрудничающий, игрок (0 + премия) делает целесообразность сотрудничества несколько искусственной. Хотя, как кажется, если положить премию, существенно превышающую выигрыш от предательства, то целесообразность выбора «Разделить» одним игроком увеличивается. Однако не совсем понятно, каким образом участники смогут понять, кому предавать, а кому сотрудничать,

без прямого сговора. То есть, если в экспериментах возможность участникам договориться между собой будет отсутствовать, при такой матрицы игры ожидать, что участники будут один предавать, а другой сотрудничать, видимо, особо не следует. Какое отношение рассуждения об игре против другой команды имеют к прогнозированию социальных отношений формы ДЗ? Во-первых, здесь имеет место *действительно* коллективная рациональность, которая измерима, а цель ее может быть осознана участниками ДЗ. Во-вторых — допуская, что игроки не машины, а члены социума — можно предполагать, что «другой командой» может выступать мнимая или реальная социальная группа. В том смысле, что осознание «мы заработали больше вас на эксперименте» может в глазах участников ДЗ повышать (воображаемо или действительно) их социальный статус. Эти рассуждения должны быть проверены экспериментально, поскольку может оказаться, что игроки действительно, играя против другой команды, ведут себя именно так, как согласно ожиданиям, должны вести себя рациональные игроки. Тогда, можно будет говорить более уверенно о применении концепции рациональности в социальном взаимодействии ДЗ.

Обоснованной критикой чистой рациональности может выглядеть игра против банкира. В случае контрольного эксперимента «банкиром» выступает экспериментатор. Игра напоминает игру против другой команды, только здесь нет премий, и сводится она к тому, чтобы достигнуть как можно большего выигрыша в сумме. Мотивацией служит желание отыграть как можно больше денег у банкира (экспериментатора). Главным моментом, служит отказ от личных амбиций каждого из игроков в пользу общего выигрыша. То есть, если для достижения установленных целей одному из игроков следует сотрудничать (теряя свой выигрыш), а другому предавать, — то они так и будут поступать. Эту коллективную игру против банкира не сложно измерить (расчёты не отличаются от таковых в игре против другой команды). Вопрос: когда такие условия «игры против банкира» действительно могут возникать в социальных взаимоотношениях реальных людей? Яркими примерами могут служить тоталитарные государства с разумными гражданами (если допустить, что бывают тоталитарные государства с разумными гражданами). Разумным гражданам выгодней «играть против банкира» саботируя государственный строй различными действиями (скажем, постоянными забастовками), отказавшись при этом от личной выгоды (зарплаты). Разумеется, в надежде на то, что саботаж приведет к разрушению данного социального образования и возникновению нового, лучшего для саботирующих граждан. Еще пример: компания поставляющая, скажем, электроэнергию на крайне невыгодных условиях, вправе ожидать сотрудничества потребителей против нее, когда один будет заниматься хищением электроэнергии, а другой

— прикрывать его, надеясь на банкротство этой самой компании и в надежде, что придет на ее место другая с более выгодными условиями поставки электроэнергии. В последнем примере, если рассмотреть действия потребителей как классическую ДЗ, можно прийти к выводу, что прикрывать хищение не выгодно. Действительно, гражданин может рассуждать так: если я сдам вора, мне достанется больше электроэнергии по меньшей цене (компания не придется за счет потребителей компенсировать потери электроэнергии). Возможно, я ещё получу премию от компании, за раскрытие хищения. Однако все это, очевидно, теряет смысл, если выгода от разорения компании превосходит выгоду от премии и сдачи вора. Снова возникает вопрос о том, какое отношение рассуждения об игре против банкира имеют к прогнозированию социального отношения формы ДЗ? Во-первых, здесь снова имеет место действительно коллективная рациональность, которая измерима, а цель ее может быть осознана участниками ДЗ. Во-вторых, допуская, что игроки — члены социума, можно предполагать, что «банкир» (экспериментатор) может выступать в роли «другого» по отношению к испытуемым. Он тот, кого нужно обыграть. Как плохой школьный учитель, который всегда чужд своим ученикам, находясь «по другую сторону баррикад» от них (например, вследствие более высокого социального статуса). Эти обстоятельства (такое восприятие банкира участниками эксперимента) вполне могут оказывать влияние на результаты экспериментов. Чтобы учитывать этот фактор, подобные догадки должны быть по возможности проверены экспериментально. Например, экспериментатор может быть намеренно одет на манер, который предположительно не приемлем для испытуемых, с целью наблюдения за тем, как этот фактор повлияет на результаты эксперимента в отличие от экспериментов, где экспериментатор одет подобающим (для участников) образом и т.п.

Одним из важнейших факторов, который может оказывать влияние на поведение участников экспериментов ДЗ, — является репутация. Этот фактор можно рассматривать чисто логически (математически), что делает основанную на нем повторяющуюся (итерированную) ДЗ более популярной среди современных исследователей, в сравнении с классической, неповторяющейся ДЗ. Первопроходцем здесь выступает Аксельрод, предпринявший серьезную попытку исследования сотрудничества [4; 5], основываясь как раз на данных экспериментов повторяющейся ДЗ. Аксельрод не изобрел повторяющуюся ДЗ: уже самая первая ДЗ, организованная в виде эксперимента [31] была повторяющейся. Идея, лежащая в основе повторяющейся ДЗ проста: эксперимент ДЗ проводится повторно с теми же участниками и на тех же условиях. В этом случае у участников как раз и возникает репутация: тот, кто выбрал «Забрать все» в первый раз, теперь ожидаемо получит возмездие

в виде точно такого же «Забрать все» от другого участника. Самое привлекательное для исследователей в повторяющейся игре то, что участнику просчитывать теперь нужно общий выигрыш в серии игр, а не в одной игре. Значит выбор стратегии здесь полностью иной. И, соответственно, наиболее рациональным поведением будет то, которое приводит к большей сумме выигрыша по итогам серии игр. В этой связи сам Аксельрод замечает: «если игра проводится один раз, то нельзя узнать поведение соперника, наградить его за сотрудничество или наказать за соперничество, поэтому нужно думать о краткосрочных результатах. Напротив, если игра повторяется несколько раз, то стратегии могут основываться на предыдущих взаимодействиях и их основным принципом будет взаимность: если противник часто сотрудничал с нами, будет лучше, если мы тоже продолжим сотрудничество, но если попыток сотрудничества не было, то нам не стоит и пытаться этого делать» (цит. по [129, с. 127]). Рассмотрим кратко для примера серию из трех игр с матрицей контрольного эксперимента (фиг. 14), от лица одного из игроков.

Фиг. 14

	«Разделить»	«Забрать все»
«Разделить»	100, 100	0, 200
«Забрать все»	200, 0	20, 20

Выбрав во всех трех играх «Забрать все» (основываясь в этом своем выборе, скажем, на равновесии Нэша) игрок зарабатывает как минимум (гарантированно) \$60. Это при том, что другой игрок тоже всегда выбирает «Забрать все». Разумеется, если хоть раз другой игрок выберет «Разделить», то сумма этого выигрыша увеличится. Эта абсолютно гарантированная стратегия игры (всегда выбирай «Забрать все»), доминирующая стратегия, тем не менее, не является единственной, а возможно — не является также и лучшей. Хотя с последней частью предыдущего утверждения сложно согласиться в свете следующих соображений. Любая стратегия, выбранная другим игроком, отличная от стратегии «всегда выбирай «Забрать все» приводит к увеличению выигрыша первым игроком (коль скоро он сам следует этой стратегии). Более того, любое такое отклонение, приводит к тому, что первый игрок зарабатывает больше, чем другой игрок. И этот выигрыш ему гарантирован. Понятно, что, выбрав стратегию, скажем, с выбором в каждой из трех игр карточки «Разделить» при таких же действиях другого игрока первый игрок зарабатывает гораздо больше. Но не существует ни одного абсолютного способа гарантировать этот выбор другого игрока, пока соблюдаются следующие условия игры: игрок действует произвольно

и выбор делает сам (то есть, за него по определению никто выбор сделать не может). Поскольку никому не удавалось предъявить лучшую стратегию для повторяющейся ДЗ, Аксельрод организовал турнир между экспертами теории игр по повторяющейся ДЗ. Вот как описывает условия этого турнира Докинз: «В [турнире] стратегии — это заранее составленные программы действия, и соответственно соперники представили свои заявки на языке программирования. Было предложено четырнадцать стратегий. Аксельрод добавил к ним пятнадцатую, назвав ее Случайной, которая просто без всякой системы играла то Кооперируюсь, то Отказываюсь и служила своего рода базовой «анти-стратегией»: стратегию, дававшую худшие результаты, чем Случайная, следовало признать очень плохой. Аксельрод описал все 15 стратегий на одном общем языке программирования. Каждая стратегия сравнивалась по эффективности поочередно с каждой из остальных (в том числе и с собственной копией) в игре Итерированный Парадокс заключенных. Поскольку стратегий было 15, то компьютер сыграл 15×15 , или 225, отдельных игр. После того, как каждая пара сделала по 200 ходов, все выигрыши были суммированы и был объявлен победитель» [22, с. 208-209]. Исследователей не интересовала какая именно стратегия вышла победителем в игре против каждого отдельного противника. Задачей исследователей было выявить, какая стратегия выиграла больше всего очков за все свои 15 вариантов противостояния (вместо денег в турнире использовались очки по схеме: $5 > 3 > 1 > 0$). При таких условиях начисления очков победившей стала стратегия, предложенная психологом и специалистом по теории игр из Торонто Анатолием Рапопортом. Она называлась «Око за око» и действовала следующим образом. Первый ход в повторяющейся ДЗ всегда (используя терминологию нашей работы) должен быть «Разделить», а дальше — следует просто повторять предыдущий ход другого участника [72; 73]. Эта стратегия победила в турнире, однако это совсем не делает ее универсально самой лучшей стратегией повторяющейся ДЗ при любых условиях проведения эксперимента. Посмотрим, например, насколько «она хороша» в примере с серией из трех игр и с представленной контрольной матрицей. Пусть один игрок А использует стратегию «Око за око», а другой Б — «Всегда выбирай «Забрать все»». Первая игра: А набирает 0, Б набирает 200. Вторая игра: А набирает 20, Б набирает 20. Третья игра: А набирает 20, Б набирает 20. По сумме трех игр: А набирает 40, Б набирает 240. Очевидно, здесь стратегия «Око за око» значительно проигрывает стратегии «Всегда выбирай «Забрать все»». Главное, что демонстрируется этим примером — имеет место различное понимание целесообразного поведения (рационального поведения) в зависимости от требований той или иной ситуации даже в искусственно созданных условиях. А это значит, что концепция рациональности

представляется скорее относительным понятием, чем абсолютным. «Око за око» — самая рациональная стратегия турнира Аксельрода, выглядит полностью нерациональной в игре против стратегии «Всегда выбирай «Забрать все»» (при том, что в условиях турнира Аксельрода «Всегда выбирай «Забрать все»» проигрывает в рациональности «Око за око»).

Еще один вид рационального поведения — рациональное поведение, которое позволяет заработать больше другого игрока. Единственной правильной стратегией в этом случае является выбор «Забрать все». Тогда участник, выбравший этот ход, зарабатывает не меньше другого игрока (если тот выбирает «Забрать все») или больше другого игрока (если тот выбирает «Разделить») — третьего не дано.

Просто переосмыслив концепцию рациональности в свете реальных (воссозданных) социальных отношений, можно организовать эксперименты таким образом, что рациональное поведение приобретает различные формы, причем не все формы универсально рациональны: в одних условиях рациональное поведение не является рациональным в других условиях. И тут всплывает вопрос: почему собственно реальные участники экспериментов должны следовать с необходимостью *какой-то одной форме рациональности*? Почему они должны обязательно понимать рациональность, скажем, как «Заработай как можно больше», а не как «Заработай больше другого участника» или «Заработай больше банкира»? Это философский вопрос, но из него следует что такие обстоятельства вполне допустимы и могут оказывать влияние на социальную реальность.

ДЗ-эксперименты можно организовать таким образом, чтобы рациональное поведение приобретало различные формы, причем не все эти формы будут универсально рациональны. Поведение, которое является рациональным в одних условиях, в других условиях не является таковым. Это обстоятельство ведет к выводу, что требуется пересмотр и уточнение самой концепции экономической рациональности, а также поднимает вопрос об актуальности данной концепции в условиях современного научно-философского подхода к изучению социальных взаимоотношений.

2.4. Выводы

1. Предложенный критерий проверки эффективности методологических инструментов того или иного социального исследования (контрольного эксперимента) показывает, что широко используемый сегодня в социально-философских науках инструментарий теории игр имеет методологические недостатки и недочеты, главными из которых являются слабые возможности для прогнозирования результатов социальных взаимоотношений (социальной реальности) даже в случаях структур с точно определенными свойствами, такими как дилемма заключенного. Это обстоятельство вынуждает пересматривать допущения и концепции, лежащие в основе методологических подходов теории игр и социально-экономических наук и также искать возможные инструменты прогнозирования социальной реальности, обращаясь к другим областям научного знания (в частности, к методологическим инструментам социальной философии).

2. В результате анализа социальных взаимоотношений со структурой ДЗ выяснилось, что помимо логической их составляющей имеется и выраженная аксиологическая составляющая. Существуют прямые экспериментальные подтверждения того, что в социальных экспериментах со структурой ДЗ проявляется влияние аксиологических факторов (как показывают обобщения сотен ДЗ-экспериментов, изменения выплат в реальных условиях приводят к тому, что процент сотрудничающих участников ожидаемо изменяется.) Важным является то, что эту аксиологическую составляющую вполне можно качественно и количественно исследовать. Аксиометрический анализ — новое направление в современной аксиологии — позволяет увидеть, что при особом соотношении выплат в ДЗ-экспериментах аксиологические факторы могут измеряемо влиять на исходы социальных взаимоотношений.

3. Выяснилось, что ДЗ-эксперименты можно организовать таким образом, чтобы рациональное поведение приобретало различные формы, причем не все эти формы будут универсально рациональны. Поведение, которое является рациональным в одних условиях, в других условиях не является таковым. Это обстоятельство ведет к выводу, что требуется пересмотр и уточнение самой концепции экономической рациональности, а также поднимает вопрос об актуальности данной концепции в условиях современного научно-философского подхода к изучению социальных взаимоотношений.

3. ИНДЕТЕРМИНИСТСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В этой главе социальные взаимоотношения структуры ДЗ рассматриваются с позиций методологического индетерминизма с двумя целями: (1) адекватного представления их в контексте современной социальной реальности; (2) выяснения их влияния на формирование социально-философских категорий. Это осуществляется путем решения нескольких исследовательских задач. Во-первых, проводится классификация свойств современных эпистемологических моделей человека для формирования общей эпистемологической модели социоэкономического («философского») человека, что осуществляется путем подробного качественного анализа существующих эпистемологических моделей человека в социальной философии и синтеза на их основе единой модели такого человека. Осуществляется представление индетерминистской модели социальных взаимоотношений, основанной на статистической гипотезе в противовес существующим детерминистским моделям, основанным на строгих причинно-следственных представлениях о природе социальных отношений. Во-вторых, рассматриваются следствия этой модели — принудительный характер сотрудничества в некоторых типах социальных образований, в частности, в современной Республике Молдова. В-третьих, социально-философские категории рассматриваются в свете общего переосмысления социальных взаимоотношений структуры ДЗ, что осуществляется через выявление тех свойств социально-философских категорий, изменение которых стало следствием диссертационного исследования в целом.

3.1. Модель социальных отношений, основанная на статистической гипотезе

Первой эпистемологической, то есть чисто философской задачей социального исследования, является описание модели социологического человека. Перед социальной философией же, казалось бы, по определению стоит задача представить для исследований наиболее общую модель такого социологического человека. Но на сегодняшний день в работах социологов (и в их числе экономистов) более-менее конкретно выделяются две эпистемологических модели человека: модель экономического человека и, собственно, модель социологического человека. Соответственно философам в сложившейся ситуации для своих исследований требуется построение общей модели, вбирающей в себя черты этих двух, — построение модели социоэкономического человека [108]. Подход, основанный на использовании такой общей модели, очевидно, должен позволить исследовать как социологические вопросы, так и экономические вопросы (которые, строго говоря, тоже являются социологическими). Приведем описание одной из возможных рабочих моделей социоэкономического человека, которую в дальнейшем можно использовать при решении

конкретных или общих задач в определенных социально-философских исследованиях. Она основывается на уже известных моделях.

Модели **экономического** и **социологического** человека со времен В. Парето, который предложил экономистам заниматься изучением «логических действий», а социологам «логическим исследованиям нелогических действий» (цит. по [101, с. 408]), в литературе в основном рассматриваются как противоположные. Позже П. Самуэльсон придал этому различию канонический характер [179]. В общем, экономический человек — это «человек изобретательный, оценивающий, максимизирующий полезность» [105, с. 57] и, помимо этого, «действующий в условиях ограничений, ожидающий человек» [179, с. 56]. Человек социологический — это «социализированный, исполняющий роли, санкционированный обществом» человек, помимо этого «имеющий собственное мнение, восприимчивый, действующий» [48, с. 112]. Более конкретно представлена в литературе модель экономического человека, при этом, следует заметить, что некой «классической», то есть принятой подавляющим большинством исследователей модели экономического человека не существует [98]. Для более конкретного примера рассмотрим обобщенную модель экономического человека, описанную Автономовым. Эта модель приписывает экономическому человеку шесть свойств [98]:

- 1) Экономический человек вследствие того, что доступные ему ресурсы ограничены, не может удовлетворить все свои потребности одновременно, поэтому вынужден делать выбор.
- 2) Выбор обусловлен предпочтениями и ограничениями. Предпочтения — субъективные потребности и желания экономического человека. Ограничения — его объективные возможности.
- 3) Экономический человек способен оценивать насколько результаты данного выбора соответствуют его предпочтениям и насколько он ограничен в выборе.
- 4) При осуществлении выбора экономический человек эгоистичен, то есть, в первую очередь, руководствуется собственными интересами.
- 5) Как правило, экономический человек действует в рамках ограниченной информации. Известны не все варианты выбора и не все результаты того или иного выбора. Этот фактор является одним из ограничений выбора экономического человека. Время на принятие решения по выбору также является одним из ограничений выбора. Получение большей информации и большего выбора требует издержек.

- 6) Выбор экономического человека всегда рационален, то есть из известных вариантов выбирается тот, который в большей степени соответствует его предпочтениям при действующих ограничениях.

Примером же модели социологического человека может служить список его характеристик, разрознено встречающихся в литературе (общепринятой модели социологического человека, также, как и экономического человека — нет). По аналогии с представленной выше моделью экономического человека он организован также: как содержащий шесть пунктов.

- 1) Поведение социологического человека, как и поведение экономического человека, представляет собой осуществление выбора.
- 2) Социологический человек осуществляет выбор исходя не из своих предпочтений, а из господствующих в обществе норм и ценностей [98; 99; 120]. Общественные нормы и ценности полностью заменяют ему свои предпочтения, цели и установки. Реакция других людей является основным ориентиром в принятии им своих решений [21; 98; 108; 179].
- 3) Социологический человек не способен к оцениванию выгод и издержек того или иного своего выбора [98; 179].
- 4) Социологический человек может быть как эгоистичным (действовать в своих интересах), так и альтруистичным (действовать в интересах других) [99; 179].
- 5) Социологический человек, также, как и экономический действует в рамках ограниченной информации [179].
- 6) Выбор социологического человека не всегда рационален. Он может быть и иррациональным [36; 98].

Опираясь, в том числе и на приведенные выше описания, мы ставим себе задачу описать как можно формальней модель социоэкономического человека или индивида (далее не делается различие между этими терминами) исходя из следующего принципа. Модель индивида — это не предписание индивиду как он должен себя вести, а гипотеза (предположение) о том, как он может себя повести в той или иной конкретной ситуации. Сравнивая с шахматной партией: мы предполагаем, что, в ответ на наш ход, противник может сделать тот или иной выгодный ему (на наш взгляд) ход, но мы не имеем права исключить, что он выберет другой ход (даже если, по нашим представлениям, этот ход не

выгоден). То есть, модель поведения противника должна учитывать все возможные ходы соперника, а не только те, которые мы считаем выгодными. Примем этот принцип как некий критерий отбора свойств для модели поведения индивида в различных ситуациях. Обычно, под поведением человека понимают действия человека или, по-другому, любые движения тела (к примеру, жесты, ходьбу) или изменения в теле (к примеру, выражения лица, речь). Полная неподвижность тоже может рассматриваться как поведение [194, 195]. Однако из всего многообразия действий человека нас интересуют только те, которые можно трактовать как выбор из известных альтернатив в той или иной ситуации, изучаемой социальной теорией. К примеру, когда говорится, что тот или иной конкретный человек в данной ситуации сотрудничает, имеется в виду, в первую очередь, то, что он имел выбор между альтернативами «сотрудничать» и «не сотрудничать», но выбрал «сотрудничать». То есть, допускается, что всякая ситуация, с которой сталкивается индивид, можно интерпретировать подобным образом. Если снова сравнивать с шахматной партией: интерес вызывает не всякое поведение противника (скажем, сидит он или стоит), а только то, которое означает его ход в игре (перемещение им фигур по доске). Таким образом, здесь полагается существенным для социальной теории свойством поведения индивида способность своими действиями осуществлять выбор между такого рода альтернативами и абстрагираться от других его свойств. Методологический индивидуализм — эпистемологическая доктрина берущая начало в работах Вебера, популярный (и плодотворный) способ рассуждения в социальных науках [38] — предписывает исходить, помимо прочего, из того, что действия индивида в различных ситуациях, по большому счету, являются произвольными (зависящими от его воли). Индивид и только он делает свой выбор. Это означает, что не существует условий, при которых выбор может быть сделан за него другим индивидом. В случае выбора, скажем, между действиями А и В, может быть сделан выбор как А, так и В, и этот выбор является полностью произволом индивида. Например, в ситуации угрозы только индивид принимает решение уклониться (бежать от угрозы) или сражаться (пытаться устранить угрозу). Другой индивид не может сделать выбор за него, но это, очевидно, не исключает влияния другого индивида на процесс принятия решения о выборе действия данным индивидом. Существуют доказательства того, как уже говорилось, что, например, даже только присутствие других людей может изменить поведение данного человека (так называемая социальная фасилитация [155]). Тем не менее, окончательное решение о том, как действовать, принимает сам индивид. Еще формальней это положение можно выразить так: если исследуемый индивид имеет выбор, скажем, действовать А, В, или С нельзя полностью

исключить возможность выбора индивидом любого из этих действий, какие бы внешние обстоятельства не были бы известны. В связи с этим, отметим, что даже экспериментальные данные (надежный источник фактов в физических науках) не могут в достаточной мере быть поводом для исключения того или иного действия индивида. Действительно, невозможно основываться на экспериментальных данных для того, чтобы выяснить, скажем, будет ли данный человек сотрудничать в конкретной ситуации точно так же, как можно основываться на них, когда говорится, что данный камень утонет в воде или будет плавать на поверхности. Это качество — свобода воли индивида — принимается без доказательств в качестве методологического постулата. Не будет неправильным сказать, что это допущение действительно больше способствует верным выводам о поведении индивида, чем допущение о том, что всякое действие индивида обусловлено теми или иными внешними обстоятельствами (как обусловлены, скажем, «действия» камня, катящегося с горы), хотя вероятно это и так. То, что действия индивида полагаются произвольными, не означает, что они совсем ничем не обусловлены. В случае экономического человека они обуславливаются реализацией собственных предпочтений (потребностей и желаний) индивида и его стремлением при их реализации к минимальным затратам сил, средств, времени и т.д., то, что традиционно называется, как уже отмечалось, рациональностью индивида [51]. Еще раз более формально: если между действием А или действием В индивид выбирает то, которое приводит к результатам, удовлетворяющим его предпочтения при меньших затратах средств, времени, сил и т.п. (скажем, А), значит он действует рационально. Если, будучи информированным о том, какой выбор является рациональным, он действует по-другому (в данном примере, В), — то он поступает иррационально. Чисто рациональное поведение присуще моделям экономического человека. Существуют мнения, что для описания поведения экономического человека вполне достаточно ограниченной рациональности [187]. К тому же выводу приходит со своей стороны и О. Уильямсон [198]. Имеется в виду то, что экономический человек иногда может делать выбор не в пользу образа действий, который в большей степени соответствует его предпочтениям при действующих ограничениях, а в пользу образа действий, который достаточно удовлетворяет его предпочтениям, при этом, не являясь максимально удовлетворяющим их выбором [98]. В данном диссертационном исследовании полагается, что модель социоэкономического человека должна учитывать то, что он может действовать как рационально, так и иррационально и это является одной из его основных характеристик. Принять это допущение как верное будет правильней, чем принять допущение о том, что социоэкономический человек всегда действует рационально. Эта характеристика присуща

модели социологического человека. Однако не все исследователи полагают (полагали), что иррациональное поведение следует исследовать социологам. Позиция в этом вопросе основоположника методологического индивидуализма Макса Вебера сводится к тому, что социология может «понять действия индивида лишь тогда, когда они осмысленны и целенаправленны (в противном случае ими должна заниматься психология)» (цит. по [98, с. 35]). Тем не менее, судя по многочисленным наблюдениям, люди часто поступают иррационально, именно находясь среди других людей. Здесь и анонимное донорство крови, и усыновление детей, и предупреждение незнакомца об опасности и др. [107]. Помимо этого, иррациональность может, скажем, быть обусловлена сложностью общественной ситуации: когда присутствуют множество альтернатив для действий и индивид может быть просто не способен дать верную оценку тому или иному своему действию даже когда исследователю правильное действие очевидно. Все это касается рационального поведения индивидов. Не было упомянуто иррациональное поведение индивидов, хотя, в свете последних тенденций социально-философских исследований, альтруистическое поведение (которое всегда считалось иррациональным) становится, по-видимому, основной характеристикой человеческого социального поведения вообще [59]. В общей модели индивида остается вопрос о том насколько индивид информирован. Он относится скорее к характеристикам среды, в которой действует индивид, чем к особенностям поведения самого индивида, поэтому это свойство можно не включать в описание общей модели индивида. Тогда получается эпистемологическая рабочая модель социоэкономического человека, состоящая из следующих характеристик.

- 1) Поведение индивида — это выбор индивидом того или иного своего действия.
- 2) Выбор действия индивида является полностью произвольным, хотя на его решения о выборе могут оказывать определенное влияние внешние факторы, в том числе присутствие и поведение других индивидов.
- 3) Выбор действия индивидом может быть как рациональным, так и иррациональным.

Однако эта модель, построенная на уже широко известных и представленных в литературе моделях, противоречит изначальным установкам диссертационного исследования, а именно: использованию только тех характеристик в модели индивида, которые наблюдаемы. А значит, социологические модели, коль скоро исследование следует этим установкам, не должны рассматриваться как особо полезный инструмент. Однако

вопреки объективности они иногда могут давать прогнозы результатов контрольного эксперимента (и, соответственно, социальной реальности) даже точнее, чем модели ТИ. До этого момента в работе рассматривался в основном подход ТИ для прогнозирования результатов исходов экспериментов, основанных на ДЗ. Этот подход связан с тем, как было показано, что участникам эксперимента приписываются некоторые неотъемлемые качества, исходя из которых, участники действуют — делают выбор. Это, прежде всего, рациональность участников и то, что они действуют сугубо в собственных интересах. Однако, если этот подход в отношении многих ситуаций, которые рассматривает ТИ, оправдан, то в отношении предсказания исходов конкретных экспериментов ДЗ этот подход совершенно не оправдан. Результаты исходов реальных экспериментов ДЗ сильно отличаются от тех, что можно спрогнозировать, используя подход ТИ. Как было показано никакой недоработки разработчиков ТИ здесь нет: просто этот подход разработан для других целей. А именно для того, чтобы помогать принимать решение в той или иной конфликтной ситуации данному ее участнику (игроку). С этими своими задачами ТИ, судя по ее популярности в разных сферах социальных исследований, успешно справляется. Другим подходом для прогнозирования результатов исходов экспериментов, основанных на ДЗ, который был рассмотрен, является подход с использованием так называемых моделей человека. В частности, были рассмотрены две наиболее популярные такие модели: модель экономического человека и модель социологического человека и на их основе была синтезирована общая модель социоэкономического человека. Такая модель вполне может служить основой для предсказаний исходов реальных экспериментов ДЗ ничуть не худших, чем предсказания, основанные на модели игрока из ТИ. В данном параграфе реализуется задача-максимум: представляется такая модель человека, которая дает предсказания исходов экспериментов ДЗ, которые соответствуют действительным экспериментальным данным, и при этом содержит минимум допущений. Причем все допущения, в согласие с первичными установками данной работы, являются объективными (наблюдаемыми). И которая предсказывает, соответственно, не хуже моделей ТИ и социоэкономического человека, но содержит, в свою очередь, меньше допущений. Иначе, зачем она, если есть модель социоэкономического человека? Таким образом, строится модель участника эксперимента (индивида), отталкиваясь от данных экспериментов. Это означает, что были выбраны такие допущения о качествах участников экспериментов ДЗ, опираясь на которые делаются предсказания исходов контрольного эксперимента, которые совпадают с результатами данных реальных экспериментов. Авторское предположение заключается в том, что эта полученная модель, сможет в дальнейшем служить для предсказания исходов

будущих экспериментов ДЗ, а возможно даже и для предсказания исходов других социальных экспериментов (не ДЗ), в том случае, если ее прогнозы будут более точными, чем у существующих моделей. Как было показано, обобщение результатов известных экспериментов ДЗ (однократных) демонстрирует, что участники сотрудничают в половине случаев и, соответственно, не сотрудничают — также в половине случаев. Отсюда: исследователь должен выбрать набор таких допущений, которые будут приводить в теории именно к таким результатам экспериментов ДЗ. При этом, как было показано, следует придерживаться объективности в выборе качеств индивида, а также, этот набор качеств должен быть по возможности минимальным. Мы выдвигаем следующую — назовем ее «статистической» — гипотезу. Суть ее состоит в том, что мы отказываемся узнать, чем точно обусловлен тот или иной выбор конкретного индивида, участвующего в эксперименте ДЗ, а вместо этого предполагаем, если нет никакой другой дополнительной информации, что любой выбор индивида равновероятен (подход, основанный на такой статистической гипотезе, почерпнут из физики [150, с. 402]). Таким образом, мы получаем следующее:

- 1) Индивид ничем не ограничен в своем выборе, действует свободно (в случае выбора, скажем, между действиями А и В, может быть сделан выбор как А, так и В).
- 2) Мы не можем знать, что выберет индивид и допускаем, что тот или иной выбор индивида равновероятен (в случае выбора между действиями А и В, вероятность выбора А, равна вероятности выбора В, и равна, следовательно, пятидесяти процентам).

Если у нас есть какая-либо дополнительная информация, а именно, что индивид действует по принуждению (не произвольно), то мы должны учитывать и ее. Однако, в случае экспериментов ДЗ, мы исходим из того, что ни в одном эксперименте ДЗ участники не действуют по принуждению, а действуют свободным образом. Далее, исходя из этих допущений, мы должны показать, что прогнозы касательно результатов экспериментов ДЗ, основанные на вышеописанной статистической гипотезе, соответствуют результатам реальных экспериментов ДЗ. Не сложно прямым перечислением прийти к выводу о том, что в одном эксперименте ДЗ возможны четыре исхода. (1) Оба игрока выбирают сотрудничество; (2) оба игрока выбирают не сотрудничать; (3) первый игрок выбирает сотрудничать, а второй — не сотрудничать; (4) первый игрок выбирает не сотрудничать, а

второй — сотрудничать. Согласно статистической гипотезе, наступление каждого из этих исходов равновероятно, поскольку равновероятен выбор «Сотрудничать» или «Не сотрудничать» каждого из игроков. Сосчитаем число выборов «Сотрудничать». В (1) — два выбора «Сотрудничать». В (2) — нуль выборов «Сотрудничать». В (3) — один такой выбор. И в (4) — один выбор «Сотрудничать». Итого — 4 выбора сотрудничать из восьми возможных выборов («Сотрудничать» и «Не сотрудничать»), то есть — в половине случаев. Возможна и другая интерпретация статистической гипотезы. В четырех независимых экспериментах ДЗ будут четыре вышеописанных исхода. И, соответственно, опять же сотрудничать участники будут в половине случаев. Следует отметить, что модель индивида, основанная на статистической гипотезе, может быть использована и в том случае, когда нам надо принять решение о том, как действовать в конкретной ситуации со структурой ДЗ. То есть, как раз в ситуациях, которые представляют интерес для ТИ. Такой способ иногда называют основанным на «критерии Лапласа» и он также исходит из предположения, что каждый вариант развития ситуации (состояния «природы») равновероятен [118, с. 93]. Мы использовали его, когда пытались показать, что действовать случайным образом иногда лучше, чем сотрудничать (приложение 2). Чтобы проверить и показать, что статистическая модель действительно делает прогнозы, которые в большей степени совпадают с результатами, наблюдаемыми в экспериментах, мы поступим следующим образом. Протестируем также на серии из четырех независимых экспериментах ДЗ подходы ТИ и подход, основанный на использовании модели социоэкономического человека. Рассмотрим следующие традиционные условия эксперимента с произвольными выигрышами. У двух испытуемых А и Б на руках по две карточки с надписями: на одной — «Разделить», на другой — «Забрать все». Им предлагается сдать экспериментатору одну из карточек на следующих условиях. Если оба сдадут карточки «Разделить» им выплатят денежный выигрыш: каждый получит по \$50. Если оба сдадут карточки «Забрать всё» — выигрыш каждого составит \$25. Если испытуемые сдадут разные карточки, то тот, кто сдаст карточку «Забрать всё» — получит выигрыш \$100, а тот, кто сдаст карточку «Разделить» — не получит ничего. У испытуемых традиционно нет возможности узнать, какую карточку сдал другой участник эксперимента до сдачи своей карточки. Понятно, что сдача карточки «Разделить» здесь соответствует сотрудничеству, а сдача карточки «Забрать все» — не сотрудничеству (соперничеству). Пусть таких экспериментов проводится четыре независимо друг от друга (разумеется, с разными участниками). Нас интересует вопрос о том, каков будет исход этих четырех экспериментов. То есть, по-другому: какая часть участников всех четырех экспериментов сдаст карточку «Разделить» (или, соответственно,

какая их часть сдаст карточку «Забрать все»). Статистическая модель позволяет утверждать, что из всех восьми участников половина выберет «Забрать все» и половина «Разделить». Посмотрим, какие выводы можно сделать, используя подход ТИ, который, основывается (по меньшей мере, в той его части, которую мы рассматривали) на применении участниками доминирующей стратегии или равновесии Нэша. И который, исходя из этих способов рассуждения, предполагает, что все участники выберут «Забрать все». (Следует помнить, конечно, что ТИ все же не ставит себе целью прогнозирования исходов конфликтных ситуаций, а эти способы рассуждения мы отбирали лишь для того, чтобы как раз это и показать.) Следовательно: 100% участников выберут для сдачи карточку «Забрать все». Остается еще посмотреть, какие выводы касательно исходов этих четырех экспериментов можно сделать, основываясь на применении модели социоэкономического человека. Такая модель в нашей интерпретации приписывает участникам эксперимента ДЗ следующие качества.

- 1) Поведение индивида — это выбор индивидом того или иного своего действия.
- 2) Выбор действия индивида является полностью его произволом, хотя на его решения о выборе могут оказывать определенное влияние внешние факторы, в том числе присутствие и поведение других индивидов.
- 3) Выбор действия индивидом может быть как рациональным, так и иррациональным.

Из этих трех качеств — первые два ничем не отличаются от таких же качеств в модели игроков в ТИ, которые присутствуют там наряду с допущением о рациональности и эгоистичности индивида, и от таких же черт статистической модели игрока, которые представлены там почти в таком же виде. Первым различием, является то, что на решения участников о выборе могут оказывать определенное влияние внешние факторы, в том числе присутствие и поведение других индивидов. Как это допущение сказывается на исходах рассматриваемых экспериментов? Сложно сказать, поскольку это влияние трудно (если возможно вообще) измерить. Хочется предположить, что участники должны склоняться к сотрудничеству, опасаясь, например, порицания за эгоистичный выбор «Забрать все» со стороны экспериментатора или другого участника. Соответственно, процент выбравших «Разделить» должен наблюдаться, согласно этому предположению, больше, чем среди половины участников. С другой стороны, здесь может вмешаться третье свойство модели — рациональность, которая продиктует выбор «Забрать все». Измерить то, какое из этих качеств будет превалировать не представляется возможным. Такая неизмеримость прогнозов в случае применения модели социоэкономического человека делает ее совсем не

удобной для этого, однако кажется естественным из-за этой ее неопределенности привести ее к форме статистической модели. Разумеется, и предсказания тогда этой модели будут совпадать со статистической моделью. Опять же, данные реальных экспериментов совпадают с предсказаниями статистической гипотезы. Такое точное совпадение следствий из статистической гипотезы с результатами реальных экспериментов убеждает нас принять ее в качестве основной модели для прогнозирования результатов экспериментов ДЗ. Однако мы скрытым образом сделали одно допущение, которое само по себе может вызывать много вопросов. Оно, если его попытаться явно сформулировать, звучит следующим образом: «Действующий свободным образом индивид делает выбор, который совпадает с его выбором, сделанным случайным образом». Действует «свободным образом» означает в первую очередь без наблюдаемого внешнего принуждения. Например, человек, прыгнувший в бассейн с вышки, когда рядом с ним никого не было, действует, с этой точки зрения, без принуждения. В отличие от другого человека, которого в этот бассейн столкнули. Или лошадь, подстегнутая шпорами или кнутом, ускоряется, с этой точки зрения, по принуждению, в отличие от лошади, ускоряющейся без наблюдаемых внешних стимулов. Как раз, в рассматриваемых нами экспериментах, основанных на ДЗ, такого рода принуждения участников должны быть исключены. Это несколько смелое допущение о том, что поведение, основанное на «свободе воли» (заклячая в кавычки данное словосочетание, подчеркиваем то, что мы пока не определяли его) равняется случайному поведению, требует отдельного пояснения. И нам придется здесь кратко обсудить и вынести свое суждение о свободе воли и связанными с данным понятием: детерминизме, индетерминизме и случайности. Спор о том, как свобода воли укладывается в детерминизм, ведется до сих пор и хоть сколь-нибудь полной теории о «свободе воле» не существует. Более того, не существует даже единого определения этого понятия [52]. Нам, чтобы дать свои определения понятиям «детерминизм» и «свобода воли», видимо следует показать ситуацию, где наглядно представлены все обстоятельства, способные помочь разобраться в этих понятиях. Помимо этого, главное: нам надо дать ответ на вопрос о том, насколько вообще правомерно такое допущение об эквивалентности произвольного поведения индивидов и случайного поведения индивидов в контексте социального взаимоотношений индивидов. Наиболее успешный и авторитетный ресурс [84] по философии «Стэнфордская философская энциклопедия» дает следующее определение свободы воли. ««Свободная воля» — философский термин, обозначающий определенную способность рациональных агентов выбирать направление действий из числа различных альтернатив» [60, с. 1]. (Напомним, что под «агентом» понимается все, что действует, а под

«рациональным агентом» понимается агент, который действует таким образом, чтобы можно было достичь наиболее лучшего результата, или, в условиях неопределенности, наилучшего ожидаемого результата [181, с. 39]. Подробнее об основаниях использования рациональных агентов в исследованиях см. [214].) Таким образом, если перед индивидом стоит выбор А или Б, то он выберет А или Б. Однако, если индивид будет находиться в этих же условиях еще раз (ни одного наблюдаемого фактора не изменилось), то выбор может быть другим. То есть, если индивид в первый раз выбрал А, то второй раз, в точно таких же условиях, он может выбрать Б. Такова наша интерпретация произвольного поведения индивидов (то есть, поведения, основанного на свободной воле). Но тогда свобода воли противоречит важнейшей части общенаучного подхода — представлениям о детерминизме: для каждого события существуют свои условия, которые не могут вызвать другого события [188]. Если не делать никаких поправок, тогда представление о свободе воли можно попросту отбросить, как не научное (разумеется, когда речь идет о принятии научных взглядов как единственно верных в познании). Однако можно рассуждать и по-другому. «Свобода воли» — понятие, которое кажется мистическим лишь на первый взгляд. На самом деле, строго говоря, не существует по определению ситуации, когда возможно воспроизвести те же самые условия, где действует индивид (да и вообще — любые условия), если считать одной из характеристик времени изменяемость [190, с. 450]. Любые условия лишь в той или иной степени похожи на другие, опять же подчеркнем: строго говоря. Это — позиция детерминизма, как мы уже отмечали, — из одних и тех же условий всегда вытекают одни и те же обстоятельства (следствия, действия) [52]. Или, иначе говоря: в каждый момент времени у мира есть только одно возможное будущее. Стоит обратить внимание, что в условиях принятия позиции детерминизма, из того факта, например, что участник эксперимента был рожден в определенных условиях, полностью выводится (пока только в принципе) тот выбор, который он сделает в этом эксперименте [там же]. (Подобные факты звучат, опять же, несколько мистически, и вызывают немало споров.) Также, детерминизм предполагает, что выбор будет всегда сделан по какой-либо причине, даже и не доступной нам для наблюдения, но в принципе поддающейся наблюдению. Как мы помним, в экспериментах ДЗ такую причину непосредственно наблюдать не представляется возможным (стремления и желания участников, если допускать, что таковые действительно существуют). Эти рассуждения представляют все в таком свете, что, кажется, будто детерминизм вполне совместим с допущением о свободе воли индивидов. То есть, выбор между А и Б осуществляется индивидом всегда по какой-либо причине, которая присутствует, даже когда кажется, что ее нет. Причем, эта причина находится вне

контроля индивида (если иначе, то мы приходим к тому, что причина действий индивида генерируется самим индивидом, а это приводит к рекурсии: какова причина того, что индивид начинает генерировать причину и т.д.). Однако тут возникают вопросы морального толка: как индивид может нести ответственность за свои поступки, причиной которых он не является? Обсуждение этих вопросов не входит в наши задачи, поэтому мы лишь отметим, что существуют две основные точки зрения среди философов на решение этих вопросов: компатибилизм (Локк, Юм, Гоббс, Мур, Стросон и др.) и инкомпатибилизм (Кант, Джеймс, Броуд, Чиз и др.). **Компатибилизм** предполагает, что свобода воли и детерминизм вполне совместимы. Важным понятием для классического компатибилизма является понятие условной свободы. Считается, что человек действует свободно только в том случае, если у него есть выбор из нескольких доступных ему альтернатив. Но, если все события в мире детерминированы, то и определенный выбор человека также детерминирован, что ставит под сомнение его способность поступать по-другому, необходимую для свободы. Для преодоления этой трудности компатибилисты вводят понятие условной свободы, которое формулируется уже у Юма: «Мы можем подразумевать под свободой только способность действовать или не действовать сообразно решениям воли; другими словами, если мы хотим оставаться в покое, мы можем это сделать, а если хотим двигаться, то можем сделать и это. Но такая гипотетическая свобода по общему согласию признается за всяким, кто не сидит в тюрьме и не закован в кандалы» [209, с. 81]. Для нас важным представляется то, что компатибилисты часто определяют свободу воли как наличие у индивида (агента) свободы действия. То есть, если индивид поставлен в условия, где может осуществлять, по мнению наблюдателя, выбор, значит — он действует свободно, по своей воле. Такое определение свободы воли нам подходит, поскольку соответствует принципу объективности, которому мы поставили задачу следовать.

Инкомпатибилизм предполагает, что свобода воли и детерминизм не совместимы. С точки зрения инкомпатибилизма свобода воли подразумевает истинную возможность альтернативы для желаний и действий, нежели условную. Или, если детерминизм верен — полное отсутствие свободной воли. П. ван Инваген: «Если детерминизм верен, то наши действия являются последствиями законов природы и событий в отдаленном прошлом. Но от нас не зависит то, что произошло до нашего рождения, как не зависят и законы природы. Следовательно, и их последствия (включая наши действия в настоящем) не зависят от нас» [94, с. 93]. Однако оставим в стороне моральные вопросы и вернемся к нашей проблеме, которую теперь можно сформулировать в виде следующего вопроса. «Поскольку сегодня мы не располагаем средствами для того, чтобы выявить наблюдаемые причины того или

иною выбора участниками экспериментов ДЗ, можно ли полагать его случайным или же нам надо полагать его, все же, следующим с необходимостью?». Опять же, судя по обобщению данных экспериментов, основанных на ДЗ, половина участников этих экспериментов выбирала сотрудничество. Что полностью выглядит так, как если бы они действовали случайным образом (например, подкидывая монетку). Это обстоятельство — главный наш аргумент в пользу правомерности отождествления действий, основанных на свободе воли и случайных действий участников. Но что такое случайность? На сегодняшний день, наверное, наиболее точной характеристикой случайного события, будет его непредсказуемость. Вот одно из современных пониманий случайности: «...события, результаты которых легко предсказать ...называются детерминированными. Когда мы проводим детерминированный эксперимент, его результат можно безошибочно предсказать на основе исходных данных, и он изменится только при изменении какого-либо из начальных условий. Так, если мы бросаем предмет с заданной высоты, то можно гарантировать, что он упадет на землю, а также вычислить его скорость и время падения. Однако в других событиях подобного не происходит: при одних и тех же начальных условиях можно получить разные результаты. Такие события называются случайными» [134, с. 58]. Долгое время, в период господства гипотезы всеобщего детерминизма, случайность вообще отрицалась как нечто несуществующее или не заслуживающая внимания. Так, Вольтер в середине 18-го столетия пишет: «Случай — ничто; случая вообще не существует. Мы назвали так следствие причины, кою мы не усматриваем. Но без причины нет следствий; нет существования без основания для него — в этом заключается принцип всех истинных философов» [113, с. 475]. «Случай — слово, лишенное смысла; ничто не может существовать без причины» [там же, с. 686]. Гольбах, современник Вольтера, вторит ему: «Ничего в природе не может произойти случайно; все следует определенным законам; эти законы являются лишь необходимой связью определенных следствий с их причинами... Говорить о случайном сцеплении атомов либо приписывать некоторые следствия случайности — значит говорить о неведении законов, по которым тела действуют, встречаются, соединяются либо разъединяются» [124, с. 28]. Строго говоря, такая позиция справедлива (поскольку причинность в научной картине мира так и остается одним из самых общих принципов). Правда, она не учитывает так называемый закон больших чисел, который исходит из принципа, что чем большее число раз мы будем повторять случайный эксперимент, тем ближе будет относительная частота (отношение числа исследуемых событий к общему числу событий) каждого результата к определенному значению [146, с. 60]. Или, другими словами, при «большом» числе

случайных явлений средний их результат практически перестает быть случайным и может быть предсказан с большой степенью определенности. «Большом» — означает, что чем этих явлений больше, тем ближе результаты теоретические (прогнозируемые) к результатам эмпирическим (полученным). Поясним на простом примере, как закон больших чисел проявляется в реальности. Например, мы не имеем средств для того, чтобы предсказать, сколько очков выпадет, когда метаем шестигранную игральную кость один раз. Но мы можем с абсолютной точностью заявить, что если мы попросим шесть человек угадать, сколько очков выпадет при этом броске, причем так, чтобы каждый из них назвал разное количество очков (разумеется, из тех, что выбиты на кости), среди них будет тот один, который верно угадает выпавшее количество очков. Продолжим метать кость и просить тех же людей делать на обозначенных условиях свои предсказания. Сколько раз каждый из них угадает выпавшее количество очков, если мы метнем кость шесть раз? Мы не знаем. Может случиться так, что все шесть метаний верный прогноз будет давать один и тот же человек. Может случиться и так, что в одно метание количество очков угадает один, во второе — другой, в третье — третий, а в четвертое, пятое и шестое — третий. А может и в каждом метании будет свой угадавший. И еще множество других комбинаций. Так вот, принцип, из которого исходит закон больших чисел, утверждает, что чем больше метаний кости мы проведем, тем равномерней будет распределено количество угадываний между этими шестью людьми. Это и есть один из примеров действия закона больших чисел. Надо сказать, что как раз из подобных реальных экспериментов и был выведен закон больших чисел. Но не будет ли естественным, исходя из вышесказанного, сделать вывод, что события, связанные с человеческим поведением (с действиями человека, с его выбором) не представляют собой нечто отличное от любых событий, подверженных прогнозированию на основаниях закона больших чисел? Мы полагаем, что такой вывод вполне естественен. Примечательно, что подобная мысль в явном виде уже высказывалась А. К. Дойлом. В своем произведении «Знак четырех» он приписывает ее У. Риду (у самого Рида подобной мысли мы не находим [146, с. 58]). «У Уинвуда Рида есть прекрасное высказывание на эту тему, — произнес Холмс. — Он сказал, что один человек — это неразрешимая загадка. А толпа — математическая достоверность. Например, невозможно предсказать, как поведет себя отдельно взятый человек, но, когда собирается вместе определенное количество людей, можно с определенной долей уверенности спрогнозировать их действия. Люди, составляющие группу, могут меняться, но процент вероятности всегда остается тот же» [131, с. 101]. Наша гипотеза приобретает следующий вид. При большом количестве независимых друг от друга экспериментов ДЗ их результаты

будут приближаться с необходимостью к прогнозируемым результатам, — в которых половина участников выберет сотрудничество — как будто участники действуют случайным образом. Кстати, в малом числе экспериментов, также, как мы видели, проявляется то, что участники сотрудничают в числе, близкому, скорее, к половине случаев, чем к нулю. Например, как мы видели, в экспериментах немецких ученых [45], которые проводились среди студенток и среди женщин-заключенных (студентки «боролись» за деньги, а заключенные за кофе, сигареты или дополнительные минуты для телефонных переговоров) из 46 студенток — 17 сотрудничало (37%). Из 36 заключенных — 20 сотрудничало (56%). Так же и в других экспериментах наблюдается похожая ситуация: число сотрудничающих участников приближается к половине (см., например [19] или [42]). То же мы видим и в [102]. Эти примеры вполне могут служить еще одним аргументом в пользу использования моделей, основанных на статистической гипотезе. Теперь, коль скоро у нас есть эмпирические данные о том, что половина участников экспериментов ДЗ действительно сотрудничают, и есть модель, прогнозы из которой как раз и говорят, что половина участников экспериментов ДЗ с необходимостью будет сотрудничать при большом количестве экспериментов, пора сделать вывод, что данная модель имеет право быть опробованной в действительности. Это техническая сторона вопроса. Но что остается философии? Мы видим тут примечательный вывод: поведение индивида, основанное на свободе воли и случайное поведение — *это одно и то же явление*. Здесь нет никакой мистики: скажем, если перед ребенком положить два мяча и попросить его принести нам «мяч», то мы можем уверенно предполагать, что чем больше детей мы попросим это сделать, тем равномерней будет распределяться количество тех, кто принесет первый мяч и тех, кто принесет второй. Точно также, если мы будем подкидывать монетку, какой мяч нам выбрать — первый или второй — с увеличением числа бросков мы получим точно такое же распределение выборов мячей, как и в случае с детьми. (Следует отметить, что сравнивать надо именно с генератором случайных чисел, а не с выбором, который сам человек считает случайным, — существует множество экспериментов, показывающих, что наша способность генерировать случайности сильно ограничена). Помимо вышесказанного, мы полагаем, что экстраполяция этой модели правомерна и на индивидов в любых социологических исследованиях. Это предположение означает, что любое социологическое исследование, которое пытается спрогнозировать те или иные действия группы индивидов, может получить более точные прогнозы, используя статистическую гипотезу, чем любые другие инструменты для такого прогнозирования. Это, как кажется, несколько смелое предположение, тем не менее, может оказаться верным. Так, известно,

что в крупных совокупностях социальных явлений выявляется статистическая закономерность [170, с. 632]. Однако эти утверждения не дотягивают даже до гипотезы, без эмпирических фактов. Например, насколько справедливым будет говорить о применении нашей статистической модели для прогнозирования результатов, скажем, конкретных политических выборов с двумя кандидатами? Исходя, из нашей гипотезы мы должны сказать, что распределение голосов должно быть 50 на 50. Поскольку, *как кажется*, избиратели действуют без принуждения (помимо этого, разумеется, надо допускать, что не было подтасовок результатов). Но такой прогноз, судя по результатам состоявшихся выборов, выглядит сомнительным. Скорее, в подобных случаях, следует исходить из модели социоэкономического человека, или, что обычно и делается — из предварительных опросов избирателей. То есть, наша модель, как и любая другая, имеет ограниченную зону применения и пример с выборами (полагаем, есть и другие примеры), одно из таких возможных ограничений. Однако лучше иметь количественный инструмент (коим является статистическая модель социального взаимодействия ДЗ), чем качественный (модели социологического человека и, следует признать, — модели игрока в ТИ). Как справедливо отмечал еще Поппер: «Математическая гипотеза претендует лишь на то, что из ее допущений можно вывести правильные следствия» [178, с. 136]. Нам больше ничего и не требуется.

Определенные методологические допущения в свойствах участников социального взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного образуют модели индивида (участника ДЗ), которые носят название «экономический человек» и «социологический человек». Синтез этих двух моделей — «социоэкономический человек» («философский человек») — имеет свойства, которые отличны от тех, что входят в модель игрока в ТИ. Обнаружено, что общее свойство всех рассмотренных моделей (включая модель игрока в ТИ) — произвольное поведение индивида. Однако тестирование этих моделей в условиях гипотетических социальных образований (в рамках современного определения термина «социальное образование») показывает, что это, как кажется, естественное допущение о произволе индивида ведет к не совсем естественным последствиям. А именно к тому, что в некоторых социальных образованиях (обществах, сообществах), состоящих из индивидов с таким поведением (в частности, в нашей стране) сотрудничество (социальное поведение) носит необходимо принудительный характер.

3.2. Принудительный характер сотрудничества и степень открытости современного молдавского общества.

Модель социальных отношений, основанная на статистической гипотезе — методологический инструмент, выработанный в ходе нашего исследования, — должна служить, прежде всего разрешению конфликтных ситуаций, возникающих в том или ином обществе, в частности — конфликтов со структурой дилеммы заключенного. Однако это модель не может и не должна быть использована для решения *всякого* социального конфликта, раскола или противостояния. Прежде, чем выяснять насколько структура конфликта соответствует структуре дилеммы заключенного (чтобы полновесно применить к нему количественную методологию дилеммы заключенного), целесообразно определить, насколько исследуемый социальный конфликт требует разрешения именно на философском уровне. То есть, насколько разрешение данного конфликта зависит от пересмотра его начал (принципов, первооснов), от тех базовых, основополагающих, самоочевидных положений, которые не дедуцированы из других предложений (положений, допущений, предположений и т.д.). Таким образом, первое положение, из которого мы исходим в данном параграфе — *не все социальные конфликты должны быть разрешены философскими методами*. Это исходное положение, следовательно, ставит вопрос о том, какие социальные конфликты должны разрешаться на философском уровне и не могут быть разрешены на других уровнях (социальном, политическом, экономическом и т.д.). Как пример, мы рассмотрим наиболее значимые конфликты и расколы современного молдавского общества. Но сначала классифицируем социальные конфликты на общем формально-теоретическом уровне, исходя из того, насколько важно, возможно и целесообразно (эффективно, затратно и т.п.) применение социально-философского инструментария в их разрешении. Конечно, речь идет о социальных конфликтах, которые предположительно *имеют* решение.

Первая категория социальных конфликтов — конфликты, которые полностью не относятся к компетенции философии и разрешение таких конфликтов невозможно на философском уровне. Например, социальные конфликты, решаемые на уровне переговоров или военно-стратегические конфликты.

Вторая категория конфликтов — конфликты, которые вполне разрешаемы на философском уровне, однако также разрешимы и на других уровнях (юридическом, политическом, культурном, социально-экономическом и т.д.). Применение в таких конфликтах философских подходов выглядит «стрельбой из пушки по воробьям». Действительно, зачем решать конфликт на абстрактном уровне, если можно его решить на

конкретном уровне, то есть, зачем думать, если можно сосчитать. При этом, решение таких конфликтов на философском уровне даже может навредить. Например, это разного рода конфликты между общественными «классами» (пользуясь марксистской терминологией). Решение подобных конфликтов на уровне принципиальных основ общества, а не на уровне простых законодательных ограничений, скажем, может привести к катастрофе, как то происходило (и происходит) в государствах, пытающихся избавиться от фундаментальной общечеловеческой категории — частной собственности — вместо того, чтобы улучшить демократическими методами распределение этой самой частной собственности (речь о коммунистических СССР, Северной Корее, Китае, Беларуси и др.).

Третья категория социальных конфликтов, именно те, которые разрешаются на философском уровне и только на философском уровне. Эти конфликты — наиболее важные, поскольку решаются на принципиальном уровне (пересмотром принципов, лежащих в основе этих конфликтов) и не могут быть решены на любом другом уровне. (Ниже, в этом параграфе мы рассмотрим, как пример, один из таких конфликтов подробно.)

Теперь рассмотрим социальные конфликты современного молдавского общества. При этом некоторые из конфликтов успешно решаются и на данном этапе расколами не являются. Наиболее значимыми для современного молдавского общества являются расколы: этнический и региональный (территориальный), а также социально-экономический. Социально-экономический раскол в любом обществе обычно выражается в разрыве в доходах или потреблении разных групп населения, в значительном уровне безработицы и в распространении нищеты и бедности. Однако сегодня в Республике Молдова дела с этими показателями обстоят вполне удовлетворительно. Безработица, которая, например, 15 лет назад была одним из важнейших раскалывающих факторов, сегодня как будто таковым не является. Согласно Национальному Бюро Статистики число безработных в Республике Молдова составляет 34,2 тысячи человек, что составляет 2,9% от активного населения (по данным на IV триместр 2018 года)⁸. Эти показатели отражают ситуацию, которая гораздо лучше общемировой: только примерно 6% стран имеют уровень безработицы ниже 3%⁹. Однако если большинство из работающих граждан в Республике Молдова при этом получали мизерную заработную плату и трудились в тяжелых условиях, то эти цифры не должны радовать, а скорее огорчать. Но и здесь, как будто все в порядке. Средняя зарплата в Республике Молдова сегодня составляет 6987,5 леев¹⁰ (около 350

⁸ <http://www.statistica.md/newsview.php?l=ro&id=6287&idc=168>

⁹ <https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm>

¹⁰ <http://www.statistica.md/newsview.php?l=ro&id=168&idc=6266>

долларов), что располагает Республику Молдова примерно в середине общемирового рейтинга¹¹. Отклонение самых низких зарплат (в сфере искусств, отдыха и развлечений) от общих средних показателей приемлемо (самая низкая средняя зарплата 4165,6 леев (около 210 долларов). При этом прожиточный минимум составляет 1895,7 леев (около 110 долларов). Таким образом, говорить о том, что безработица или низкая оплата труда является серьезным расколом в молдавском обществе не приходится.

Раньше массовый выезд молдавских граждан за рубеж (в основном мужчин, что приводит к нарастанию других негативных проблем: увеличение доли женщин в составе населения, ослабление института семьи, рост проституции и так далее) связывали с поиском работы, или недостаточной заработной платой в стране, однако теперь все не так однозначно. Можно сказать, что молдавские граждане мигрируют в поисках лучших условий, *чем имеющееся приемлемые* (как мы видели) условия. В отличие от миграции 15-20-летней давности, когда трудовая миграция была дополнена, например, и такой нелегальной формой, как торговля людьми. Женщины, например, вполне соглашались работать нелегально, скажем, ухаживая за итальянскими маломобильными представителями общества (детьми, пенсионерами, инвалидами) рискуя получить запрет на въезд в европейский союз, то есть — рискуя, по сути, всем своим будущим благосостоянием. Добровольное занятие нелегальной проституцией в зарубежных странах мы даже не рассматриваем (хотя подобные случаи и были достаточно распространены 15-20 лет назад, однако это уже не социальный раскол, а вид преступления, причем и со стороны тех, кто соглашались на это и со стороны организаторов траффика людей). Сегодня число молдавских граждан, выезжающих за рубеж на *нелегальное* трудоустройство *значительно* ниже, чем 15-20 лет назад. Зачем, если можно устроиться легально, получить вид на жительство, привести семью, при этом имея все социальные гарантии, и жить там, где тебе хочется. Казалось бы, тогда возникает еще один социальный раскол: граждане навсегда покидают *свою* страну. Однако это не раскол и не конфликт. Не существует сколь-нибудь рациональных (логичных, разумных, естественных) оснований в современном цивилизованном (по большей части) мире для того, чтобы человек жил в той стране, в которой он не чувствует себя достаточно счастливым. Границы государства не являются границами личности. А как же патриотизм? Патриотизм — принцип, содержание которого составляет «любовь к родине» совершенно ничем не подкреплена, с точки зрения логики, более того, следствия этого принципа часто ей противоречат («любовь к родине» и

¹¹ <https://data.oecd.org/earnwage/average-wages.htm>

«проживание на родине» — понятия не идентичные). Еще хуже, когда патриотизм перетекает в шовинизм, национализм или, например, в обязательную воинскую повинность (которая, кстати, существует и в современной Республике Молдова) и т.д. Жить в стране из чувства «любви к родине», зная, что твоих сыновей обязательно призовут в ряды «пушечного мяса» (по меткому выражению Шекспира) и при этом, зная, что существуют страны, где обязательной воинской повинности не существует, и куда можно достаточно легко эмигрировать, зачем? Похоже уже только этого примера достаточно, чтобы показать несостоятельность аргумента «А как же любовь к Родине?» в отношении молдавских граждан, выбирающих для проживания другие страны (к последнему примеру — без обязательной воинской повинности). Вообще, на наш взгляд, финансовые проблемы редко, когда обуславливают отток граждан из стран, в которых они родились. Вполне допустимо, что людям не нравится климат или пейзаж (хотят жить в горах или у моря), и это *нормально*. Но еще лучше, когда в стране присутствует стабильность (обычно обеспечиваемая реально действующим законодательством и низким уровнем коррумпированности общества), перспективы для следующих поколений, доверие к другим членам общества и т.п.

Как выражается в современной Республике Молдова разрыв в доходах или потреблении разных групп населения? Коэффициент Джини, характеризующий неравенство в доходах или потреблении населения, в 2016 году составил в Республике Молдова 26.3, что является очень хорошим показателем, и Республика Молдова здесь в десятке мировых лидеров. Например, для России этот коэффициент составляет 37,7 — только сотое место в мире (чем ниже показатель, тем меньше разрыв в доходах)¹². Исходя из этих данных нельзя сказать, что сегодня существует большой социальный конфликт в разнице доходов населения.

Этнический раскол ярко присутствовал в молдавском обществе в основном в начале 1990-х годов в требованиях предоставления большей автономии гагаузам. Специальный статус АТО Гагаузии (с 1994 года) резко снизил автономистские и сепаратистские настроения среди гагаузов, тем самым серьезно снизив напряжение и погасив конфликт. Этнические русские (и в общем русскоязычные граждане) в Республике Молдова не испытывают дискриминации по этническому признаку и интегрированы во все сферы жизни молдавского общества.

Конституция Республики Молдова устанавливает, что принцип плюрализма является одним из основополагающих для демократического правового государства. Таким

¹² https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_income_equality

образом, можно говорить об отсутствии в Республике Молдова официальной идеологии и связанных с ней общественных конфликтов. Хотя в информационном пространстве иногда возникают споры о том, следует ли стране «идти по пути» присоединения к Румынии или нет (это просто разговоры, поскольку никаких официальных шагов ни со стороны Республики Молдова, ни со стороны Румынии не предпринимается) и тема «объединения с Румынией» как будто преподносится в качестве «официальной идеологии». Однако, в свете того, что *любой* гражданин Республики Молдова, если он или его предки проживали на территории республики с 1918-го до 1940-го года (когда данная территория была в составе Румынии) по сути является гражданином Румынии (может сегодня восстановить свое румынское гражданство) эта «идеология» (или борьба с ней) теряет смысл. Молдаване, в этом свете — суть румыны.

Мы рассмотрели несколько расколов в молдавском обществе, которые на сегодняшний день, по сути, расколами, по различным причинам, уже не являются. Вернемся к нашей классификации и рассмотрим общим образом вероятно важнейший конфликт и раскол (по меньшей мере так он представляется в открытом информационном пространстве) — территориальный раскол, а именно продолжающийся приднестровский конфликт. Несмотря на вовлечение международных структур и других стран для его урегулирования («план Козака», «план Ющенко»), Приднестровская Молдавская Республика фактически не контролируется официальным Кишинёвом. Учитывая несовместимость (кажущуюся?) политических и экономических систем Приднестровья и Республики Молдова, степень недоверия и отчуждённости между сторонами, потенциал конфликта сохраняется на весьма значительном уровне, хотя вероятность его перехода в вооружённую стадию в настоящее время как будто минимальна. Тем не менее, на наш взгляд — это далеко не принципиальный конфликт и возможно даже не политический. Власти Республики Молдова, на наш взгляд — справедливо, в некоторой степени продолжают рассматривать Приднестровье как плацдарм российской экспансии и препятствие для урегулирования конфликта. Не только власти Республики Молдова придерживаются такой позиции. Например, в декабре 2014 года канцлер ФРГ Ангела Меркель привела Приднестровье (а также Абхазию, Южную Осетию, ДНР и ЛНР), как пример использования российской федерацией зон «замороженных конфликтов» для дестабилизации обстановки в странах, решивших подписать соглашение об ассоциации с Евросоюзом¹³. Вполне правдоподобная версия, учитывая то, что Россия не нейтральная, а

¹³ <https://republic.ru/posts/l/1208567>

вполне заинтересованная сторона во всех этих противостояниях. Если это так (дестабилизация обстановки в непризнанной ПМР — дело рук России, к чему мы также склоняемся), то вряд ли этот конфликт можно решить даже политическими (дипломатическими) средствами. Скорее всего, на наш взгляд, вывод российских вооруженных сил с территории Республики Молдова (а Приднестровье до сегодняшнего дня является Республикой Молдова) приведет к естественному растворению конфликта. Просто потому, что на территории Приднестровья не существует никакого межнационального (межэтнического) конфликта, для решения которого необходимо было бы создавать некую этническую автономию: этнических русских в Приднестровье проживает примерно треть от всего населения (столько же — этнических молдаван и чуть меньше украинцев) — соответственно, говорить о некой «русской» автономии бессмысленно (срв. с Гагаузией, где гагаузов проживает примерно 84%, молдаван — около 5%, а русских — около 4%).

Если говорить в общем о политических попытках, то Республика Молдова предпринимает, как кажется, верные шаги. Летом 2005 года официальный Кишинёв окончательно отклонил согласованный Россией и другими посредниками план урегулирования в Приднестровье (известен как «план Козака»), предусматривающий широкую автономию и систему гарантий для региона. Фактически речь шла о федерализации Республики Молдова и соответствующем изменении институтов власти. Вместо российских предложений Кишинёв принял так называемый «план Ющенко», напротив, предусматривающий демократизацию политической системы Приднестровья и последующую его интеграцию в существующую политическую систему Республики Молдовы через переговорный процесс и при соответствующих гарантиях ОБСЕ. Приднестровские власти с «планом Ющенко» не согласны. В 2006 году Республика Молдова и Украина ввели новый таможенный режим в отношении Приднестровья, который был расценён в ПМР как экономическая блокада¹⁴. Следующим политическим шагом стало то, что в августе 2017 года Республика Молдова на Генеральной ассамблее ООН подняла вопрос о выводе российских миротворцев из Приднестровья, четко обозначивший стремления молдавских властей. Все эти обстоятельства говорят о том, что данное противостояние не является принципиальным и, следовательно, не должно (и не может) быть разрешено философскими методами (пересмотром и переосмыслением основ данного конфликта). Таким образом, это пример первой категории социальных конфликтов —

¹⁴ <http://www.hyno.ru/tom1/1137.html>

конфликтов, которые полностью не относятся к компетенции философии и разрешение таких конфликтов невозможно на философском уровне.

Теперь нам надо показать какие же социальные конфликты могут и должны решаться на философском уровне и указать на такие конфликты в современной Республике Молдова. Чтобы выяснить это вернемся к **определению понятия общества** (понятие, которое до сих пор в нашей работе применялось как интуитивно понятное и самоочевидное и прямо не определялось). Также концепция перехода к обществу знания требует уточнения самого термина «общество», поскольку в основополагающих работах исследователей, связанных с развитием концепции общества знаний [8; 25; 26; 85; 140] сам термин «общество» никак не определяется. Это вероятно не делается по следующим причинам. Во-первых, авторы не ставят себе таких целей, используя понятие «общество» как интуитивно понятный термин. Во-вторых, авторы принадлежат к постмодернистской философской традиции, где по определенным причинам [143] не принято точно следовать принципам логики особенно в том, что касается значений терминов. В этих работах современное общество — это «постиндустриальное» общество, «посткапиталистическое» общество, но, с точки зрения эпистемологии — не определенное «общество». Помимо этого, раз мы исходим из предпосылок методологического индивидуализма, нельзя следовать прямо противоположному направлению — холизму. Именно это черта — холистический характер рассуждений об обществе — присущ постмодернистскому «дискурсу» (под «холизмом» в данном случае достаточно традиционно понимается отношение к обществу как к некому существующему предмету, не являющемуся совокупностью индивидов и, например, утверждения «общество испытывает...», «общество требует...» и т.п., являются с этой точки зрения абсолютно холистическими.) Если в задачи входит уточнение термина «общество», то за его определением не следует обращаться к работам авторов, формулирующих концепцию общества знания. Соответственно, прежде чем перейти к философскому анализу конфликтных проявлений в современном обществе (и в современном молдавском обществе), имеется необходимость уточнить, собственно, сам термин «общество» с позиций общих методологических установок нашего исследования, то есть — с позиций методологического индивидуализма. Сначала внимание следует направить, согласно установкам данной доктрины, на те «атомы», из которых общество строится, то есть — на индивидов. Определение понятия «общество», которое учитывает рассмотренные характеристики индивидов должно быть следующим. Общество — это совокупность, сумма, индивидов, жизнедеятельность которых протекает на той или иной территории. «Индивид» при этом и есть совокупность предписываемых ему свойств или,

иначе говоря, это и есть — социоэкономический человек, которого мы синтезировали ранее. Однако некоторые характеристики общей модели человека (социоэкономического человека) при таком понимании общества приводят к следствиям, которые нельзя назвать очевидными. И это есть те самые следствия, которые выявляются *только* на философском (эпистемологическом) уровне. В частности, допущение о свободном образе действий индивидов приводит к заключению о несвободном характере сотрудничества в некоторых обществах, в том числе, как мы увидим далее, и в современном молдавском обществе. Поскольку сотрудничество иногда понимается как *единственная* характеристика социального поведения [194; 195], а социальное поведение — как неотъемлемая часть социальных взаимоотношений, то эти следствия требуют более подробного рассмотрения, чтобы вынести о них обоснованное суждение.

Как мы видели, действия индивида субъективно обуславливаются реализацией собственных предпочтений (потребностей и желаний) и его стремлением при их реализации к минимальным затратам сил, средств, времени и т.д. То, что называется рациональностью индивида. Действия индивида также произвольны. Этот рациональный произвол индивида рассмотрим в отношении интересующего нас социального образования («общества») [219]. То, что называется «социальным образованием» или «обществом» станет понятно после типизации данного понятия. Выделим три типа социальных образований рациональных индивидов:

- 1) Жизнедеятельность нескольких индивидов (более одного) на одной территории. При этом ни один индивид не нуждается в содействии другого индивида (ни в прямом, ни в косвенном) для реализации своих предпочтений.
- 2) Жизнедеятельность нескольких индивидов на одной территории. При этом ни один индивид не может реализовать свои предпочтения, действуя в одиночку.
- 3) Жизнедеятельность нескольких индивидов на одной территории. Часть индивидов может реализовывать свои предпочтения, действуя в одиночку, а другая не может.

Чтобы наглядней проиллюстрировать основные характеристики этих социальных образований, воспользуемся следующей аналогией. Пусть на некоем острове живут, скажем, два человека. Положим, на острове растут, плодовые деревья, плоды которых можно достать, только действуя совместно (подсаживая друг друга, к примеру) и невозможно достать, действуя в одиночку. Каждому из жителей необходимо питаться, другого источника питания, кроме плодов этих деревьев, у них нет. Это второй тип социального образования. Два следующих основания позволяют заключить наверняка, что

рациональные индивиды — жители острова — будут сотрудничать (совместно добывать плоды) и, соответственно, что такое общество, будет существовать: (1) невозможность реализовать свои предпочтения, действуя в одиночку и (2) одни и те же предпочтения у каждого из жителей (в приведенном примере — потребность в питании). Если исчезнет по каким-либо причинам основание (1), тогда данное общество превратится в социальное образование первого типа независимо от того сохранится или исчезнет вместе с основанием (1) и основание (2). (В представленном воображаемом примере это произойдет тогда, когда, скажем, оба жителя найдут способ добывать плоды в одиночку.) Первый тип социального образования не требует от индивидов сотрудничества и, соответственно, обществом не является: жизни индивидов ни качественно, ни количественно, по большому счету, не меняются в зависимости от того являются или не являются они членами такого социального образования. (Таким образом, одним из основных отличий общества от любого другого социального образования, является сотрудничество индивидов [182].) Если исчезнет основание (2) при оставшемся основании (1), тогда данное социальное образование превратится в общество третьего типа. В данном случае это означает, что у одного из жителей, скажем, вдруг пропадет потребность в питании (или он найдет способ добывать плоды самостоятельно). По всей видимости, маловероятно, что у одного из жителей пропадет потребность в питании, но может оказаться, что эта потребность у него «не так сильна». Не в прямом смысле, а, скажем, что она вполне совместима с употреблением опасных для здоровья доз наркотиков, алкоголя или табака, или, к примеру, с опасными для жизни увлечениями, вроде экстремальных видов спорта; или же он проявляет склонность к суициду, длительным голодовкам и т.д. (На необитаемом острове употребление наркотических веществ или алкоголя, понятно, затруднено, но для большей схожести аналогии на жизнь в современном обществе можно позволить такие допущения.) Перспектива того, что в один день, может оказаться, что этот житель будет не в состоянии собирать плоды и, соответственно, оба жителя острова просто погибнут, приобретает ясные очертания. Если для первого жителя собственная гибель в некотором смысле не является проблемой — он реализует все свои предпочтения — то для другого жителя такой сценарий развития событий представляет собой явную проблему (он не сможет питаться). Причем, корни этой проблемы кроются, очевидно, в самом факте того, что жители имеют свободный образ действий. При этом проблема носит не всеобщий (абсолютный) характер, а является, до поры до времени, проблемой второго индивида (ясно, что если первый индивид будет не в состоянии собирать плоды, к примеру, из-за полученных травм, но потребность в питании у него сохранится, то проблема будет касаться обоих индивидов). Таким образом, в

интересах второго жителя преподносить проблемы алкоголизма, наркомании, самоубийств и т.д., как общественные, то есть ратовать за сохранение общества. При этом понятно, что дальнейшее существование такого общества зависит от того насколько успешно ему удастся каким-то образом (путем, скажем, убеждения или принуждения) ограничить свободный образ действий первого индивида (скажем, запретить употреблять наркотики, алкоголь и т.д.). То есть, надо подчеркнуть, что сотрудничество в социальном образовании третьего типа носит явно несвободный характер, в том смысле, что оно, по сути, определяется успешностью ограничений одними индивидами *свободного* поведения других индивидов (в представленном примере — свободного поведения первого индивида вторым индивидом). Может третий тип общества в основе своей сможет существовать за счет альтруизма первого индивида? Однако пока сложно представить индивида с наркотической зависимостью, отказывающегося от употребления наркотиков из альтруизма. Таким образом, свободный образ действий рационального индивида в некоторых условиях приводит к тому, что социальное образование обречено на гибель, а единственный способ избежать этого — ограничивать свободу воли индивидов. Но тогда, если экстраполировать эту аналогию на современное общество, получается целый ворох других проблем, вроде узурпации власти, олигархии и т. д. Принимать то, что индивид всегда эгоистичен, сегодня уже не кажется единственно разумным. Действовать эгоистично или же поступать альтруистично решать предстоит самому индивиду снова же исходя из своих предпочтений. Судя по последним исследованиям, альтруизм вполне может быть потребностью человека, то есть входить в его предпочтения; выявляется сущность человека как «сверхсотрудничающего» существа [59]. Возможно, эти данные найдут вскоре свое отражение и в экономических моделях человека, и необходимость допущения об эгоизме экономического человека будет переосмыслено. Итак, главное: если индивид в каком-либо обществе *свободен* в выборе сотрудничать или не сотрудничать с другими индивидами, то другие индивиды (либо он сам, в отношении других индивидов) будут *стремиться к ограничению* этой его свободы. Это значит, что в любом социальном образовании (сообществе, обществе, социальной группе) будут присутствовать инструменты (законы, нормы, правила, методы принуждения или «лечения») для ограничения свободы индивида не сотрудничать (то есть, не проявлять социального поведения). Не сотрудничество индивида, в зависимости от его индивидуальных особенностей в поведении, может принимать самые различные формы. Точнее сказать, *любая* особенность в поведении индивида может быть расценена другими индивидами (или индивидом) как не сотрудничество (в зависимости от социального контекста) и может быть ограничена. В

крайней степени, как пытался показать Э. Дюркгейм, такие ограничения могут довести отдельного человека даже до самоубийства. Например, это общественное сознание называет человека бесполезным для общества существом, т. к. он одинок, не имеет семьи и детей, не участвует в религиозной жизни общины, не играет никаких функций в обществе, поэтому это общественное сознание диктует человеку совершить акт самоубийства и тем самым мстит человеку за отказ от людей [28]. Сегодня, такое поведение личности, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся общественных норм называют девиантным (работы Дюркгейма считают основополагающими в областях психологии, которые изучают сущность, генез и функционирование такого поведения). Подчеркнем, что с нашей точки зрения, любое поведение индивида может быть расценено другими индивидами как девиантное потому, что оно содержит в себе *отказ от сотрудничества*. Чем сильнее такой отказ противоречит целям и интересам группы (или отдельному индивиду, как на вымышленном примере с островом), тем сильнее отказывающийся сотрудничать индивид будет подвергаться принуждению к сотрудничеству (если у других индивидов существуют возможности к принуждению). В современном обществе, как кажется, существуют два главных инструмента такого принуждения к сотрудничеству — законы и общественные нормы. (То есть, если это так, то в принципе можно нарисовать достаточно точный внешний портрет индивида любого государства, если нам известно, что он законопослушный гражданин и соблюдает общественные нормы.) Чтобы понять, что эти две составляющих современного общества являются абсолютно искусственными по отношению к индивиду, достаточно вспомнить, что их соблюдение обеспечивается в конечном итоге применением физического насилия в отношении тех индивидов, кто их не придерживается, чтобы изменить поведение таких индивидов.

Итак, если существуют два индивида, один из которых не может существовать без другого, он будет стремиться к принуждению того другого к сотрудничеству (к социальному поведению). Точно также, если существует группа индивидов, часть членов которой не может существовать без содействия других ее членов, она будет стремиться к принуждению этих индивидов к сотрудничеству (социальному поведению). Если индивид или группа индивидов в рамках какого-либо социального образования проявляют поведение, которое прямо или косвенно предполагает не сотрудничество (не социальное поведение), такое поведение будет подвержено изменению. Все это говорит о том, что индивидуальность в любом социальном образовании допускается только до той степени, в которой она не угрожает социальному поведению (сотрудничеству индивидов в этом

социальном образовании). Девиантное поведение индивида — психологическая категория, основанием которого является «общепринятое» поведение. Однако, такое основание совершенно не подходит для философского исследования, как не подходит для философского исследования любая условная (принятая по договору) категория. Чем сильнее личность (поведение индивида) ограничивается обществом (другими индивидами), тем менее такое общество является «открытым», пользуясь терминологией Бергсона-Поппера и, соответственно, наоборот. Не важно условны ли эти ограничения (то есть, индивид, чье право на не сотрудничество также прямо или косвенно учувствовал в принятии ограничений) или не условны. Полностью открытое общество становится (по Попперу) «абстрактным», то есть таким, «в котором люди практически никогда не встречаются лицом к лицу. В таком обществе все дела совершаются индивидуумами в полной изоляции, и эти индивидуумы связываются друг с другом при помощи писем или телеграмм и разъезжают в закрытых автомобилях. (Искусственное осеменение позволило бы даже размножаться без личных контактов.) Такое выдуманное общество можно назвать „полностью абстрактным или безличным обществом» [176, с. 219]. Полностью закрытое общество становится первобытным (или иначе — табуированным, то есть таким, где любое действие индивида либо священо, либо несет проклятие, поскольку якобы контролируется некими сверхъестественными силами). По пути от некоего среднего общества к абстрактному общество становится демократическим (где важные решения принимаются коллективно), а по пути от среднего общества к первобытному — тоталитарным (где важные решения полностью под контролем государства, то есть под контролем отличной от общества группы, удерживающей власть).

Что плохого для девиантного индивида в том, что общество ограничивает его «неправильное», «ненормальное» поведение, — ведь он становится «нормальным»? Плохо то, что в таком обществе отдельный индивид *не может быть счастливым*. Как не может быть счастливым человек, *который вынужден вести себя не так, как ему хочется*. Со времен Аристотеля, проблема счастья является центральной категорией любой этики [134, 141], и вряд ли то, что не ведет к счастью отдельного индивида (или его близких, как, впрочем, и вообще окружающих), может считаться чем-то хорошим (добродетельным, в терминах Аристотеля). Например, если некоему пожилому мужчине *нравится* зеленый цвет прически, в Республике Молдова носить такую ему будет очень некомфортно (на улице, даже в Кишинёве, он будет «белой вороной»), во-первых, и вообще — невозможно, если, например, он учитель или даже хирург. При этом — он *не нарушает ни один закон*. Может ли такой человек быть полностью счастлив в нашей стране? Очевидно, нет. Зато в

любой из стран Скандинавии, к примеру, или в Финляндии, он счастливо может жить, даже занимая пост министра. С другой стороны, в Республике Молдова хотя бы не существует *законов*, устанавливающих внешний вид для граждан. Также вероятность того, что пожилого мужчину с зеленой прической за эту его особенность убьют, как кажется, достаточно низка. Этот, казалось бы, не важный пример (существуют проблемы поважнее, чем зеленые волосы!) помогает, однако, сформировать критерий для оценки открытости любого общества, в том числе и современного молдавского общества.

(1) Если ограничения, направленные на подавление девиантного поведения индивида закреплены законодательно или девиантное поведение жестко (применением насилия) подавляется в обществе, даже если такое поведение не нарушает закон — это очень плохое (не открытое и не демократическое) общество. Примером такого общества служил РСФСР в составе СССР в отношении гомосексуалистов (уголовный кодекс РСФСР содержал статью, устанавливающее наказание «за мужеложство» лишение свободы на срок до пяти лет). Другим примером служит современная Россия, где гомофобия на уровне общественных отношений является очень высокой, и быть открытым гомосексуалистом в России чрезвычайно опасно.

(2) Если девиантное поведение ограничено некими социальными нормами (может использоваться различное психологическое давление, но не используется прямое насилие) это плохое, полуоткрытое общество. Например, современная Республика Молдова в отношении гомосексуалистов (и вообще — в отношении ЛГБТ) относится именно к таким обществам. Хотя гомосексуальные отношения в Республике Молдова легальны с 1995 года, на улице вряд ли встретишь мужчин, открыто проявляющих эту свою особенность (хотя, гомосексуалистов в Республике Молдова бесспорно не меньше, чем в среднем в любой другой стране), поскольку «общество» относится к таким проявлением крайне настороженно и совсем не факт, что открыто демонстрирующих свою гомосексуальную ориентацию мужчин не ждет физическое насилие со стороны «нормальных» членов общества.

(3) Если девиантное поведение не подавляется, даже ни на законодательном, ни на морально-психологическом, ни на уровне насилия, такое общество следует называть открытым. Опять же, примером таких обществ в отношении гомосексуалистов, может служить, скажем, современная Каталония (в Барселоне на улице можно увидеть открыто проявляющие свои чувства мужские пары, при этом это не вызывает никакой отрицательной и уж тем более агрессивной реакции окружающих). По сути говоря, любая

страна северной или западной Европы для гомосексуалистов является таким открытым обществом.

Ярчайшим проявлением закрытого общества, на наш взгляд, — является **воинская обязанность**. Первый аргумент против нее — этико-логический. Мы исходим, во-первых, из следующих *этических* соображений: война — худшая форма проявления человечности. Если один человек навязывает другому свою волю, пытается силой изменить его поведение, заставить другого отказаться от своей свободы, идеологии, от прав на собственность, отдать ресурсы: территорию, акваторию и т.д. Он будет осужден в любом, даже самом примитивном и закрытом обществе. Однако, если это делает группа людей в отношении другой группы людей (то есть, *ведет войну*), то это — просто конфликт и тот, кто победит в таком конфликте, вероятно осужден *никогда не будет*. Так, никогда не были осуждены участники антигитлеровской коалиции, преступления которых, ничем не отличались от преступлений стран «оси» и их союзников. Например, не были осуждены ответственные за бомбардировки мирных городов Королевскими военно-воздушными силами Великобритании и Военно-воздушными силами США (например, Милана в 1943-м году и Дрездена в 1945-м), за американские атомные бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки в 1945-м году, за катынский расстрел тысяч польских граждан НКВД СССР, раздел Европы в Пакте Риббентропа-Молотова и т.д. С логической точки зрения такой двойной подход «победителей не судят» уже вызывает сомнения у любого человека, такие же сомнения, как победа шулера в карточной игре. Только в очень кровавой игре. И теперь, человека, знающего обо всем этом, насильно призывают сесть за карточный стол (отбыть воинскую обязанность)? Есть и более прагматический аргумент против воинской обязанности, *экономический*. Солдат — обычная специальность в государстве. Государство просто экономит на контрактной армии (это, по сути не философский, а финансово-экономический вопрос), призывая и не оплачивая услуги солдат вместо того, чтобы платить им зарплату. А зарплата солдата должна быть высокой, очевидно, чтобы заставить притихнуть те этико-логические соображения против войны, которые мы привели выше. Философская проблема здесь в том, что государство хитрым образом подключает насильственный ресурс (то есть, использует свою «монополию на насилие», говоря словами Вебера) чтобы набрать армию малыми средствами (платя зарплату силовым структурам, которые, по сути, силой рекрутируют нужное государству количество молодых солдат). Общество, где такое в порядке вещей — закрытое (и даже вполне может называться тоталитарным). Республика Молдова в этом плане — именно такое закрытое общество (наряду с целым рядом других стран, где существует воинская повинность, например, —

Швейцарией, Австрией, Китаем, Южной Кореей, Россией, Эстонией, Литвой и др.). Сегодня в Республике Молдова продолжительность срочной службы составляет 18 месяцев, для граждан мужского пола, достигших 18 лет. Существуют страны (и их большинство), где не существует обязательной воинской повинности (США, Германия, Япония, Индия, Канада и др.), при этом многие из этих стран — развитые страны, *имеющие армию* и имеющие высокий уровень жизни граждан. По конституции Республики Молдова, человек не может и не должен быть принужден другими людьми на несвободу передвижения, на принуждения к деятельности, равноправие и равные возможности всех граждан вне зависимости *от пола* и других признаков (в том числе возраста). Если же гражданин — мужчина, гражданин Республики Молдова 18-ти лет, эти его права перестают действовать? С точки зрения политической философии — нет. Согласно общественному договору между гражданами и правительством, коим является Конституция (первопроходцы такого либерального взгляда на отношения правительства и граждан, как известно, — Локк, Гоббс и Руссо), гражданин добровольно передал *право на насилие* государству, чтобы заняться другими делами, пока оно обеспечивает (в том числе и путем применения того же насилия) его «естественные» права (право на жизнь, на свободу передвижения и т. д.). Если государство решает, что гражданин не способен защитить себя без его содействия в военное или мирное время, то, оно ошибается: решает *не государство*, а гражданин. Гражданин вполне может потребовать вернуть себе право на насилие для защиты своих естественных прав, как-то прописано, например, во второй поправке к конституции США (где закреплено право на ношение оружие и право на вооруженное восстание, в случае если правительство страны грубо нарушит права американцев и Конституцию). Очевидно, что США выступает здесь примером очень открытого общества, в отличие от современной Республики Молдова. Социальный конфликт, который явно представлен воинской обязанностью в Республике Молдова, заключается в существовании граждан, которые *не хотят* быть причастными к военщине и насилию в любом ее проявлении, а главное — не хотят, чтобы другие индивиды *принуждали их делать то, что они не хотят* (не убеждали в честной и открытой дискуссии, а именно принуждали *физическим насилием*). Очевидно, существуют индивиды в Республике Молдова, которым выгодна (не только в материальном смысле) воинская повинность (по своим причинам, финансовая выгода лишь одна из них). Это та самая другая сторона конфликта, которая *принуждает к сотрудничеству*. Аргументы «патриотизма» сегодня уже никого не убеждают: неужто граждане США (Германии, Канады, Японии и еще сотни стран), где не существует воинской повинности, — не патриоты или меньшие патриоты, чем граждане

Республики Молдова? Можно только надеяться, что этот социальный конфликт современной Республики Молдовы будет успешно разрешен в ближайшее время отменой воинской обязанности и созданием контрактной армии. Республика Молдова станет более открытой. Для нас, как философов, не стоит прямая задача дать оценку открытому или закрытому обществу, хотя сегодня в информационном пространстве закрытое общество подвергается явному остракизму (Поппер, хоть и проводил философское исследование, также остро негативно отнесся к существованию даже самой идеи закрытого общества). Мы не можем быть столь категоричны, по следующим причинам. Очевидно, что из нашей идеи о принудительном характере некоторого социального поведения следует то, что индивидам, которые в данный момент имеют девиантное поведение (отличное от общепринятого) *выгодно* стремиться к открытому обществу (где они смогут открыто его проявлять), а индивидам, чье поведение близко к общепринятому, *выгодно сохранить ту модель общества, которая существует в данный момент*. Однако, важнейшим (и главное — логичным) следствием этой идеи является то, что стремление к открытому обществу *выгодно обеим сторонам*. Стремление к закрытому обществу может сделать девиантным поведение даже того индивида, которое в данный момент таковым не является. Также, если в будущем он вдруг, по каким-либо причинам, станет вести себя девиантно, он сможет это делать без ущерба для себя.

Обнаружено, что общее свойство всех рассмотренных моделей (включая модель игрока в ТИ) — произвольное поведение индивида. Однако тестирование этих моделей в условиях гипотетических социальных образований (в рамках современного определения термина «социальное образование») показывает, что это, как кажется, естественное допущение о произволе индивида ведет к не совсем естественным последствиям. А именно к тому, что в некоторых социальных образованиях (обществах, сообществах), состоящих из индивидов с таким поведением (в частности, в современной Республике Молдова) сотрудничество (социальное поведение) носит необходимо принудительный характер.

3.3. Философские категории в свете переосмысления социальных взаимоотношений

Философские категории как предельно общие понятия, выражающие наиболее существенные отношения действительности [139] впервые были введены Аристотелем в «Метафизике» (до него такую попытку введения категорий предпринял только Пифагор в своей таблице противоположностей). Социальная философия имеет общеметодологическим основанием принципы, категории и законы, выработанные всей историей развития философской мысли. Категории социальной философии не отличаются от общеполософских категорий [203] и представляют собой категории случайного и необходимого, единичного и общего, абстрактного и конкретного, субъективного и объективного, возможного и действительного, формы и содержания, качественного и количественного, сущности и явления. Поскольку эти категории позволяют связать любое знание с философией и, наоборот, осуществить переход от неё ко всякой конкретной области знания необходимо рассмотреть их в свете переосмысления социальных взаимоотношений ДЗ, чтобы ясно обозначить эти переходы.

Измененное отношение *случайного и необходимого* отражается в данном диссертационном исследовании в понимании общества как совокупности социально действующих индивидов. Представление об обществе в целом, когда индивиды представляют собой феноменологические модели «игрока» и экономические модели человека, частично феноменологизированные модели социологического человека или социоэкономического человека отличается от представления об обществе, где индивиды представляют собой объективные модели, основанные на статистической гипотезе. В первом представлении общество — это совокупность действующих индивидов, чьи социальные взаимоотношения больше определяются *необходимостью*, чем случайностью («игрок», экономический и социальный человек); во втором представлении общество — совокупность произвольно действующих индивидов, чьи социальные взаимоотношения больше определяются *случайностью*, чем необходимостью (статистическая модель индивида). Общество индивидов — как в холистической методологической традиции (Г. Гегель, К. Маркс, Э. Дюркгейм, Н. Луман и др.), так и в традиции методологического индивидуализма (М. Вебер, К. Поппер, Дж. Уоткинс, А. Данто и др.) — представляет собой социальных индивидов, то есть индивидов с выраженным социальным поведением. Что означает в одном понимании их полное сотрудничество [194; 195], а в другом — их поведение «соотносимое» с поведением других людей и «ориентируемое» на других людей [111]. Без такой социальности общество перестает сохранять свою целостность,

рассыпается на изолированные части или на совокупность не связанных никакой общностью индивидов. Таким образом, первым общим для всех модельных форм индивидов *фундаментальным условием* существования общественной жизни и сохранения ее как единого целого является с одной стороны — сотрудничество индивидов, а с другой — ориентированность их поведения друг на друга. Любое отступление от этого условия превращает общественные взаимоотношения в обстоятельства существования, а индивидов — в их заложников. При этом пропадают основания для изучения общества в целом, меняется предмет и онтологический статус социальных наук. Это фундаментальное условие в свете сотрудничества индивидов реализуется как совместное решение различных задач, совместное преодоление жизненных обстоятельств и трудностей и т.д. То есть, социальность, которая больше направлена «во вне», чем друг на друга. Такое общество в целом для исследователя представляет скорее некий «вид существ» или «человечество» без возникновения вопросов об отношении их личности и общества. Это же условие, реализованное в свете взаимной ориентированности и соотносимости форм индивидуального поведения, порождает интерес исследователя к обществу, где его члены — личности и активно взаимодействуют друг с другом, в том числе и в рамках внешних обстоятельств. Первая трактовка относится к антропологической традиции социальной философии (в том числе к культурологической), а вторая — к логико-психологической (в том числе и чисто социальной). В данной работе акцент сместился на понимание общества в целом как социальных индивидов, чье поведение ориентированно *друг на друга*. Первое фундаментальное условие здесь и выполняется в рассмотрении общества как совокупности произвольно действующих индивидов, чьи социальные взаимоотношения больше определяются случайностью, чем необходимостью (статистическая модель индивида). В отличие от понимания общества в целом, как совокупности действующих индивидов, чьи социальные взаимоотношения больше определяются необходимостью, чем случайностью («игрок», экономический и социальный человек). Это различие обусловлено тем, что свободный образ действия индивидов в статистической модели рассматривается как то же, что и случайный образ действий индивида. В то время как в феноменологических моделях действия индивида не свободны и привязаны к необходимости действовать в соответствии с субъективными свойствами (в основном в соответствии с рациональностью). Переосмысление социальных отношений ДЗ в свете категорий случайного и необходимого заключается тогда в методологическом переходе от детерминистского характера логических моделей индивида и общества к недетерминистскому (построенному на

статистическом анализе случайностей) характеру вероятностно-статистических моделей индивида и общества.

Отношение *единичного к общему* в представленной работе отразилось в методологическом восхождении от единичного *конкретного* социального взаимодействия (социальных взаимоотношений) к общему *абстрактному* представлению о социальной реальности. Единичное социальное взаимодействие — это социальное взаимодействие формы дилеммы заключенного, которое составляет часть общих социальных отношений, чьи итоги формируют социальную реальность. Такая социальная реальность, представляющая собой итог различных социальных взаимодействий [13], помогает методически и системно выявлять качественное своеобразие общества, его цели, генезис и развитие, судьбы и перспективы, являющиеся предметом изучения социальной философии в целом. Поскольку философское знание об обществе — это знание наиболее общего порядка, всякое рассмотрение конкретных вещей или явлений должно сопровождаться максимально возможным обобщением выводов («категориальным обобщением» по Аристотелю [100]) такого рассмотрения. В социальной философии наиболее общим понятием и одной из основных категорий, выступает общество в целом. В представленной работе таким категориальным обобщением стал переход от конкретных примеров ДЗ, встречающихся в общественной жизни, от результатов проведенных ДЗ-экспериментов, к построению абстрактной структуры социальных отношений, которая с помощью категорий теоретической социологии и пограничных с нею научных дисциплин (в том числе математической теории игр и социальной психологии) и категорий социальной философии, помогает получить такое философское знание об обществе в целом. Переосмысление социальных отношений ДЗ в свете категорий единичного и общего заключается здесь в реализации подхода методологического индивидуализма — общество есть только сумма действующих индивидов. Только те черты, что присущи каждому индивиду по отдельности имеют значение для исследователя и не существует черт, которые присущи обществу «в целом», не зависимо от его «атомов» — индивидов.

Одной из наиболее важных составляющих представленного диссертационного исследования является переход от *субъективных* черт индивида в феноменологических моделях теории игр, экономического и социального человека к *объективным* чертам социоэкономического (философского) человека и модели человека, основанной на статистической гипотезе. Этот переход является частью научной новизны работы и основой отношения в исследовании *субъективного и объективного*. Субъективное понятие рациональности (философской целесообразности) индивида замещается в работе

объективным понятием рационального поведения. При этом индивид не является заложником этой методологической установки: он может вести себя как рационально, так и иррационально. Этот путь помогает получить представление не только о частностях социальной жизни (конкретные выводы из ДЗ-социальных взаимодействий), но и позволяет выявлять мировоззренческие и методологические принципы жизни и развития человеческого общества, способствуя индуктивному категориальному переходу от эмпирических частных к общему социально-философскому теоретизированию. Отвлечение от субъективных черт индивида, таких как его интерес, желания и внутренние потребности, способствуют переосмыслению проблемы отношения личности и общества. В объективном свете, без учета субъективных качеств действующего социально индивида эта проблема предстает, тогда как поставленная, прежде всего, в общем плане, т.е. независимо от конкретных типов общественной организации. Тем самым выявляются общие принципы социального взаимодействия как макро, так и микроуровня, что плодотворно сказывается на изучении (и переосмыслении) социальных взаимоотношений в целом. В рамках указанного перехода от субъективного понимания социальных взаимоотношений к пониманию объективному, переосмысливается методология научного познания общественной жизни в том плане, что обобщается опыт общественных наук. В первую очередь это происходит потому, что задействуется необходимый в сегодняшних исследованиях прием мысленного упрощения. Это способствует конструированию идеальной модели не только индивида, но и модели социальных взаимоотношений в целом (в представленной работе — модели социальных взаимоотношений формы дилеммы заключенного). Все это способствует переосмыслению социальной реальности в целом: исходя из объективной методологической установки в конструировании идеальной модели индивида, совершается переход к объективации социальных отношений, а через них и переход к объективации социальной реальности (все это — в рамках твердой установки методологического индивидуализма).

Отношение в работе категорий *возможного и действительного* наглядно можно проиллюстрировать примером из политической действительности недалекого прошлого (самый конец 20-го столетия). В этом смысле актуальным является следующий пример, который почерпнут нами без изменений из [160]. «Румынам нужно было выйти на улицу, чтобы свергнуть Чаушеску. Однако, поскольку реакционные силы режима представляли серьезную угрозу (достаточно вспомнить о «Секуритате»), наилучшим решением была бы ситуация, при которой я сам прячусь в подвале, в то время как остальные люди выходят на улицы с выражением массового протеста». (Далее Мидтбё, автор данного примера,

конкретизирует этот случай в виде структуры ДЗ, где одной стороной выступает некий индивид, участник революции («Я»), а другой стороной выступают остальные («Остальные») участники революции.)

(1) Я — не сотрудничаю, остальные — сотрудничают: для меня наилучшей альтернативой было бы, если бы все остальные приняли участие в революции (потому что демократия предпочтительнее коммунизма), в то время как я стал бы единственным исключением (допуская, что я предпочитаю жизнь смерти).

(2) Обе стороны сотрудничают: Альтернативой похуже было бы, если бы все мы — включая меня — объединились для свержения всем нам ненавистного режима, несмотря на связанный с нашими действиями риск.

(3) Никто не сотрудничает: ещё хуже было бы, если бы мы сохранили диктаторский режим — слабым утешением при таком решении служит то, что я тоже остался бы в живых (хотя жил бы в заметно худших условиях).

(4) Я — сотрудничаю, остальные — не сотрудничают: наихудшей альтернативой является та, при которой только я (возможно, лишь с несколькими другими) выхожу на улицу с выражением решительного протеста, в то время как все остальное население продолжает хранить молчание. В этом случае у властей не было бы проблем как с моим уничтожением, так и с подавлением мятежа.

Представляет категорию действительного вывод, основанный на инструментах ТИ: обеим сторонам — мне и остальным — выгодно не сотрудничать. Соответственно, оставить все как есть, и жить по-прежнему в диктатуре. Общим делает этот вывод то, что, в сущности, его можно отнести и к другим революциям (состоявшимся или нет). Или вообще к любым социально-политическим переменам в любой стране. Вопрос тогда: почему же революция все же произошла? Мидтбё (из работы которого и почерпнут данный пример) только ставит этот вопрос предоставляя другим исследователям возможность самим попытаться ответить на него. «Столкнулись ли румыны в действительности с ДЗ? Оказались ли они лицом к лицу с другой коллективной дилеммой? Или же нам следует выйти за пределы парадигмы теории игр, чтобы объяснить этот феномен?» [160, с. 205]. Ответ будет тем же: там, где дело касается прогнозов конкретного социального взаимодействия (социальных взаимоотношений), инструменты ТИ не работают. Таким образом, категория возможного в социальных отношениях формы ДЗ явно превалирует над категорией действительного и этот пример является одним из подтверждений этого. Если использовать статистическую модель, можно говорить, что революция могла бы и не произойти в половине случаев. Интересно, в подтверждение этого тезиса, отметить то, что

антикоммунистические перевороты 1989 года в европейских странах в половине случаев протекали мирно — в Польше, Венгрии и в определенной степени Болгарии (здесь, все же, были митинги). И в половине случаев — это действительно были перевороты: в Чехословакии, ГДР и Румынии (подробнее: см., например [169]). (Под «переворотом» здесь следует понимать смену власти в государстве, осуществляемую обязательно с нарушением действующих на данный момент конституционных и правовых норм [153].) А если учитывать, что перевороты произошли далеко не во всех странах социалистического блока (включая и республики СССР, в том числе и МССР), то этот вывод выглядит вполне правдоподобно. Действительность, по Аристотелю, — это реализованная возможность. Если действия — это реализация возможностей, то теоретическое познание — их выявление. По меньшей мере, такое понимание теоретического познания встречается у Декарта и Канта. Фундаментальный вопрос исследования сводится к сравнению имеющихся теоретических построений в свете того, насколько точно та или иная теория может спрогнозировать каким образом возможности развития социального взаимодействия ДЗ станут действительностью, то есть реализуются в социальном взаимоотношении и сформируют социальную реальность. Действительность можно понимать не только как реализованную возможность. Иногда действительность — источник возможностей. В философии материализма, действительность — объективная реальность (реальность, состоящая из сущностей, поддающихся наблюдению). В таком смысле в начальной части данной работы представлены эксперименты и наблюдения, проводимые и накопленные в рамках современных социальных исследований. Задача исследователя на базе имеющегося эмпирического материала построить теорию, которая представляла бы имеющийся материал (то есть, действительность) в рамках минимального набора законов, а также указывала на потенциальную возможность развития действительности. В работе эта методологическая процедура категориального перехода от действительного к возможному представлена в виде индуктивного восхождения от конкретного (местами — единичного) социального взаимодействия, трактуемого как ДЗ, к общему представлению социальной реальности — *возможному* итогу таких социальных отношений. Феноменологический подход современных социальных исследований ДЗ не сосредоточен на прогнозировании итогов социальных взаимоотношений. Такой феноменологический подход не является единственно возможным способом исследования ДЗ, просто полученные результаты вполне удовлетворяют тем целям и задачам, которые ставят себе здесь исследователи и этот подход пересмотру не подвергается. В рамках прогнозирования возможной социальной реальности эти подходы подвергаются пересмотру в данной работе как вопрос о

соотношении *возможного и будущего*. Отсюда, переосмысленная социальная реальность представляет собой в этом смысле «возможный мир» (говоря языком Лейбница) или, другими словами — возможное общество.

Проблема отношений *личности и общества* — один из важнейших вопросов социальной философии — также может быть описан в виде структуры, которая формально представляет собой дилемму заключенного. Эта возможность открывает чисто научные перспективы (помимо философских) для социально-философских исследований, поскольку привносится количественная составляющая в методологию этих исследований, позволяющая делать вывод о *качественной* стороне общественной жизни. Момент, без которого, согласно позитивистскому направлению в философии, теряется смысл любого философского исследования. Вообще, если говорить об отношении *качественного и количественного* в представленной работе нельзя не коснуться *прагматического* аспекта диссертационного исследования. Обсуждение того, насколько важно для социальной философии то, что ее результаты имеют (или не имеют) практического значения не входит в круг задач представленной работы (в основном потому, что этот вопрос касающейся любого вида философствования, а не только социальной философии, является сегодня остро дискуссионным и его обсуждение, чтобы быть сколь-нибудь полным, должно служить отдельным предметом диссертационного исследования). Скажем, однако, что мы разделяем позицию о том, что критерием истинности философских утверждений служит формальная логика (точно так же, как и в математике), а не практика и не эксперимент. В свете философского переосмысления, логико-прагматический аспект ДЗ в общем должен быть прояснен по следующим причинам. Во-первых, ДЗ изначально задумывалась (как и любая другая модель конфликтной ситуации в теории игр) как инструмент управления действительностью, в том смысле, что на ее базе конкретные участники тех или иных социальных взаимоотношений должны принимать обоснованные (и главное — эффективные) решения. Во-вторых, ДЗ представляет собой логический парадокс, который, как и любой другой логический парадокс ставит под сомнения логические принципы, а значит подрывает основания всякой науки. И если действительно такой парадокс может наблюдаться в действительности (а не только в теории или в экспериментальных постановках), то принципы логики, приводящие к такому парадоксу, должны быть пересмотрены. Не вызывает сомнений наличие дилеммы заключенных (или даже парадокса) в теории, равно как не вызывает сомнений и возможность организовать эксперименты таким образом, чтобы эта дилемма проявилась в такой экспериментальной действительности. Можно допустить, что в действительности могут быть обнаружены

ситуации в рамках социальных взаимоотношений, которые могут быть описаны как ДЗ. Можно даже допустить, что существуют ситуации в действительности, которые могут быть описаны только как ДЗ. Возникает вопрос: есть ли практическая польза от описания таких ситуаций в виде ДЗ? Можно ли понять, как действовать в ситуации ДЗ и действовать на основании этого понимания? С одной стороны такое понимание должно приходить из использования теоретико-игрового анализа, в то время как с другой — со стороны предложенного в данной работе анализа основанного на статистической гипотезе о произвольно действующим индивиде. Естественным будет, в данном случае для ответа на эти вопросы взять конкретную ситуацию, которая, как считается, представляет собой ДЗ и рассмотреть ее в свете этих вопросов. Самым ярким примером реальной ДЗ считается [160] гонка вооружений. Две противоборствующие стороны П1 и П2 определяют политику в области вооружений. Каждая из сторон может независимо от другой стороны выбрать одну из двух стратегий:

А: отказаться от сотрудничества, то есть вооружиться перед возможным военным конфликтом.

Б: сотрудничать, то есть разоружаться или наложить ограничение на некоторые виды оружия.

Существуют четыре возможных решения: (А, А), (Б, Б), (Б, А) и (А, Б). Первая координата в каждой паре — стратегия П1, вторая — стратегия П2. Возможные исходы можно представить таблицей (фиг. 15):

Фиг. 15

		Сторона П2	
		Вариант А	Вариант Б
Сторона П1	Вариант А	(А, А) Гонка вооружений	(А, Б) Вооружается только П1
	Вариант Б	(Б, А) Вооружается только П2	(Б, Б) Контроль вооружений или

Пересечением возможных стратегий можно присвоить числовые значения, учитывая, что для каждой стороны они будут отличаться и в каждой ячейке будет два числа: одно означает выгоду П1, второе — выгоду П2. Получим следующую матрицу (фиг. 16):

Фиг. 16

		Сторона П2	
		Вариант А	Вариант Б
Сторона П1	Вариант А	(2, 2)	(5, 0)
	Вариант Б	(0, 5)	(4, 4)

Дилемма очевидна. Что нужно делать П1? Для любого из вариантов, доступных П2, для П1 будет выгоднее вооружаться. Если П2 выберет вариант А, П1 выиграет 2 в случае вооружения и 0 в противном случае. Если П2 выберет вариант Б, П1 выиграет 5, если будет вооружаться, и 4 в противном случае. Так как матрица симметричная, для П2 актуальны аналогичные рассуждения. Для любой из двух стратегий П1 наибольший выигрыш П2 принесет выбор в пользу вооружения. Решение (А, А), когда обе стороны вооружаются, приносит каждой стороне выигрыш 2. Однако для каждой стороны будет лучше, если противник будет разоружаться (выигрыш возрастет). Помимо этого, наибольший совокупный выигрыш достигается тогда, когда разоружаются обе стороны. Следовательно, если оппоненты отказываются от сотрудничества наилучший совокупный результат (4, 4) невозможен. Но если одна из сторон решит сотрудничать, при этом, не зная о действиях другой стороны и не имея способа предсказать их, она подвергнется большому риску: если оппонент не будет сотрудничать, выигрыш окажется наименьшим. (Пример почерпнут нами из [129]). Как указывает Мидтбё, момент гонки вооружений с ДЗ-структурой отражен, в частности, в ситуации с соглашением о разоружении между СССР и США. «И для США, и для СССР было лучше придерживаться соглашения, чем нарушить его. Однако, с точки зрения одной из сторон, наилучшей была бы такая ситуация, при которой сама она нарушает соглашение, в то время как другая сторона продолжает соблюдать его, тем самым создавая возможность для получения решающего военного превосходства» [160, с. 204]. Допустим, что мы действительно имеем здесь ситуацию, которая полностью укладывается в ДЗ. Допустим, также, что мы выступаем в роли стратега, который должен принять дальнейшее решение о том, отказаться ли от сотрудничества, то есть вооружиться перед возможным военным конфликтом, или сотрудничать, то есть разоружаться или наложить ограничение на некоторые виды оружия. Как ДЗ может помочь принять нам, стратегам, решение? Да, в сущности, — никак. По всей видимости, потому, помимо прочего, что не совсем ясны количественно последствия постоянного вооружения нашей стороны. Гораздо

наглядней эта ситуация отражала бы выбор сторон, если бы катастрофичность последствий была бы очевидна. Например, если бы две противоборствующие стороны стояли перед выбором нажать или не нажать кнопку, запускающие на страну противника ракеты с ядерными боеголовками. Но можно ли описать такую ситуацию в виде ДЗ? Как оказывается, нет. Действительно, если мы примем такую крайность, что нажатие красной кнопки уничтожает противника, а у противника есть такая же красная кнопка, нажатие которой уничтожает нас, то не представляются возможными промежуточные варианты. Пусть, скажем, нам, равно как и противнику, дается 1 час на принятие решения о нажатии или не нажатии такой кнопки. Причем, допустим, что механизмы срабатывают ровно по истечении часа. То есть, если нажали на кнопку обе стороны — ракеты уничтожат обе стороны по прошествии часа. Если не нажал никто — обе страны останутся целы. В такой ситуации, очевидно, нет совершенно никакой разницы, нажмет или не нажмет кнопку та или иная сторона — для противоположной стороны нет возможности повлиять на ее выбор. Другое дело, если уничтожение противника гарантирует то, что он не сможет больше уничтожить нашу сторону. То есть, если мы нажмем кнопку раньше противника, то не будем уничтожены. Допустим, также, что нажать кнопку мы можем до определенного момента времени, после которого у нас (равно как и у противника) такой возможности больше не будет. Естественно, если ни одна из сторон не нажмет кнопку, то останутся целы обе стороны. Даже такая ситуация не является ДЗ. Она называется «Цыпленок» или «Ястребы и голуби» [86]. Вообще говоря, эта невозможность представить в ДЗ крайние степени выплат сама по себе вызывает некоторое недоумение и приводит к спекуляциям, что не является характерным для математических моделей (если вообще такие модели можно назвать математическими: не можем же мы называть математической моделью то, что просто содержит числовые величины?). Переосмысление социальных взаимоотношений в прагматическом свете представлено, таким образом, выводом, что ДЗ не очень помогает решить конфликты типа гонки вооружений. Она помогает описать их в виде (якобы) математической модели, из которой, как ни странно, никакого явно недвусмысленного решения не следует. Опять же, отметим, что одно из основных предположений работы заключается в том, что в ДЗ присутствует социальный фактор — произвол индивида, который, собственно, и порождает социальный конфликт.

Эти примеры подводят рассуждение к вопросу об отношении *формы и содержания* как социально-философских категорий в представленном диссертационном исследовании. Насколько важным является для социальной философии эмпирическое содержание ее теорий? Социальная философия *не* тождественна социологии, которая является

эмпирической наукой, исследующей общественную жизнь в разных ее аспектах, используя всевозможные конкретные методы и частные методики для анализа конкретных событий общественной жизни и их обобщения. Такое эмпирически конкретное наполнение социологии позволяет говорить, что здесь уделяется большее внимание содержанию теорий, чем их форме. Социальная философия хоть и опирается на социологические исследования, но при этом осуществляет свои чисто *философские* обобщения. То есть, стремится к оформлению эмпирического содержания в философскую (максимально обобщенную) форму. Это важнейшее отличие двух наук в рамках изучения социальных взаимоотношений структуры дилеммы заключенного проявляется в том, что из количественного наполнения ее в работе делается переход к качественному ее *содержанию*, которое позволяет говорить именно о *форме* социальных отношений вида ДЗ. Формально дилемма заключенного — вид социального взаимодействия, которое в свою очередь есть совокупность взаимно направленных социальных действий двух участников экспериментов ДЗ или двух участников общественной жизни. Сумма такого рода социальных взаимодействий формирует социальные взаимоотношения вида ДЗ, которые в свою очередь порождают социальную реальность, которая, таким образом, является формой наиболее общего порядка. В рамках такого формально-содержательного перехода от конкретных примеров ДЗ к общим формам социальной реальности переосмысливается общая методология научного познания общественной жизни, обобщается опыт общественных наук (в том числе прием мысленного упрощения и конструирования идеальной модели). Рассмотрение и переосмысление социальных отношений ДЗ не является попыткой только лишь обозреть общественную жизнь в целом, но также является попыткой обнаружить смысл существования общественных институтов как форм общественных отношений и смысл существования общества как такового. Социальные взаимоотношения формы ДЗ как единичное проявление форм социальной реальности, позволяет получить общие представления как о социуме, так и об индивидууме. Индивид в работе является важнейшей частью социальной реальности и именно от содержательного наполнения представленной модели индивида напрямую зависят итоги социального взаимодействия ДЗ, то есть — форма социальной реальности, как совокупности ДЗ-взаимодействий отдельно взятых индивидов.

Важной составляющей представленного диссертационного исследования является методологическое соотношение *качественного и количественного*. Если первая категория («качественное») является неотделимой частью философской методологии в целом и социально-философской методологии в частности — для наиболее общей из наук долгое

время были характерны только качественные выводы, — то вторая категория («количественное») является неотъемлемой частью методологических подходов аналитической философской традиции (исторически берущей начало во второй волне позитивизма — эмпириокритицизме). Более того, философы-аналитики считают *бессмысленными* качественные суждения континентальной философской традиции в том случае, когда те же самые суждения могут в принципе быть выражены количественным образом (понимая под «бессмысленными суждениями» такие суждения, которые не выражают никакой мысли [143]). Поскольку предмет изучения представленной работы социальные отношения формы ДЗ, которые могут быть описаны не только качественно, но и в не малой степени количественно, в работе ставился ряд задач по обязательной выработке количественных выводов о предмете исследования. Как выяснилось, количественный анализ ДЗ как вида социального взаимодействия, даже в рамках критериев принятия решений (приложение 2), показал недостаточность некоторых оснований теоретических моделей для полноценного прогнозирования социальных взаимоотношений формы ДЗ. Это означает, что пока рано говорить о сколь-нибудь успешном количественном прогнозировании таких социальных отношений на базе имеющегося на сегодняшний день социально-философского инструментария, что ясно показано в ходе обсуждения контрольного эксперимента, предложенного в данном исследовании. Выходом из сложившейся ситуации, который предлагает данное исследование, является вероятностно-статистический подход, который объединяет в себе качественно-количественные инструменты социально-философского исследования. Это означает в первую очередь теоретическое представление вероятностно-статистической модели человека (индивида), которая бы верно отражала не только теоретико-гипотетические ситуации социальных взаимоотношений, но, и чтобы следствия из нее соответствовали данным, полученным в ходе реальных экспериментов и наблюдений. Такой моделью в работе служит разработанная теоретическая модель индивида, основанная на статистической гипотезе. Именно статистическая гипотеза, отражающая закон больших чисел, и представляет в исследовании философскую категорию количественного. Получающаяся на ее основе социальная реальность — качественная составляющая работы (социальные взаимоотношения ДЗ — часть такой социальной реальности). Этот момент и является переосмыслением социальных взаимоотношений формы дилеммы заключенного в свете категорий качественного и количественного.

Категориальное противопоставление в работе *сущностей и явлений* представляет собой попперовское избегание эссенциалистских (или метафизических) каузальных

объяснений, от которых, по Попперу, обязательно следует избавляться [178, с. 287]. (Под такими «эссенциалистскими» объяснениями здесь следует понимать объяснения, опирающиеся «на природу вещей» [178, с. 135] на их сущность, а не на явления.) В то же время, в работе присутствует ярко выраженное стремление к трактовке любых социальных актов в объективном ключе *явлений* действительности, а не метафизических *сущностей*. Хотя долгое время считалось (по большому счету до конца 19-го века: до начинающегося расцвета философии позитивизма), что философское познание (в том числе и социально-философское) есть чистая метафизика, сегодня большинство авторов в своих работах все-таки избегают метафизики и остаются в рамках верифицируемых рассуждений. Переосмысление социальных отношений ДЗ в свете категорий сущности и явления заключается тогда в переходе от метафизического понимания любого социального взаимодействия как сущностного тела социальной реальности, к (а) наблюдениям конкретных отдельных вещей (в данной работе индивидов и их действий); (б) законам природы, которые являются либо наблюдениями регулярностей, либо доказаны опытами, либо открыты благодаря старательному наблюдению явлений (в данной работе законы логики и вероятностно-статистические закономерности); (в) математическим гипотезам, которые не опираются на наблюдение, но следствия которых согласуются с явлениями (в данной работе модели игроков из теории игр и, собственно, сама дилемма заключенного).

Окончательным заключением представленной диссертации служит сформулированная на основе всего исследования следующая социально-философская методологическая установка. *Социальные взаимоотношения, где, как считается, индивиды действуют только исходя из своих стремлений, предпочтений, желаний, рациональности (без внешнего принуждения, например, как в ДЗ-экспериментах), следует рассматривать так, как будто индивиды действуют случайным образом. При таком подходе исследователи вправе ожидать, что итоги исследуемых социальных взаимоотношений будут гораздо точнее отражать теоретические результаты, чем при использовании подходов ТИ, теории принятия решений или социологических подходов (моделей человека). Это позволяет:*

- 1) получать представление не только о частностях, но и об обществе в целом;
- 2) точнее определять фундаментальные условия существования общественной жизни и сохранения ее как единого целого.

3.4. Выводы

1. Определенные методологические допущения в свойствах участников социального взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного образуют модели индивида (участника ДЗ), которые носят название «экономический человек» и «социологический человек». Синтез этих двух моделей — «социоэкономический человек» («философский человек») — имеет свойства, которые отличны от тех, что входят в модель игрока в ТИ. В частности, экономическая рациональность участников в модели социоэкономического человека заменена способностью участников действовать как рационально, так и иррационально. Тем не менее, результаты прогнозирования исходов социальных отношений у этой модели не хуже, чем результаты прогнозирования социальных отношений на основе моделей ТИ. Таким образом, использование модели философского человека наравне с моделями ТИ как инструмента для прогнозирования исходов социальных взаимоотношений со структурой ДЗ вполне оправдано.

2. Обнаружено, что общее свойство всех рассмотренных моделей (включая модель игрока в ТИ) — произвольное поведение индивида. Однако тестирование этих моделей в условиях гипотетических социальных образований (в рамках современного определения термина «социальное образование») показывает, что это, как кажется, естественное допущение о произволе индивида ведет к не совсем естественным последствиям. А именно к тому, что в некоторых социальных образованиях (обществах, сообществах), состоящих из индивидов с таким поведением (в частности, в современной Республике Молдова) сотрудничество (социальное поведение) носит необходимо принудительный характер.

3. Определена суть статистической гипотезы при прогнозировании социальных взаимоотношений, которая состоит в том, что исследователь отказывается узнать, чем точно обусловлен тот или иной выбор конкретного индивида, участвующего в эксперименте ДЗ, а вместо этого предполагает, если нет никакой другой дополнительной информации, что любой выбор индивида равновероятен. Если придерживаться ее при формировании модели участника ДЗ получается модель индивида, которая дает прогнозы об исходах социальных отношений со структурой ДЗ, которые совпадают с известными экспериментальными данными. Что, таким образом, делает модели, основанные на статистической гипотезе более адекватным инструментом для этих целей, чем существующие модели. Исходя из этого обстоятельства и проходит переосмысление социально-философских категорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В данном диссертационном исследовании было реализовано философское осмысление с позиций методологического индивидуализма особенностей конкретного вида социальных отношений «дилемма заключенного», что позволило переосмыслить философскую специфику социальных взаимоотношений вообще.

Основная решенная в исследовании научная задача состоит в уточнении эпистемологических основ социальных отношений путем философского анализа дилеммы заключенного, что обеспечивает релевантную методологию прогнозирования итогов социальных отношений в контексте выявления универсальных законов становления, функционирования и развития социума.

На основании проведенного исследования, учитывая глобальную атмосферу перехода от информационного общества к обществу знания, где концепция общества знания — это концепция общества научного знания, а также отталкиваясь от общей направленности социальных исследований (движущихся от чисто логических теорий индустриально-информационного общества к вероятностно-статистическому характеру теоретических построений общества знаний), касательно предмета исследования были сформулированы следующие **выводы и обобщения**:

1. Общее рассмотрение и оценка исследований в сфере прогнозирования социальных отношений, в основном, в рамках континентальной философской традиции, выявило их субстанциальную негибкость к данным и результатам, полученным в ходе современных социальных исследований, начатых в последней трети 20-го столетия. Методологические инструменты континентальной социальной философии оказываются в высокой мере не приспособлены к работе с данными, полученным в исследованиях философов-аналитиков и в социальных исследованиях, основанных на методологических инструментах теории игр. Исходя из этого, выявлена необходимость систематического переосмысления социальных взаимоотношений в том числе и на основе философской аналитики методологического индивидуализма с привлечением моделей с четко определенными свойствами (в частности, дилеммы заключенного) [52; 55; 59; 60];

2. Основа используемых в современных моделях методологических допущений в аспектах прогнозирования итогов социальных взаимоотношений, сводится к разработке различными областями науки инструментов для принятия сколь-нибудь обоснованного решения конкретным участником в конфликтной ситуации (в частности — в социальных экспериментах со структурой дилеммы заключенного). В работе было показано, что прогнозы на основе этих допущений не соответствуют данным реальных социальных

экспериментов со структурой дилеммы заключенного, что является поводом для пересмотра их методологической базы, в том числе, и с привлечением концепции общества знания [57; 58; 59; 61];

3. Современные теоретические модели социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного в большинстве основаны на модели игрока из теории игр или на моделях экономического и социального человека, которые содержат субъективные характеристики, в частности допущение о постоянном рациональном поведении индивидов или концепцию об их информированности. Данное обстоятельство, помимо того, что противоречит принципам объективного исследования, становится вероятным обоснованием невысокой предсказательной способности данных моделей в вопросах прогнозирования социальных экспериментов со структурой дилеммы заключенного. Таким образом, заменой этих субъективных характеристик объективными (наблюдаемыми) характеристиками, вырисовались модели индивида с более высокой предсказательной способностью в вопросах прогнозирования социальных отношений [56; 57; 58; 59; 60];

4. Специфика современных методологических подходов в вопросах изучения социального взаимоотношений представляет собой с одной стороны признание теоретических моделей (включая модели теории игр, модели человека), с другой стороны использование рассуждений, носящих нематематический (нелогический) характер (в частности, рассуждения так называемого «философского дискурса» [56]). Точно также, оба этих методологических направления не удовлетворяют в полной мере актуальным требованиям прогнозирования социальных взаимоотношений, если считать одним из таких требований возможность прогнозирования результатов социальных экспериментов с вероятностью больше пятидесяти процентов [55; 57; 59; 60; 61].

5. Обозначение модели социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного логико-философским подходом, подкреплённое вероятностно-статистическими методами, в отличие от существующих методов, увеличивает достоверность прогнозов, поскольку в большей степени отражают реальные результаты социальных экспериментов. Следовательно, возникает уверенность, что принципы, лежащие в основе их формирования, в достаточной степени отражают современную социальную действительность [52; 53; 54; 59; 60].

Исходя из вышеперечисленных выводов, можно заключить, что преимущества полученных в работе методологических наработок сводятся к количественно более точным прогнозам итогов социального взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного в сравнении с существующими методологическими инструментами, рассмотренными в

работе. Влияние достигнутых результатов на развитие социально-философских исследований выражается, прежде всего, укреплением позиции логико-аналитического подхода (куда мы включаем и вероятностно-статистические методы) в вопросах разработки анализа социальных взаимоотношений и его итогов (социальной реальности). В соответствие с вышеизложенными выводами предлагаем следующие **рекомендации**:

1. Исследования, предпринятые в представленной работе, подразумевают дальнейшее развитие концепции общества научного знания, что будет способствовать расширению и углублению общего философского и социологического методологического инструментария.

2. Представленный в работе проблемный подход предлагает методологию в прогнозировании итогов конкретных социальных взаимоотношений, например таких как: «обмен закрытыми сумками» («Closed-bag exchange»), «Friend or Foe», «Game of chicken» или «Iterated snowdrift».

3. Выявленные в работе методы качественно-количественного прогнозирования итогов социального взаимодействия вскрыли необходимость их дальнейшей конкретизации, систематизации и категоризации.

4. Необходимо дальнейшее изучение выявленных в работе факторов, оказывающих влияние на итоги социальных взаимоотношений со структурой дилеммы заключенного, с целью их уточнения и дополнения, что поможет, в конечном итоге, сформулировать окончательные выводы касательно парадоксального характера дилеммы заключенного.

5. Классификация и систематизация рассмотренных в работе примеров конкретного применения вероятностно-статистического подхода к социальным взаимоотношениям со структурой дилеммы заключенного будет способствовать категоризации социальных взаимоотношений вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ainslie G. Breakdown of will. New York: Cambridge University Press, 2001. 258 p.
2. Audi R. The Cambridge Dictionary of Philosophy. 2nd Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 1039 p.
4. Axelrod R. The Complexity of Cooperation. Princeton: Princeton University Press, 1997. 211 p.
5. Axelrod R. The Evolution of Cooperation. New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1984. 241 p.
6. Barnard C. The Functions of the Executive. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1938. 334 p.
7. Becker G. A Theory of Social Interactions. In: Journal of Political Economy, November-December 1974, v.82, p. 1063–1093.
8. Bell D. The measurement of Knowledge and Technology. In: Indicators of Social Change: Concepts and Measurements. New-York: Russel Sage Foundation, 1968. 332 p.
9. Blum R. Die Zukunft des Homo oeconomicus. Das Menschenbild der ukonomischen Theorie. Hrsg. von B. Biervert, M. Held. Frankfurt a. M.; New York, 1991. 345 p.
10. Bobâna Gh. Aspecte etico-valorice ale raportului știință-societate. În: Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice, 2010, nr. 1, p. 9-14.
11. Bobâna Gh. Fenomenul războiului și conștiința socială. În: Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice, 2007, nr. 2, p. 153-158.
12. Bobâna Gh. Orientări eticovalorice în știința contemporană. În: Revista de Știință, Inovare, Cultura și Artă “Akademos”, 2011, nr. 4, p. 26-31.
13. Bockting I. Character and Personality in the Novels of William Faulkner: A Study in Psychostylistics. Maryland: University Press of America, 1995. 311 p.
14. Camerer C. Behavioral Game Theory: Experiments in Strategic Interaction. Princeton: Princeton University Press, 2011. 544 p.
15. Capcelea V. Etica în fața provocărilor societății post-moderne. Bălți: Indigou Color, 2016. 142 p.
16. Capcelea V. Tranziția moldovenească: fazele, elementele structurale, dimensiunile, paradoxurile, eșecurile și avatarurile ei. Chișinău: Arc, 2012. 192 p.
17. Căldare D. Un nou studiu despre intelectul social. În: Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice, 2008, nr. 2, p. 159-161.
18. Coandă S. Antropologia socioculturală și locul ei în sistemul științelor socioumanistice. În: Studia Universitatis (Seria Științele Umanistice), 2011, nr. 10, p. 114-124.

19. Cooper R., Dejong D., Forsythe R. Cooperation without Reputation: Experimental Evidence from Prisoner's Dilemma Games. In: Games and economic behavior, 1996, №12. P. 187–218.
20. Cournot A. Principes de la théorie des richesses. Paris: L. Hachette, 1863. 527 p.
21. Dahrendorf R. Homo sociologicus: Ein Versuch zur Geschichte, In: Bedeutung und Kritik der Kategorie der sozialen Rolle, Aufl. Opladen, 1973, №12, p. 67-91.
22. Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford: University Press, 2006. 385 p.
23. Descentralizarea axiologică în societatea bazată pe cunoaștere (Aspecte filosofice), coord. Șt. Ana Pascaru, Institutul de Istorie al Acad. de Științe al Moldovei, Sectorul Filosofie, Chișinău, 2015, 216p.
24. Donninger C. Is It Always Efficient to be Nice? Paradoxical Effects of Social Behavior. Heidelberg: Physica Verlag, 1986. P. 123–134.
25. Drucker P. Post-Capitalist Society. New York: Elsevier Ltd., 1993. 212 p.
26. Drucker P. The Age of Discontinuity, Guidelines to our changing society. New York: Butterworth-Heinemann, 1969. 380 p.
27. Dumitraș T. Filosofia și societatea contemporană – probleme și aspirații. În: Dezvoltarea învățământului filosofic universitar în Republica Moldova: Materialele conferinței naționale. Chișinău: CEP USM, 2008, p. 90-96.
28. Durkheim É. The Rules of Sociological Method. New York: The Free Press, 1982. 270 p.
29. Eatwell J., Milgate M., Newman P. Game Theory. London: Macmillan Press Limited, 1989. 305 p.
30. Ellenberg, J. How Not to be Wrong: The Hidden Maths of Everyday Life. New York: Penguin Books Limited, 2014. 314 p.
31. Flood M. Some Experimental Games. Research Memorandum RM-789, June. P. Santa Monica: RAND Corporation, 1952. 44 p.
32. Gauthier D. Morals by Agreement. Oxford: Clarendon Press. 1986. 378 p.
33. Hardin G. The Tragedy of the Commons. In: Science, New Series, Vol. 162, No. 3859 (Dec. 13, 1968), p. 1243-1248.
34. Hardin R. Collective Action. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982. 264 p.
35. Hart S. Axiology – Theory of Values. Philosophy and Phenomenological Research Vol. 32, No. 1 (Sep., 1971). Providence: Brown University, 1971. P. 29-41.
36. Hartfiel G. Wirtschaftliche und soziale Rationalität: Untersuchungen zum Menschenbild in Ökonomie und Sozialologie. Stuttgart, 1968. 245 p.
37. Hartmann E. von. Grundriss der Axiologie. Bad Sachsa: Hermann Haacke, 1908. 200 p.

38. Heath, J. Methodological Individualism. In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2015 Edition), Edward N. Zalta (ed.)
39. Heath T. A History of Greek Mathematics. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1921. 475 p.
40. Heap S., Varoufakis Y. Game Theory A Critical Introduction. New York: Routledge. 1995. 282 p.
41. Hofstadter D. The Prisoner's Dilemma Computer Tournaments and the Evolution of Cooperation. Metamagical Themas: Questing for the Essence of Mind and Pattern. New York: Basic Books, 1985. 852 p.
42. Holt C., Capra M. Classroom Games: A Prisoner's Dilemma. In: The Journal of Economic Education. 2000. Sep. P. 229–236.
43. Homans G. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York; Burlingame: Harcourt, Brace & World, 1961. 386 p.
44. Juc V. Edificarea relațiilor internaționale postrăzboi rece: aspecte teoretico-metodologice și replieri geostrategice. Chișinău: Sirius, 2011. 248 p.
45. Khadjavi M., Lange A. Prisoners and their dilemma. Journal of Economic Behavior. Aug, 2013. P. 163–175.
46. Kuhn S. Prisoner's Dilemma. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Stanford: Ed. Edward N. Zalta, 2014. 30 p.
47. Lapie P. Logique de la volonté. Paris: F. Alcan. 1902. 400 p.
48. Lindenberg S. An Assessment of the New Political Economy: Its potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular. In: Social theory. Spring 1985. P. 99-113.
49. List J. Friend or Foe? A Natural Experiment of the Prisoner's Dilemma. Review of Economics and Statistics 88, no. 3, 2006. P. 463–471.
50. Matei C. Noi posibilități normative în contextul relațiilor sociale generate de globalizare. În: Cercetări filosofico-psihologice, anul VI, nr. 2, p. 63–79, București, 2014.
51. Matheson C., Dallmann J. Historicist Theories of Scientific Rationality, In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2015 Edition), Edward N. Zalta (ed.).
52. McKenna M., Coates D. Compatibilism. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Stanford: Ed. Edward N. Zalta, 2015. 30 p.
53. Moore G. Principia Ethica. Cambridge: University Press, 1902. 340 p.
54. Myerson R. Game Theory: Analysis of Conflict. Cambridge: Harvard University Press, 1991. 540 p.
55. Nash J. Non-Cooperative Games. In: The Annals of Mathematics, Second Series, Volume 54, Issue 2 (Sep., 1951). P. 286-295.

56. Nicolaides P. Limits to the Expansion of Neoclassical Economics. In: Cambridge Jdurn. Econ. 1988. Vol. 12, N 3. P. 117-135.
57. Neumann J. von, Morgenstern O. Theory of Games and Economic Behavior. Princeton: Princeton University Press, 1944. 708 p.
58. Neumann J. von. Zur Theorie der Gesellschaftsspiele. In: Mathematische Annalen 100 (1928). P. 295-320.
59. Nowak M., Highfield R. Supercooperators: Altruism, Evolution, and Why We Need Each Other to Succeed. New York: Free Press. 2011. 330 p.
60. O'Connor T. Free Will. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Stanford: Ed. Edward N. Zalta, 2010. 30 p.
61. Ojovanu V., Juc V. Recenzie: Descentralizarea axiologică în societatea bazată pe cunoaștere (Aspecte filosofice). În: Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice Nr. 2(168) / 2015. P. 276-277.
62. Pacuit E., Roy O. Epistemic Foundations of Game Theory. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Stanford: Ed. Edward N. Zalta, 2016. 30 p.
63. Pareto V. Manuale di Economia politica con una introduzione alla scienza sociale. Milano, Società editrice libraria, 1906. 234 p.
64. Pascaru A. Corelația civilizațional – cultural în societatea bazată pe cunoaștere. În: Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice Nr. 2(162) / 2013. P. 7-16.
65. Pascaru A., Ojovanu V. Raport și motivare în condiționarea valorilor societale. În: Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice, 2007, nr. 2, p. 14-21.
66. Pascaru A. Preocupări epistemice privind cadrul societății bazate pe cunoaștere. În: Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice, 2014, nr. 2, p. 137-145.
67. Pascaru A. Societatea contemporană între conflict și conciliere: cazul Republicii Moldova. Chișinău: „Tipogr.-Sirius”, 2012. 192 p.
68. Pascaru A. Valorile la confluența spațiilor culturale în societate. În: Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice, 2009, nr. 1, p. 5-15.
69. Peirce C. Philosophical writings. New York: Dover Publications, 1955. 350 p.
70. Poundstone W. Prisoner's dilemma. New-York: Ist Anchor Books ed., 1993. 296 p.
71. Oberholzer-Gee F., Waldfogel J., White M. Social Learning and Coordination in High-Stakes Games: Evidence from Friend or Foe. NBER Working Paper No. W9805, June 2003. 42 p.
72. Rapoport A., Chammah A. Prisoner's dilemma: a study in conflict and cooperation. University of Michigan Press, 1965. 249 p.

73. Rapoport A., Chammah A. Prisoner's Dilemma: A Study in Conflict and Cooperation. Michigan: The University of Michigan Press, 2009. 264 p.
74. Rehmeier J. Game theory suggests current climate negotiations won't avert catastrophe. In: Science News. Society for Science & the Public, 2012, №10. P. 101-121.
75. Roșca A. Noua paradigmă a dezvoltării economice și societatea bazată pe cunoaștere. În: Revista de Știință, Inovare, Cultură și Artă „Akademos” Nr. 1(24) / 2012. P. 28-31.
76. Rub J. „First Samurai is pull”: the threat of trial operation, exploitation potential legal power to achieve goals. În: Revista Națională de Drept, Nr. 4(198), 2017. P. 48-51
77. Saharneau E. Condiția epistemică în științele socioumane moderne. În: Studia Universitatis (Seria Științele Umanistice), 2007, nr. 10, p. 30-32.
78. Schneier B. Liars and Outliers: Enabling the Trust Society Needs to Survive. New York: John Wiley & Sons, 2012. 384 p.
79. Schwarz R. Game Theory, the Prisoner's Dilemma, and the Book of Mormon. Utah: BYU Studies Quarterly, 2013. P 67-112.
80. Silverman K. Edgar A. Poe: Mournful and Never-Ending Remembrance (Paperback ed.). New York: Harper Perennial, 1991. 540 p.
81. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen uber die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Duncker & Humblot, 1908. 804 p.
82. Simon H. A Formal Theory of the Employment Relation. In: Econometrica, July 1951, v.19, p. 293–305.
83. Simon H. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture. In: American Economic Review, May 1978, v.68, no.2. P. 1–16.
84. Sonnad N. This free online encyclopedia has achieved what Wikipedia can only dream of. In: Quartz, 2015. P. 17-26.
85. Stehr N. Knowledge Societies. Fot (Hungary). Опубликовано на сайте: <http://inco.hu/inco3/kozpont/cikk0h.htm> (Последнее посещение 10.09.2018).
86. Sugden R. The Economics of Rights. In: Cooperation and Welfare 2 edition, Palgrave Macmillan, 2005. P. 132-149.
87. Țapoc V. Aspecte ale interacțiunii dintre filosofie și știință. În: Conferința Științifică Integrare prin cercetare și inovare: Rezumate ale comunicărilor: Științe umanistice. Chișinău: CEP USM, 2013, p. 45-47.
88. Țapoc V. Filosofia și știința în interacțiunea lor: tendințe dominante. În: Filosofia în contextul științei contemporane: (Conferința Științifică Internațională 23 octombrie 2009). Chișinău: ASEM, 2010, p. 9-20.

89. Țapoc V. Menirea universitatii în societatea contemporana. În: Studia Universitatis (Seria Științele Umanistice), 2011, nr. 4, p. 5-9.
90. The Work of John Nash in Game Theory, Nobel Seminar, December 8, 1994. Опубликовано на сайте: http://nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/1994/nash-lecture.pdf (Последнее посещение 21.08.2017).
91. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Stanford: Ed. Edward N. Zalta, 2014.
92. Țirdea T., Ursul A. Dezvoltarea socionaturală din perspectiva intelectului global și a învățămîntului noosferic. În: Analele Științifice ale USMF „N. Testemițanu” Nr. 2(12)/2011. P. 381-385.
93. Tucker A. «A Two-Person Dilemma» 1950 mimeo. Stanford: Published under the heading "On Jargon: The Prisoner's Dilemma" UMAP Journal, 1, 1980. 101 p.
94. Van Inwagen P. A Modal Argument for Incompatibilism. The Philosophy of Free Will. Oxford: Oxford University Press, 2013. 178 p.
95. Wald A. Contributions to the theory of statistical estimation and testing hypotheses. In: The Annals of Mathematics, 1939, 10(4). P. 299-326.
96. Zagare F. Game Theory: Concepts and Applications. Sage University Paper Series on Quantitative Applications in the Social Sciences. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1984. P.1 – 96
97. Абушенко В. Аксиометрия. Социология: Энциклопедия. Минск: Книжный Дом, 2003. 896 с.
98. Автономов В. Модель человека в экономической науке. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 1997. 230 с.
99. Агапова И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия. Москва: Юрист, 2002. 189 с.
100. Аристотель. О небе. Сочинения в 4-х тт. Т. 3. Москва: Мысль, 1981. 613 с.
101. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. Москва: Прогресс, 1993. 608 с.
102. Березина Т. Сотрудничество и соперничество во взаимоотношениях студентов (на модели дилеммы заключенного). В: Педагогика и психология образования, 2011, №1. С. 75–81.
103. Блинов А. Синергетика коллективной иррациональности. Философия науки. Вып. 8. Москва: Институт Философии РАН, 2002. С. 37-53.
104. Богоявленский С. Теоретические и практические аспекты принятия решений в условиях неопределенности и риска. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2014. 119 с.

105. Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества. Thesis, 1993. Т. 1. Вып. 3. 130 с. С. 55-58.
106. Бэкон Ф. Новый органон. Антология мировой философии в 4-х тт. Т.2. Москва: Мысль, 1970. 776 с.
107. Вааль де Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов. Москва: Альпина нон-фикшн, 2014. 384 с.
108. Вайзе П. Homo economicus и Homo sociologicus: монстры социальных наук. Thesis, Москва, 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 115-130.
109. Вардомацкий А. Аксиометрия — наука об измерении ценностей. Минск: БГУ, 1992. 326 с.
110. Васильева С. Динамика ценностных смыслов ассоциативного поля «Мир» в региональном языковом сознании сибиряков. Политическая лингвистика №2. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2017. С. 19-26.
111. Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990. 808 с.
112. Вильямс Дж. Д. Совершенный стратег. Москва: Советское радио, 1960. 265 с.
113. Вольтер. Философские сочинения. Москва: Наука, 1988. 751 с.
114. Воробьев Н. Основы теории игр. Бескоалиционные игры. Москва: Наука, 1984. 496 с.
115. Воробьев Н. Теория игр для экономистов-кибернетиков. Москва: Наука, 1985. 272 с.
116. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Москва: Наука, 1964. 376 с.
117. Галиновский С. Оптимальность как комплекс значений атрибутивных системных параметров и их интерпретация на примере политических систем. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. В: Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология», Том 24 (63), 2011, № 1. С. 216-222.
118. Галямина И. Управление процессами. Санкт-Петербург: Питер, 2013. 304 с.
119. Гаспаров М. (Пер., комментарии). Басни Эзопа. Москва: Наука, 1968. 320 с.
120. Генкин Б. Введение в метаэкономику и основания экономических наук: Курс лекций. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2002. 384 с.
121. Гераклит. Фрагменты. Антология мировой философии в 4-х тт. Т 1. Москва: Мысль, 1969. 936 с.

122. Гиппенрейтер Ю. Б. Метод интроспекции и проблема самонаблюдения. Общая психология. Тексты в 3 т. Т. 1. Москва: УМК «Психология», 2004. с. 105-115.
123. Гоббс Т. Левиафан. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. Москва: Мысль, 1991. 731 с.
124. Гольбах П. Здравый смысл, или Идеи естественные противопоставленные идеям сверхъестественным. Москва: Изд. Академии наук СССР, 1956. 112 с.
125. Горфункель А. Томмазо Кампанелла. Москва: Мысль, 1969. 240 с.
126. Грицанов А. Новейший философский словарь. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
127. Громов И., Мзцкевич А., Семенов В. Западная теоретическая социология. Санкт-Петербург: Изд. Ольга, 1996. 286 с.
128. Данилов В. Лекции по теории игр. Москва: Российская Экономическая Школа, 2002. 140 с.
129. Деулофеу Х. Дилемма заключенного и доминантные стратегии. Мир математики в 40 т. Т. 8. Москва: Де Агостини, 2014. 144 с.
130. Диксит А., Нейлбафф Б. Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 600 с.
131. Дойл А. К. Знак четырех. Записки о Шерлоке Холмсе. Собр. Соч. Т. 3. Харьков: Клуб Семейного Досуга, 2008. 448 с.
132. Докинз Р. Эгоистичный ген. Москва: АСТ:CORPUS, 2013. 512 с.
133. Друкер П. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего быстро меняющегося общества. Москва: Изд. дом «Вильямс», 2007. 611 с.
134. Дюпре Б. Философия. 50 идей, о которых нужно знать. Москва: Фантом Пресс, 2014. 208 с.
135. Ефремов Ю. Н. Естествознание и квазифилософия. В защиту науки. Бюл. №1. Москва: Наука, 2006. 184 с.
136. Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. Москва: Идея-Пресс, 2006. 472 с.
137. Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Философия и естествознание. Избранное. Москва: Идея-Пресс, 2010. 640 с.
138. Ивановский Р. Теория вероятностей и математическая статистика. Основы, прикладные аспекты с примерами и задачами в среде Mathcad. Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2008. 528 с.
139. Ивин А., Никифоров А. Словарь по логике. Москва: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997, 426 с.

140. К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005. 230 с.
141. Кант И. Критика практического разума. Соч. в 6-ти тт. Т. 4. Москва: Мысль, 1965. 544 с.
142. Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание — Венский кружок. Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. Москва: Идея-Пресс, 2006. 472 с.
143. Карнап Р. Устранение метафизики посредством логического анализа языка. Философия и естествознание. Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. Москва: Идея-Пресс, 2010. С. 141-169.
144. Козырев Г. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль. Социс № 8. Москва: Наука, 2005. С. 124 - 129.
145. Конфуций. Этические положения. Антология мировой философии в 4-х тт. Т 1. Москва: Мысль, 1969. 936 с.
146. Корбалан Ф., Санц Х. Укрощение случайности. Мир математики в 40 т. Т. 24. Москва: Де Агостини, 2014. 160 с.
147. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. Челябинск: Социум, 2010. 655 с.
148. Кравченко Е.И. Теория социального действия: от Макса Вебера к феноменологам. Социологический журнал №3. Москва, Наука, 2001. С. 122-142.
149. Кротков Е. Специфика философского дискурса: логико-эпистемические заметки. Общественные науки и современность. №1, 2002. Москва: Наука, 2002. С. 128-135.
150. Купер Л. Физика для всех. Т 1. Классическая физика. Москва: Мир, 1973. 480 с.
151. Лао-Цзы. Дао дэ Цзин. Отрывки. Антология мировой философии в 4-х тт. Т 1. Москва: Мысль, 1969. 936 с.
152. Лотце Г. Основания практической философии. Юридический вестник. Том 12. Санкт-Петербург: СПб, 1883. С. 349 – 356.
153. Люттвак Э. Государственный переворот: практическое пособие. Москва: Университет Д. Пожарского, 2012. 316 с.
154. Льюис Р., Райфа Х. Игры и решения. Москва: Изд. Иност. Лит., 1961. 645 с.
155. Майерс Д. Социальная психология. Санкт-Петербург: Питер, 2007. 512 с.
156. Манин Д. Наука в кривом зеркале: Лакатос, Фейерабенд, Кун. В защиту науки. Бюл. №3. Москва: Наука, 2008. 232 с.
157. Марков А. Эволюция человека. Книга первая. Обезьяны, кости, гены. Москва: Астрель, 2011. 464 с.

158. Марков А. Эволюция человека. Книга вторая. Обезьяны, нейроны, душа. Москва: Астрель, 2011. 512 с.
159. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Сочинения в 50 тт. Т. 4. Москва: Изд. политической литературы, 1955. 640 с.
160. Мидтбё Т. Парадоксы рационального выбора. Дилемма заключенного. Теории и методы в современной политической науке. Москва: РОССПЭН, 2009. 751 с. (с. 190-212).
161. Моисеев С. Математические методы принятия оптимальных решений. Воронеж: Московская академия экономики и права, 2013. 20 с.
162. Мулен Э. Теория игр с примерами из математической экономики. Москва: Мир, 1985. 200 с.
163. Мурашкина Т. Техника физического эксперимента и метрология. Санкт-Петербург: Политехника, 2015. 138 с.
164. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение, Москва: Наука, 1970. 708 с.
165. Новая философская энциклопедия в четырех томах. Том 1. Москва: «Мысль», 2010. 744 с.
166. Новая философская энциклопедия в четырех томах. Том 2. Москва: «Мысль», 2010. 634 с.
167. Новая философская энциклопедия в четырех томах. Том 3. Москва: «Мысль», 2010. 692 с.
168. Новая философская энциклопедия в четырех томах. Том 4. Москва: «Мысль», 2010. 736 с.
169. Новопашин Ю. (Ред.) История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. Москва: Наука, 2007. 397 с.
170. Осипова Е. Детерминизм в социальных науках. Новая философская энциклопедия в 4-х тт. Т 1. Москва: Мысль, 2010. 744 с.
171. Парсонс Т. Система современных обществ. Москва: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
172. По Э. Тайна Мари Роже. Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. Воронеж: Полиграф, 1995. 640 с.
173. Поппер К. Логика и рост научного знания. Москва: Прогресс, 1983. 605 с.
174. Поппер К. Логика научного исследования. Москва: Республика, 2005. 447 с.
175. Поппер К. Нищета историцизма. Москва: Издательская группа «ПРОГРЕСС» VIA, 1993. 187 с.

176. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Москва: Феникс, 1992. 448 с.
177. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Москва: Феникс, 1992. 528 с.
178. Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. Москва: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПЛ «Ермак», 2004. 638 с.
179. Радаев В. Экономическая социология. Москва: Аспект Пресс, 1997. 368 с.
180. Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск: Издательство «Водолей», 1999. 192 с.
181. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Москва: Вильямс, 2006. 1408 с.
182. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству. Москва: Эксмо, 2013. 336 с.
183. Ритцер Дж. Современные социологические теории. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 688 с.
184. Родригез Э. Камень, ножницы, теорема. Фон Нейман. Теория игр. Москва: Де Агостини, 2015. 168 с.
185. Рузавин Г. И. Методология научного познания. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 287 с.
186. Руссо Ж-Ж. Рассуждение о происхождении неравенства между людьми. Трактаты. Москва: Наука, 1969. 704 с.
187. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления. В: THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем, 1993, вып. 3. С. 9-30.
188. Сачков Ю. Детерминизм. Новая философская энциклопедия в 4-х тт. Т 1. Москва: Мысль, 2010. 744 с.
189. Смелзер Н. Социология. Москва: Феникс, 1994. 688 с.
190. Смирнов А. Время. Новая философская энциклопедия в 4-х тт. Т 1. Москва: Мысль, 2010. 744 с.
191. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Москва: Соцэкгиз, 1962. 670 с.
192. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна. Москва: «Дом интеллектуальной книги», 2002. 248 с.
193. Теория и методы в современной политической науке. Сборник статей под ред. Ларсена С. Москва: РОССПЭН, 2009. 751 с.
194. Тинберген Н. Поведение животных. Москва: Мир, 1978. 195 с.
195. Тинберген Н. Социальное поведение животных. Москва: Мир, 1993. 273 с.
196. Трефил Дж. 200 законов мироздания. Москва: Гелиос, 2007. 522 с.

197. Тынкевич М. А. Экономико-математические методы. Кемерово: Кузбасский государственный технический университет, 2000. 177 с.
198. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа. В: THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем, 1993, вып. 3. С. 31-40.
199. Успенский В. Простейшие примеры математических доказательств. Предисловие к математике. Санкт-Петербург: Амфора, 2015. С. 323-398.
200. Фейнман Р. Характер физических законов. Москва: Наука, 1987. 85 с.
201. Феллер В. Введение в теорию вероятностей и ее приложения. Т. 1. Москва: Мир, 1965. 500 с.
202. Фролов С. Социология. Москва: Гардарики, 2000. 344 с.
203. Фурс В. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: Экономпресс, 2000. 224 с.
204. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Москва: Издательство «Весь Мир», 2003. 416 с.
205. Цицерон М. Философские трактаты. Москва: Наука, 1985. 382 с.
206. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. Москва: Ирисэн, 2007. 366 с.
207. Элвс Р. Как разгадать код да Винчи. Москва: Э, 2016. 352 с.
208. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. Москва: Изд. дом Гос. ун-та, 2011. 411 с.
209. Юм Д. Исследование о человеческом познании. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Москва: Мысль, 1996. 799 с.
210. Юм Д. Сочинения в двух томах: Том 1. Москва: Мысль, 1996. 733 с.
211. Юм Д. Трактата о человеческой природе книга первая. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Москва: Мысль, 1996. 733 с.
212. Юм Д. Трактата о человеческой природе книга третья. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Москва: Мысль, 1996. 733 с.

Публикации автора:

213. Белгородов Р. Аксиологические аспекты соотношения выплат в дилемме заключенного. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. № 9–10 2016 (September–October). Vienna: East West, 2016. С. 53 – 57.

214. Белогородов Р. Гносеологические основания рациональных агентов. *Analele științifice ale USM. Științe socioumanistice*. Chișinău: CEP USM, 2011. с. 46 – 50.
215. Белогородов Р. Дилемма заключенного в философский период: краткий исторический обзор. В: Приоритетные задачи и стратегии развития общественных наук. Сборник научных трудов по итогам межд. Научно-прак. конф. Тольятти, 2017. С. 14-19.
216. Белогородов Р. Некоторые аспекты дилеммы заключенного в социальной философии. *Materialele Conferinței Științifice a Doctoranzilor (Ediția a V-a): Tendințe contemporane ale dezvoltării științei: viziuni ale tinerilor cercetători*. Chisinau: CIP Cam. Nat. a Cartii, 2016. С. 16-18.
217. Белогородов Р. Контрпродуктивная методология философского исследования. *Rezumatele comunicărilor conferinței dedicate aniversării a 64-a de la fondarea USM*. Chișinău: CEP USM, 2010. с. 122 – 123.
218. Белогородов Р. О возможной модели социоэкономического человека. *Revista de Filosofie, Sociologie si Stiinte Politice №1 (170)*. Chisinau: Tipografie Centrala, 2016. С. 192-197.
219. Белогородов Р. О несвободном характере сотрудничества в некоторых социальных образованиях. *Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives. The 9th International symposium proceedings (January 27, 2016)*. Vienna: East West, 2016. С. 274 – 277.
220. Белогородов Р. Свойства статистической модели субъекта в дилемме заключенного. *Revista de Filosofie, Sociologie si Stiinte Politice №3 (175)*. Chisinau: Tipografie Centrala, 2017. С. 210-217.
221. Белогородов Р. Социальные эксперименты, основанные на дилемме заключенного, как инструмент количественного описания сотрудничества индивидов. Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. LXIV междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2016. С. 55-61.
222. Белогородов Р. О приемлемости некоторых допущений в социальных экспериментах, основанных на дилемме заключенного. В: *Filosofia și perspectiva umană: Materialele Conferinței Științifice consacrată Zilei Mondiale a Filosofiei*, 17 noiembrie 2016, UnAȘM, Chișinău, 2017, p. 91-98.

ПРИЛОЖЕНИЯ (2)

Приложение 1. Словарь основных терминов диссертационного исследования

Источник: подготовлен автором

Абстрактные модели — определенным образом упрощенные представления о том или ином явлении или событии, набор методологических допущений. *Дилемма заключенного*¹⁵ является примером такой модели.

Агент — действующая составляющая (см. *действие*) какого-либо явления или события. В частности, агентом является участник *социального взаимодействия*.

Агент, рациональный — *агент*, всегда действующий на достижение наилучшего результата или, в условиях неопределенности, наилучшего ожидаемого результата. Другими словами, рациональным является агент, который действует настолько успешно, насколько это возможно. *Игрок в теории игр* — рациональный агент.

Анализ, логико-философский — способ определения значений понятий (терминов) путем разложения их на составляющие свойства.

Анализ, логический языка — выявление в том или ином высказывании его логической формы, то есть — обнаружение той структуры, что остается после отвлечения от конкретного содержания высказывания.

Взаимодействие, социальное — взаимное *социальное действие* — то есть, ориентированное друг на друга действие двух (и более) *индивидов*. В современной социологии социальное взаимодействие имеет похожее значение и определяется как «процесс, в котором люди действуют и испытывают взаимодействия друг на друга» [Смелзер, с. 131]. При этом делается различие социального взаимодействия микроуровня (межличностное социальное взаимодействие) и макроуровня (социальное взаимодействие между социальными институтами).

Выплаты или платежи — выигрыш *игрока* в той или иной *игре* в *теории игр*. В *социальных экспериментах* со структурой *дилеммы заключенного* выигрыши могут быть как в деньгах, так и в других материальных или нематериальных ценностях.

Выплат, соотношение — разница в выигрышах, которые получит *игрок* в той или иной *игре* за тот или иной свой выбор.

Гипотеза, статистическая — суть ее состоит в отказе узнать, чем точно обусловлен тот или иной выбор конкретного *индивида*, участвующего в *ДЗ-эксперименте*, а вместо

¹⁵ Курсивом выделены термины, имеющие свое истолкование в данном словаре.

этого предполагается, если нет никакой другой дополнительной информации, что любой выбор *индивида* равновероятен.

Действие — осуществление выбора. «*Индивид совершил действие*», означает — индивид выбрал некоторый вариант из доступных ему вариантов выбора. Сегодня «все науки о человеческом поведении ведут речь лишь о различных сторонах одного и того же — нашего выбора в предложенных обстоятельствах» [148, с. 142].

Действие, социальное — такое *действие*, которое соотносится с действиями других людей, ориентируется на них. Социально действующий *индивид*, тот, что осуществляет свой выбор в данной ситуации, учитывая выбор других людей. То есть, находится в условиях, в которых выбор других людей *объективно* (наблюдаемо) может влиять на его выбор или на результаты его выбора.

Действительность, социальная (то же, что и **социальная реальность**) — итоги всякого *социального взаимодействия индивидов*.

Действующий субъект (то же, что и **индивид** или **ЛПР**) — лицо, принимающее решение (*ЛПР*). То есть, лицо, которое *действует* или, что то же самое, — осуществляет выбор в определенных условиях. Примером действующего субъекта служит любой из участников всякого *социального взаимодействия*, в частности, например, социального конфликта со структурой *дилеммы заключенного*. Действующим субъектом может также выступать, например, компьютерная программа или *социальная группа*.

ДЗ-эксперимент — *социальный эксперимент со структурой дилеммы заключенного*.

Дилемма заключенного (ДЗ) — *абстрактная модель* конфликта определенной структуры, разрешение которого зависит от *социальных действий* его участников. Обычно — это эксперимент с двумя участниками, которые, чтобы получить определенные выгоды, делают на определенных условиях (эти условия, собственно, и определяют дилемму заключенного) выбор между двумя альтернативами: скажем, между А и Б. Этот их выбор и моделирует *социальное действие*, поскольку, согласно условиям эксперимента, его результаты (то есть, величина выгоды, которую получают участники эксперимента) помимо собственного выбора, зависят и от выбора другого участника. Если оба выбрали А — получают одни выгоды (то есть, одну реализацию своих интересов), оба выбрали Б — получают другие выгоды, один выбрал А, а другой — Б, — получают третьи выгоды. Примером дилеммы заключенного может служить следующий социальный эксперимент.

У двух испытуемых А и Б на руках по две карточки с надписями: на одной — «Разделить», на другой — «Забрать все». Им предлагается сдать экспериментатору одну из карточек на следующих условиях. Если оба сдадут карточки «Разделить» им выплатят

денежный выигрыш: каждый получит по \$50. Если оба сдадут карточки «Забрать всё» — выигрыш каждого составит \$25. Если испытуемые сдадут разные карточки, то тот, кто сдаст карточку «Забрать всё» — получит выигрыш \$100, а тот, кто сдаст карточку «Разделить» — не получит ничего. У испытуемых нет возможности узнать, какую карточку сдал другой участник эксперимента до сдачи своей карточки. Как поступят испытуемые?

Дилемма заключенного, повторяющаяся — *дилемма заключённого*, которая происходит последовательно несколько раз с тем же самым составом участников и с теми же самыми условиями *игры*. Внимание уделяется общему выигрышу отдельного участника за всю последовательность *игр*.

Дилеммы заключенного, участник — *индивид*, принимающий участие в той или иной *дилемме заключенного*.

Доминирующая стратегия — та стратегия (*действия* или совокупность *действий игрока*), которая приводит к большему выигрышу, нежели любая другая стратегия, независимо от *действий* других *игроков*.

Игр, теория — раздел современной математики (некоторые исследователи относят теорию игр к общественным наукам), где предметом изучения выступают *абстрактные модели конфликтных ситуаций*, которые, соответственно, и носят условное название — «*игры*». Суть изучения *игр* — определить наилучшее поведение абстрактных участников конфликта для успешной реализации их абстрактных интересов. *Дилемма заключенного* является примером одной из *игр*.

Игра — *абстрактная модель конфликтной ситуации*. Предмет изучения *теории игр*.

Игрок — участник *игры*, *ЛПР*, *индивид*.

Индивид — то же, что и *действующий субъект*.

Индивида, произвол — *методологический индивидуализм* — эпистемологическая доктрина берущая начало в работах Макса Вебера, популярный (и плодотворный) способ рассуждения в *социальных науках* — предписывает исходить, помимо прочего, из того, что *действия индивида* в различных ситуациях, по большому счету, являются произвольными (зависящими от его воли). *Индивид* и только он делает свой выбор. Это означает, что не существует условий, при которых выбор может быть сделан за него другим *индивидом*. В случае выбора, скажем, между действиями А и В, может быть сделан выбор как А, так и В, и этот выбор является полностью произволом индивида. Например, в ситуации угрозы только индивид принимает решение уклониться (бежать от угрозы) или сражаться (пытаться устранить угрозу). Другой *индивид* не может сделать выбор за него, но это,

очевидно, не исключает влияния другого индивида на процесс принятия решения о выборе действия данным индивидом.

Конфликтные ситуации — ситуации, в которых сталкиваются интересы как минимум двух индивидов.

Логико-философский анализ — см. *Анализ, логико-философский*.

Логический анализ языка — см. *Анализ, логический языка*.

Лицо, принимающее решения — см. *Действующий субъект*.

Метод обратных рассуждений — метод рассуждения в *теории игр*, в основе которого лежит следующий общий принцип: каждый *игрок* должен проанализировать будущие ответные действия других *игроков* и эту информацию использовать для поиска своего оптимального хода в настоящем.

Методологический индивидуализм — эпистемологическая доктрина, берущая начало в работах Макса Вебера, в основе которой лежит методологический принцип: любое социальное явление или событие полностью сводимо к действиям участников этого события или явления (то есть — является их итогом). Противоположностью выступает социальный **холизм**: можно найти социальные явления или события, которые не сводятся к действиям их участников (не являются их итогами).

Модель человека — абстрактная модель участника того или иного социального взаимодействия. Известные модели человека: *экономический человек*, *социологический человек*, *игрок*.

Общество знания (общество знаний) — концепция этапа общественного развития, характеризующего переход к форме общества, где доминирующей ценностью, экономической и ресурсной, становится знание как таковое.

Объективный — рассматриваемый как объект, в принципе наблюдаемый, обладающий наблюдаемыми свойствами.

Операциональное определение (рабочее определение) — дефинитивное описание в принципе наблюдаемых (то есть, — *объективных*) характеристик предмета всякого рассуждения.

Повторяющаяся дилемма заключенного — см. *Дилемма заключенного, повторяющаяся*.

Произвол индивида — см. *Индивида, произвол*.

Равновесие Нэша — любая игра для двух лиц будет иметь минимум одну точку равновесия (впервые это показал американский математик Джон Нэш). Если задать каждому из *игроков* такой игры вопрос после того как они узнали свой выигрыш: если бы

они могли сейчас задним числом изменить свой выбор, сделали бы они это, зная при этом, что другой участник менять свой выбор не может? Если ответ отрицательный и оба *игрока* согласны, что их выбор, в этом смысле, правильный, то в *игре* достигнуто равновесие. Иначе говоря, достигнуто единственно возможное удовлетворительное (со всех точек зрения) положение в распределении *выплат*.

Рациональность (или **рациональное поведение**) — сводится к реализации собственных предпочтений (потребностей и желаний) *индивида* и его стремлением при их реализации к минимальным затратам сил, средств, времени и т.д. Более формально: если между *действием А* или *действием В* *индивид* выбирает то, которое приводит к результатам удовлетворяющим его предпочтения при меньших затратах средств, времени, сил и т.п. (скажем, А), значит — он действует рационально. Если, будучи информированным о том, какой выбор является рациональным, он действует по-другому (в нашем примере, В), — то он поступает иррационально.

Рациональный агент — см. *Агент, рациональный*.

Соотношение выплат — см. *Выплат, соотношение*.

Социальная действительность (или **Социальная реальность**) — см. *Действительность, социальная*.

Социальное действие — см. *Действие социальное*.

Социальное взаимодействие — см. *Взаимодействие социальное*.

Социальное образование — жизнедеятельность нескольких *индивидов* на одной территории. При этом выделяются три типа таких образований. (1) Ни один *индивид* не нуждается в содействии другого *индивида* (ни в прямом, ни в косвенном) для реализации своих предпочтений. (2) Ни один *индивид* не может реализовать свои предпочтения, действуя в одиночку. (3) Часть *индивидов* может реализовывать свои предпочтения, действуя в одиночку, а другая – не может.

Социальное преобразование — крупное изменение, реформа затрагивающая, в нашем случае, социальные отношения.

Социальный — двузначный термин. В первом значении «социальный» означает сотрудничающий. Во втором значении, «социальный» — направленный (ориентируемый) на другого *индивида*. Например, «социальное поведение» *индивидов* может означать просто их сотрудничество, а «социальное действие» одного *индивида* — может означать *действие индивида*, которое учитывает поведение другого индивида.

Социологический человек — абстрактная модель участника того или иного *социального взаимодействия*, содержащая определенный набор методологических

допущений, например таких, что социологический человек осуществляет выбор исходя не из своих предпочтений, а из господствующих в обществе норм и ценностей; он не способен к оцениванию выгод и издержек того или иного своего выбора и др.

Социоэкономический человек — *абстрактная модель участника того или иного социального взаимодействия, которая является синтезом моделей социологического человека и экономического человека.*

Статистическая гипотеза — см. *Гипотеза, статистическая.*

Теория игр — см. *Игр, теория.*

Условия социального действия — условия, в которых выбор других людей объективно (наблюдаемо) может влиять на выбор *индивида* или на результаты его выбора.

Участник дилеммы заключенного — см. *Дилеммы заключенного, участник.*

Холизм, социальный — см. *Методологический индивидуализм.*

Экономический человек — *абстрактная модель участника того или иного социального взаимодействия, содержащая определенный набор методологических допущений, например таких, что экономический человек эгоистичен, то есть, в первую очередь, руководствуется собственными интересами; он всегда рационален и др.*

Эссенциалистские объяснения или метафизические каузальные объяснения — объяснения, опирающиеся на природу вещей, на их сущность, а не на явления.

Приложение 2. Количественный анализ критериев принятия решений в ДЗ

Источник: подготовлен автором

Представим по возможности в максимально общей форме эксперимент ДЗ.

Два участника эксперимента И1 и И2 делают однократный выбор между D и C, причем выбор другого каждый из них узнаёт только после того, как сделает свой выбор. Если оба выбирают D — получают по **a** пунктов, если оба выбирают C, — получают по **B** пунктов. Если один выбрал D, а другой C, выбравший D — получает **A** пунктов, а выбравший C — получает **b** пунктов. При этом:

$$(ДЗ-1) \quad A > B > a > b$$

ТИ делает строгое предписание об интересе обоих участников:

(ДЗ-2): целью каждого из участников эксперимента является получение наибольшего количества пунктов за свой выбор. Данное предписание означает, что если перед индивидом явно и без сомнений стоит выбор набрать, скажем, 7 пунктов за выбор D или 5 пунктов за выбор C, он всегда делает выбор, приносящий наибольшее число пунктов, то есть действует целесообразно. В данном примере участник соответственно с необходимостью выбирает $D \rightarrow 7$ (где символ « $\rightarrow$ » означает «влечет выигрыш», «приводит к выигрышу»).

Выбор должен быть сделан явно и не может быть изменен. В реальном эксперименте это осуществляется, например, при помощи карточек с надписями у каждого из участников эксперимента, которые они сдают экспериментатору. Сделать выбор C, в таком случае, означает сдать экспериментатору карточку с надписью «C». Когда у экспериментатора на руках карточки обоих участников — ДЗ состоялась, участникам выплачивается (выдается) выигрыш.

Обязательно отметим, что ни один из участников *не может* осуществить выбор за другого участника или каким-либо иным образом прямо повлиять на выбор другого участника.

Данные условия известны обоим участникам.

Итак, ТИ ставит в отношении ДЗ следующий вопрос: какой выбор участника — D, C или случайный выбор (Сл) — удовлетворяет условию (ДЗ-2)? (Понятно, что неважно от лица какого игрока рассматривать ДЗ — оба игрока находятся в равных условиях.) Если с помощью методологических инструментов ТИ мы сможем дать однозначный ответ на этот вопрос мы, *как кажется*, снимем все сомнения о том, как участники должны *правильно* поступать в контрольном эксперименте.

Итак, посмотрим, что же за инструменты предлагает ТИ.

Для удобства подсчетов (анализ результатов значительно упрощается) и, главное, для наглядности, в дальнейшем мы будем рассматривать частный случай ДЗ: вместо переменных величин **A**, **a**, **B**, **b** будем использовать постоянные величины 10, 8, 7, 5. Представим эксперимент в виде следующей таблицы (фиг. 17):

Фиг. 17

И1	D	C	D	C
	7	5	10	8
И2	7	10	5	8
	D		C	

Выбор и выигрыши И1 представлены в таблице в верхней половине, а, соответственно, выбор и выигрыши И2 — в нижней половине. Если оба выбирают D — получают по 7 пунктов, если оба выбирают C, — получают по 8 пунктов. Если один выбрал D, а другой C, выбравший D — получает 10 пунктов, а выбравший C — получает 5 пунктов.

Поскольку, неважно со стороны какого игрока нам рассматривать игру — оба игрока, очевидно, находятся в равных условиях, — ниже мы рассматриваем ДЗ с позиции И1.

Способы действий И1 достаточно просты для анализа. Поскольку по условиям задачи И1 никак не может повлиять на выбор И2 ему остается делать свой выбор исходя из собственных рассуждений. Рассмотрим все возможные рассуждения, выводами из которых может руководствоваться И1 при своем выборе. Отметим, что И1 может пойти D, может пойти C и может действовать случайным образом (к примеру, используя монету в качестве генератора случайных чисел: аверс — хожу D; реверс — хожу C). Способ действий по выбору хода И1, как мы уже отмечали, называется «стратегией».

Стандартом в принятии решений в современной теории игр, как обобщают исследователи в [62] являются следующие способы оценки выбора стратегий.

Ex-ante — предварительное оценивание (на этом этапе известна структура игры и возможно, но не обязательно, некоторые аспекты характера игрока). *Ex-post* – итоговое оценивание (второй игрок уже сделал ход). *Ex-interim* – сопровождающее оценивание (возможно И2 принял решение, но не необратимое, то есть, то, что И2 принял решение —

не факт). Как мы видим, в соответствии с характером ДЗ для нас актуально только итоговое оценивание (Ex-post). Конечно, мы можем приписывать И2 некоторые качества (например, рациональность) и использовать предварительное оценивание (Ex-ante), однако этот вариант не эффективен по тем соображениям, которые мы приводили в прошлом параграфе.

Стратегия, представленная в рассуждениях 1-5, основывается на предположениях И1 о выборе И2, рассчитываются все варианты, делается вывод о лучшем выборе.

Стратегия в рассуждениях 6-8 более прямолинейна. Здесь способ действия по выбору своего хода И1 основывается на простых принципах, в частности: «Всегда хожу D» или «Всегда хожу C».

Рассуждение 1. И2 предположительно выбрал D. В данном конкретном случае И1 исходит из того, что И2 уже сдал экспериментатору карточку со своим выбором и карточка предположительно содержит выбор D. Тогда рассуждение И1 следующее:

- а) выбор D→7 (результат из таблицы 1)
- б) выбор C→5 (результат из таблицы 1)
- сл) случайный выбор Сл→6 (см. пояснения ниже)

Поясним, как действует И1 играя случайно. Будем исходить из постулата, что «действует случайным образом» означает, что наступление событий «И1 выбрал D» и «И1 выбрал C» — равновероятно. «Равновероятно», в свою очередь, означает, что из n событий «И1 выбрал x », где $x = D$ или $x = C$, $n/2$ придется на событие «И1 выбрал D» и $n/2$ событий придется на событие «И1 выбрал C». (Игрок может добиться этого, используя генератор случайных чисел). В случае, когда И2 (предположительно) выбрал D, И1 с вероятностью:

$$P(7 \text{ пунктов}) = 1/2$$

набирает 7 пунктов и с вероятностью:

$$P(5 \text{ пунктов}) = 1/2$$

набирает 5 пунктов. Иначе говоря, если бы И1 пришлось n раз выбирать из D и C действуя случайным образом при выборе D вторым игроком — И1 набрал бы в $n/2$ случаях по 7 пунктов (то есть, $7n/2$ пунктов), и в $n/2$ случаях — по 5 пунктов (то есть, $5n/2$ пунктов). В сумме $12n/2$ — за n -кратный случайный выбор или 6 пунктов за однократный ($n = 1$) случайный выбор, при выборе D игроком 2.

Итак, из трех возможных вариантов выбора лишь выбор а) D→7 удовлетворяет условию ДЗ-2. Следовательно, И1 должен сдать экспериментатору карточку «D». Но мы помним, что И1 лишь *предполагал*, что И2 сдал экспериментатору карточку «D». И2 мог отдать ему и карточку «C» или случайно выбрать карточку. Не ошибся ли И1 сдав карточку «D» в этом случае? Нет, не ошибся. Если И2 сдал карточку «C», то:

$$D \rightarrow 10$$

$$C \rightarrow 8$$

$$Cл \rightarrow 9$$

Расчеты выигрыша при случайном выборе:

$$P(10 \text{ пунктов}) = 1/2$$

$$P(8 \text{ пунктов}) = 1/2$$

$$10n/2 + 8n/2 = 9, \text{ при } n = 1$$

Как мы видим, выбор D *полностью* удовлетворяет условию ДЗ-2 и в случае, если И2 выбрал С, когда И1 предполагал, что И2 выберет D.

Если И2 действовал случайным образом, то:

$$D \rightarrow 8,5$$

$$C \rightarrow 6,5$$

$$Cл \rightarrow 7,5$$

(Расчеты см. в *Рассуждении 4.*) И в этом случае, если И2 сыграл случайно, в то время как И1 предполагал, что И2 выберет D, только выбор D игроком И1 удовлетворяет условию (ДЗ-2).

Рассуждение 2. И2 предположительно выбрал С. В данном случае И1, как и в *Рассуждении 1* исходит из того, что И2 уже сдал экспериментатору карточку со своим выбором, но здесь карточка предположительно содержит выбор С. Тогда рассуждение И1 следующее:

а) выбор $D \rightarrow 10$ (результат из таблицы 1)

б) выбор $C \rightarrow 8$

сл) случайный выбор $Cл \rightarrow 9$

Расчеты выигрыша при случайном выборе:

$$P(10 \text{ пунктов}) = 1/2$$

$$P(8 \text{ пунктов}) = 1/2$$

$$10n/2 + 8n/2 = 9, \text{ при } n = 1$$

Как мы видим только выбор а) $D \rightarrow 10$ удовлетворяет условию (ДЗ-2). Следовательно, И1 должен сдать экспериментатору карточку «D». Но мы помним, что И1 лишь *предполагал*, что И2 сдал карточку «C». И2 мог отдать экспериментатору и карточку «D» или выбрать карточку случайно. Не ошибся ли И1 сдав экспериментатору карточку «D» в этом случае? Не ошибся. Если И2 сдал карточку «C», то:

$$D \rightarrow 7$$

$$C \rightarrow 5$$

Сл→6

Расчеты выигрыша при случайном выборе:

$$P(7 \text{ пунктов}) = 1/2$$

$$P(5 \text{ пунктов}) = 1/2$$

$$7n/2 + 5n/2 = 6, \text{ при } n = 1$$

И после проверки, выбор D полностью удовлетворяет условию (ДЗ-32) и в случае, если И2 выбрал D, когда И1 предполагал, что И2 выберет С. Если И2 действовал случайным образом, то:

$$D \rightarrow 8,5$$

$$C \rightarrow 6,5$$

$$\text{Сл} \rightarrow 7,5$$

(Расчеты см. в *рассуждении 4.*) И в этом случае, если И2 сыграл случайно, в то время как И1 предполагал, что И2 выберет С, только выбор D игроком И1 удовлетворяет условию (ДЗ-2). Это **рассуждение 2** зеркально отражает предыдущее *рассуждение 1*.

Рассуждение 3. И2 предположительно выбрал D или C. Исходя из результатов рассуждений 1 и 2 следует заключить, что, отталкиваясь от этого предположения, мы придем к выводу, что только выбор D, сделанный И1 удовлетворяет условию (ДЗ-2) в данном случае.

Рассуждение 4. И2 предположительно действовал случайным образом. В данном случае И1, как и в *рассуждении 1* исходит из того, что И2 уже сдал экспериментатору карточку со своим выбором, но карточка предположительно была выбрана случайным образом. Другими словами, И2 случайным образом выбрал D или C (к примеру, броском монеты: реверс — D, аверс C). Как и в *рассуждении 1* будем исходить из постулата, что «действует случайным образом» означает, что наступление событий «И2 выбрал D» и «И2 выбрал C» — равновероятно. «Равновероятно», в свою очередь, означает, что из n событий «И2 выбрал x », где $x = D$ или $x = C$, $n/2$ придется на событие «И2 выбрал D» и $n/2$ событий придется на событие «И2 выбрал C». Итак, в случае если И1 выбирает C, то с вероятностью:

$$P(5 \text{ пунктов}) = 1/2$$

он набирает пять пунктов или с такой же вероятностью

$$P(8 \text{ пунктов}) = 1/2$$

он набирает 8 пунктов. Иначе говоря, если бы ему пришлось n раз выбирать C — он набрал бы в $n/2$ случаях по 5 пунктов (то есть, $5n/2$ пунктов), и в $n/2$ случаях — по 8 пунктов (то есть, $8n/2$ пунктов). В сумме $13n/2$ — за n -кратный выбор C или 6,5 пунктов за однократный ($n = 1$) выбор C.

В случае, когда И1 выбирает D, он с вероятностью:

$$P(7 \text{ пунктов}) = 1/2$$

набирает 7 пунктов или с такой же вероятностью

$$P(10 \text{ пунктов}) = 1/2$$

набирает 10 пунктов. Иначе говоря, если бы ему пришлось n раз выбирать D — он набрал бы в $n/2$ случаях по 7 пунктов (то есть, $7n/2$ пунктов), и в $n/2$ случаях — по 10 пунктов (то есть, $10n/2$ пунктов). В сумме $17n/2$ — за n -кратный выбор D или 8,5 пунктов за однократный ($n = 1$) выбор D. Если И1 решает действовать случайным образом, то:

$$P(7 \text{ пунктов}) = 1/4$$

$$P(5 \text{ пунктов}) = 1/4$$

$$P(10 \text{ пунктов}) = 1/4$$

$$P(8 \text{ пунктов}) = 1/4$$

$$7n/4 + 5n/4 + 10n/4 + 8n/4 = 30n/4 = 7,5, \text{ при } n = 1$$

То есть, мы получили:

а) выбор D → 8,5

б) выбор C → 6,5

сл) случайный выбор Сл → 7,5

Только выбор D удовлетворяет условию (ДЗ-2) в случае, если И2 предположительно действует случайным образом. Мы помним, что И1 использовал лишь *предположение* о том, что И2 действует случайным образом. Однако, по доказанному, если И2 выбрал D или C не случайным образом, И1 все равно должен ходить D (*Рассуждение 3*).

Рассуждение 5. И2 предположительно выбрал D, C или Сл. По доказанному (*Рассуждения 1-3*) только выбор D, сделанный И1 удовлетворяет условию (ДЗ-2) в данном случае. Обобщим для наглядности полученные результаты из *рассуждений 1-5* следующей таблицей (фиг. 18):

Фиг. 18

Исходное положение И1	Предположение подтвердилось	Предположение не подтвердилось	Целесообразный выбор И1 (ср. знач.)
И2 предположительно выбирает D	(И2 выб. D) <u>D → 7</u> C → 5 Сл → 6	(И2 выб. C или Сл) <u>D → 9,25</u> C → 7,25 Сл → 8,25	<u>D → 8,125</u> C → 6,125 Сл → 7,125

И2 предположительно выбирает С	(И2 выб. С) $D \rightarrow 10$ $C \rightarrow 8$ $Сл \rightarrow 9$	(И2 выб. D или Сл) $D \rightarrow 7,75$ $C \rightarrow 5,75$ $Сл \rightarrow 6,75$	$D \rightarrow 8,875$ $C \rightarrow 6,875$ $Сл \rightarrow 7,875$
И2 предположительно выбирает D или С	(И2 выб. D или С) $D \rightarrow 8,5$ $C \rightarrow 6,5$ $Сл \rightarrow 7,5$	(И2 выб. Сл) $D \rightarrow 8,5$ $C \rightarrow 6,5$ $Сл \rightarrow 7,5$	$D \rightarrow 8,5$ $C \rightarrow 6,5$ $Сл \rightarrow 7,5$
И2 предположительно действует случайным образом	(И2 выб. Сл) $D \rightarrow 8,5$ $C \rightarrow 6,5$ $Сл \rightarrow 7,5$	(И2 выб. D или С) $D \rightarrow 8,5$ $C \rightarrow 6,5$ $Сл \rightarrow 7,5$	$D \rightarrow 8,5$ $C \rightarrow 6,5$ $Сл \rightarrow 7,5$
И2 предположительно выбирает D, С или действует случайным образом	(И2 выб. D, С или Сл) $D \rightarrow 8,5$ $C \rightarrow 6,5$ $Сл \rightarrow 7,5$	-	$D \rightarrow 8,5$ $C \rightarrow 6,5$ $Сл \rightarrow 7,5$

В первой колонке таблицы представлено исходное положение рассуждений И1. Во второй — результаты выбора И1, если исходное положение подтвердилось. В третьей колонке — если не подтвердилось. К примеру, если И1 предполагал, что И2 выберет D — во второй колонке, в данном случае, результаты выигрыша И1 при выборе D игроком 2. В третьей колонке результаты выигрыша И1 и вероятность $P(C \cup Сл)$ выбора С или Сл игроком 2. В четвертой – среднее значение выигрышей И1 из первой и второй колонки, то есть окончательный результат.

Рассуждение 6. И1 в любом случае выбирает D. Здесь расчеты ведутся в соответствии с таблицей 1.

И2 выб. D $\rightarrow 7$ (выбор D игроком 2 влечет выигрыш 7 пунктов игроком 1)

И2 выб. С $\rightarrow 10$

И2 выб. Сл $\rightarrow 8,5$ (расчеты см. **Рассуждение 4**)

В среднем И1, в случае выбора D набирает:

$$\frac{(7 + 10 + 8,5)}{3} = 8,5$$

Рассуждение 7. И1 в любом случае выбирает С. В соответствии с таблицей 2:

И2 выб. D $\rightarrow 5$

И2 выб. С $\rightarrow$ 8

И2 выб. Сл $\rightarrow$ 6,5 (расчеты см. *Рассуждении 4*)

В среднем И1, в случае выбора С набирает:

$$\frac{(5 + 8 + 6,5)}{3} = 6,5$$

Рассуждение 8. И1 в любом случае действует случайным образом. В этом случае мы имеем следующее:

И2 выб. D $\rightarrow$ 6 (расчеты см. *Рассуждение 1*)

И2 выб. С $\rightarrow$ 9 (расчеты см. *Рассуждение 2*)

И2 выб. Сл $\rightarrow$ 7,5 (расчеты см. *Рассуждение 4*)

В среднем И1, в случае выбора Сл набирает:

$$\frac{(6 + 9 + 7,5)}{3} = 7,5$$

Обобщим для наглядности полученные результаты из *рассуждений 6-8* следующей таблицей (фиг. 19):

Фиг. 19

Исходное положение (принцип) И1	Выбор И2	Средний выигрыш И1
И1 выбирает D	D $\rightarrow$ 7 С $\rightarrow$ 10 Сл $\rightarrow$ 8,5	D $\rightarrow$ 8,5
И1 выбирает С	D $\rightarrow$ 5 С $\rightarrow$ 8 Сл $\rightarrow$ 6,5	С $\rightarrow$ 6,5
И1 действует случайным образом	D $\rightarrow$ 6 С $\rightarrow$ 9 Сл $\rightarrow$ 7,5	Сл $\rightarrow$ 7,5

Как мы видим, наибольшее среднее значение у выбора D. Что, в свою очередь, означает, что из трех рассмотренных в *рассуждениях 6-8* стратегий выбора, только стратегия «И1 всегда выбирает D» удовлетворяет условию (ДЗ-2).

Альтернативные способы рассуждения. Запрограммированный ход И2. Предположим, И1 каким-то образом стал известен наверняка выбор И2. Или, скажем, И1 играет против алгоритма (компьютерной программы), которая использует одну из простых

стратегий, описанных в *рассуждениях 6-8*. В таком случае, рассуждения И1, по сути, копируют первую часть *рассуждений 1, 2, 4*.

Если И2 запрограммирован на стратегию «всегда ходи D», то выбор И1:

$D \rightarrow 7$

$C \rightarrow 5$

$Сл \rightarrow 6$

(Расчеты см. *рассуждение 1*).

Если И2 запрограммирован на стратегию «всегда ходи C», то выбор И1:

$D \rightarrow 10$

$C \rightarrow 8$

$Сл \rightarrow 9$

(Расчеты см. *рассуждение 2*).

И если И2 запрограммирован на стратегию «всегда ходи Сл», то выбор И1:

$D \rightarrow 8,5$

$C \rightarrow 6,5$

$Сл \rightarrow 7,5$

(Расчеты см. *рассуждение 4*).

Мы видим, что во всех трех рассмотренных случаях, опять же, только выбор D игроком 1 удовлетворяет условию (ДЗ-2).

Заключение соглашения с оппонентом. Предположим, у И1 есть возможность заключить соглашение с И2. И1 и И2, по условиям задачи, действуют в соответствии с (ДЗ-2), а единственное соглашение, которое удовлетворяет (ДЗ-2) – это соглашение о выборе обоими C. В самом деле, выбор D для обоих приносит каждому по 7 пунктов, а выбор C каждому позволяет заработать по 8 пунктов. Договор для одного из игроков выбрать C, в то время как оппонент выберет D не удовлетворяет условию (ДЗ-2) для того игрока, который по договору должен ходить C (он получит минимальное возможное количество пунктов — 5), хотя целесообразен для другого (в этом случае, он получит максимально возможные 10 пунктов). Итак, игроки заключили договор ходить (выбирать) C. Вопрос: удовлетворяет ли (ДЗ-2) ситуация, когда И1 его соблюдает? (Напомним, этот вопрос в равной степени касается и И2, поэтому не будет ошибкой строить рассуждение только с позиции И1).

а) И2 предположительно соблюдает договор и ходит C. Тогда И1, дабы соблюсти (ДЗ-2), необходимо нарушать договор и выбирать $D \rightarrow 10$ (а не $C \rightarrow 8$, или не $Сл \rightarrow 9$). Итак, в этом случае, выбор D.

б) И2 предположительно нарушает договор и ходит D. Тогда И1, дабы соблюсти (ДЗ-2), необходимо также нарушать договор и выбирать $D \rightarrow 7$ (а не $C \rightarrow 5$, или не $Сл \rightarrow 6$). И снова – выбор D.

в) И2 предположительно нарушает договор и ходит Сл. Тогда И1, дабы соблюсти (ДЗ-2), необходимо также нарушать договор и выбирать $D \rightarrow 8,5$ (а не $C \rightarrow 6,5$, или $Сл \rightarrow 7,5$). И снова – выбор D.

Мы видим, что соблюдение И1 заключенного с И2 соглашения противоречит (ДЗ-2). Более того, во всех трех возможных сценариях И1 должен ходить D.

Существует еще рассуждение о «жестких договорах» о котором подробно говорится в 2.3.

Общий вывод по рассмотренным стратегиям. Мы проанализировали, как представляется, все возможные способы рассуждения И1 и выяснили, что каждое рассуждение приводит к одному удовлетворяющему условию (ДЗ-2) выводу: И1 необходимо выбирает D. Как мы неоднократно указывали абсолютно к таким же выводам приходит и И2.

Минимакс. Поскольку в нашем случае И1 может сделать лишь три хода при однократной ДЗ (D, C или Сл), - то несложно рассчитать минимальные значения выигрыша для всех трех ходов И1. Представим их в таблице (фиг. 20):

Фиг. 20

Ход (выбор) И1	Минимальный выигрыш
D	7
C	5
Сл	5

Значения во второй колонке взяты из таблицы 2. Итак, как мы видим из таблицы 4, *наибольший минимальный* выигрыш для И1 достигается при выборе им D.

Равновесие Нэша. Равновесие достигается только когда и И1, и И2, выбирают D. Действительно, если в этом случае задать вопрос о смене выбора любому из участников, будет получен отказ. Поскольку И1, выбрав D, получил 7 пунктов, изменение решения означает здесь выбор $C \rightarrow 5$ или $Сл \rightarrow 6$. Оба варианта хуже имеющегося. В точно такой же ситуации находится, разумеется, и И2. **Равновесие Нэша** достигнуто. В то же время, если бы вопреки вышеописанным рассуждениям оказалось, что участники оба выбрали C, то, вопрос любому из них об изменении своего выбора в одностороннем порядке, очевидно, встретил бы согласие (поскольку тогда участник увеличивает свой выигрыш с $C \rightarrow 8$ до

$D \rightarrow 10$, что больше удовлетворяет ДЗ-2). Точно так же, как и в случае выбора одним участником D, а другим — C. В этом случае даст согласие на смену своего выбора, очевидно, участник, выбравший C. Точкой равновесия является (7, 7) при выборе обоими индивидами D.

Оптимальность по Парето. В случае ДЗ «блага» — это пункты, которые набирают участники эксперимента при выборе того или иного хода, а «система» — ситуация ДЗ. Оптимальное состояние по Парето в ситуации ДЗ достигается только в том единственном случае, когда оба игрока ходят $C \rightarrow 8$. У обоих игроков тогда выигрыш составляет 8 пунктов, а любое изменение хода хотя бы одного из них снижает выигрыш либо одного из игроков, либо обоих игроков. Действительно, если И1 изменит свое решение на D он выиграет 10 пунктов, но при этом снизит выигрыш И2 до 5 пунктов (оптимальность нарушается). Если оба изменят свои ходы на D, то получают выигрыши по 7 пунктов — хуже, чем при выборе C — то есть, оптимальность также снижается. Также оптимальность не улучшится, если И1 или если оба игрока начнут ходить случайным образом. Если И1 пойдет случайно и выпадет ход D он уменьшит выигрыш И2 до 5 пунктов, хотя сам при этом заработает 10 пунктов (оптимум нарушается). Если И2, пока И1 ходит случайно и выбирает D, пойдет D — оба получают по 7 пунктов (оптимум нарушается и в этом случае). Если И2, пока И1 ходит случайно и выбирает D, сам пойдет случайно и ему выпадет ходить D — оба получают по 7 пунктов; если ему выпадет ходить C — получит 5 пунктов. В обоих случаях оптимальность нарушается. Если оба решают играть случайно, тогда оба получают по 7,5 пунктов максимум, что, опять же снижает эффективность. Таким образом, действительно, только выбор обоими игроками хода C приводит к эффективности по Парето. (Когда у обоих игроков из-за выбора D выигрыш составляет по 7 пунктов, это — не максимальное «благосостояние», так как $C \rightarrow 8$ для каждого игрока больший выигрыш, чем $D \rightarrow 7$).

Критерий Вальда. В нашей ситуации худшим вариантом развития событий для И1 является единственный — И2 выбрал D. В *рассуждении 1* мы уже подробно рассматривали этот вариант и обнаружили, что в этом случае И1 должен с необходимостью выбирать D, если он следует условию (ДЗ-2). Однако, критерий максимина интересен прежде всего тем, что И1 может попробовать, следуя предложению Вальда, выбрать худший для себя ход, то есть — пойти C. И это, как не удивительно, может привести к более выгодной для И1 ситуации — оптимальности по Парето (см. выше). (Это случится, если И2, вопреки предположению И1, пойдет C).

Критерий Сэвиджа. Сначала определим максимальный выигрыш для каждого хода И1. Как мы помним из таблицы 1 при $D \rightarrow 10$, при $C \rightarrow 7$, при $Sl \rightarrow 8,5$ (*Рассуждение 5*).

Соответственно, $D \rightarrow 10$ и есть максимальный выигрыш. Далее составим таблицу (фиг. 21), в которой выпишем рядом с каждым выигрышем при определенном выборе разницу между ним и максимально возможным выигрышем (в скобках во втором, третьем и четвертых столбцах). Максимальную разницу вынесем в отдельный столбец (столбец «сожалений», как его еще называют). Минимальное значение из этого столбца и должно указать нам на выбор, который следует сделать (последний столбец в таблице (фиг. 21))

Фиг. 21

Ход И1	И2 выбрал С	И2 выбрал D	И2 выбрал Сл	Сожаления
D	10 (0)	7 (3)	8,5 (1,5)	3
С	8 (2)	5 (5)	6,5 (3,5)	5
Сл	9 (1)	6 (4)	7,5 (2,5)	4

Как мы видим из таблицы, минимальные сожаления мы испытываем при выборе D (минимальное значение в последнем столбце таблицы 3 указывает на это).

Критерий Лапласа. При применении данного критерия И1 исходит из предположения, что наступление событий «И2 пойдет D» и «И2 пойдет С» — равновероятно. Поскольку И1 *наверняка* не может предсказать ход И2, данный подход вполне оправдан. Мы рассмотрели рассуждения И1 в этом случае достаточно подробно в *рассуждении 4* и пришли к выводу, что лучшим ходом (соответствующим условию (ДЗ-2)) является ход D. Тем не менее, мы к нему еще вернемся, поскольку, как мы увидим, данный критерий дает предсказания исходов ДЗ экспериментов наиболее близкие к наблюдаемым в реальных экспериментах.

Критерий Гурвица. Является неким обобщением критериев Вальда и Лапласа. Исследователи выделяют здесь следующий алгоритм принятия решения. И1 должен вначале определить так называемый «коэффициент доверия» или, по-другому говоря, определить, хотя бы гипотетически, вероятность того или иного хода И2. Если определиться сложно — то принимается вероятность $1/2$ (то есть, применяется критерий Лапласа см. выше). Если же есть хоть какие-то основания полагать, что И2 выберет, скажем, D, то тогда этой возможности назначается вероятность (коэффициент доверия) больше $1/2$, скажем $3/4$. После этого считаются исходы, учитывая это значение вероятности. При этом, конечно же, вероятность хода С участником И2 получает значение вероятности $1/4$. Подобным же образом И1 поступает, если у него хоть какие-то основания полагать, что И2 пойдет С.

Рассмотрим, как пример, гипотетический случай, когда у И1 есть, скажем, основания полагать, что И2 пойдет D. Присвоив событию «И2 выбрал D» значение вероятности $3/4$, а событию «И2 выбрал C» значение вероятности $1/4$ мы имеем следующее рассуждение. Из n событий «И2 выбрал x », где $x = D$ или $x = C$, $3n/4$ придется на событие «И2 выбрал D» и $n/4$ событий придется на событие «И2 выбрал C».

В случае если И1 выбирает C, то с вероятностью:

$$P(5 \text{ пунктов}) = 3/4$$

он набирает пять пунктов или с вероятностью

$$P(8 \text{ пунктов}) = 1/4$$

он набирает 8 пунктов. Иначе говоря, если бы ему пришлось n раз выбирать C — он набрал бы в $3n/4$ случаях по 5 пунктов (то есть, $15n/4$ пунктов), и в $n/4$ случаях — по 8 пунктов (то есть, $8n/4$ пунктов). В сумме $23n/4$ — за n -кратный выбор C или $5,75$ пунктов за однократный ($n = 1$) выбор C. В случае, когда И1 выбирает D, он с вероятностью:

$$P(7 \text{ пунктов}) = 3/4$$

набирает 7 пунктов или с вероятностью

$$P(10 \text{ пунктов}) = 1/4$$

набирает 10 пунктов. Иначе говоря, если бы ему пришлось n раз выбирать D — он набрал бы в $3n/4$ случаях по 7 пунктов (то есть, $21n/4$ пунктов), и в $n/4$ случаях — по 10 пунктов (то есть, $10n/4$ пунктов). В сумме $31n/4$ — за n -кратный выбор D или $7,75$ пунктов за однократный ($n = 1$) выбор D.

В случае, когда И1 выбирает Сл, он с вероятностью:

$$P(7 \text{ пунктов}) = 3/8$$

набирает 7 пунктов или с вероятностью

$$P(10 \text{ пунктов}) = 1/8$$

набирает 10 пунктов. С вероятностью

$$P(5 \text{ пунктов}) = 3/8$$

набирает 5 пунктов или с вероятностью

$$P(8 \text{ пунктов}) = 1/8$$

набирает 8 пунктов. Иначе говоря, если бы ему пришлось n раз выбирать Сл — он набрал бы в $3n/8$ случаях по 7 пунктов (то есть, $21n/8$ пунктов), в $n/8$ случаях — по 10 пунктов (то есть, $10n/8$ пунктов). В $3n/8$ случаях по 5 пунктов (то есть, $15n/8$ пунктов), в $n/8$ случаях — по 8 пунктов (то есть, $8n/8$ пунктов). В сумме $54n/8$ — за n -кратный выбор Сл или $6,75$ пунктов за однократный ($n = 1$) выбор Сл.

Однако, как мы помним, это гипотетический пример. Пока мы не имеем никаких оснований в пользу того или иного хода И2 и критерий Лапласа более уместен в нашем случае, чем критерий Гурвица. Рассмотрим, однако, для полноты рассуждений и гипотетический случай, когда у И1 есть основания полагать, что И2 пойдет С.

Присвоив событию «И2 выбрал С» значение вероятности $3/4$, а событию «И2 выбрал D» значение вероятности $1/4$ мы имеем следующее рассуждение. Из n событий «И2 выбрал x », где $x = D$ или $x = C$, $3n/4$ придется на событие «И2 выбрал С» и $n/4$ событий придется на событие «И2 выбрал D». В случае если И1 выбирает С, то с вероятностью:

$$P(5 \text{ пунктов}) = 1/4$$

он набирает пять пунктов или с вероятностью

$$P(8 \text{ пунктов}) = 3/4$$

он набирает 8 пунктов. Иначе говоря, если бы ему пришлось n раз выбирать С — он набрал бы в $n/4$ случаях по 5 пунктов (то есть, $5n/4$ пунктов), и в $3n/4$ случаях — по 8 пунктов (то есть, $24n/4$ пунктов). В сумме $29n/4$ — за n -кратный выбор С или 7,25 пунктов за однократный ($n = 1$) выбор С.

В случае, когда И1 выбирает D, он с вероятностью:

$$P(7 \text{ пунктов}) = 1/4$$

набирает 7 пунктов или с вероятностью

$$P(10 \text{ пунктов}) = 3/4$$

набирает 10 пунктов. Иначе говоря, если бы ему пришлось n раз выбирать D — он набрал бы в $n/4$ случаях по 7 пунктов (то есть, $7n/4$ пунктов), и в $3n/4$ случаях — по 10 пунктов (то есть, $30n/4$ пунктов). В сумме $37n/4$ — за n -кратный выбор D или 9,25 пунктов за однократный ($n = 1$) выбор D.

В случае, когда И1 выбирает Сл, он с вероятностью:

$$P(7 \text{ пунктов}) = 1/8$$

набирает 7 пунктов или с вероятностью

$$P(10 \text{ пунктов}) = 3/8$$

набирает 10 пунктов. С вероятностью

$$P(5 \text{ пунктов}) = 1/8$$

набирает 5 пунктов или с вероятностью

$$P(8 \text{ пунктов}) = 3/8$$

набирает 8 пунктов. Иначе говоря, если бы ему пришлось n раз выбирать Сл — он набрал бы в $n/8$ случаях по 7 пунктов (то есть, $7n/8$ пунктов), в $3n/8$ случаях — по 10 пунктов (то есть, $30n/8$ пунктов). В $n/8$ случаях по 5 пунктов (то есть, $5n/8$ пунктов), в $3n/8$ случаях —

по 8 пунктов (то есть, $24n/8$ пунктов). В сумме $66n/8$ — за n -кратный выбор Сл или 8,25 пунктов за однократный ($n = 1$) выбор Сл.

Исходя из критерия Гурвица, мы получили полезные данные: если у И1 будут основания полагать, что И2 предполагает ходить D, то И1 в удовлетворение условия (ДЗ-2) должен ходить $D \rightarrow 7,75$ (а не $C \rightarrow 5,75$ или $Сл \rightarrow 6,75$). И если у И1 будут основания полагать, что И2 предполагает ходить C, то И1 в удовлетворение условия (ДЗ-2) должен ходить $D \rightarrow 9,25$ (а не $C \rightarrow 7,25$ или $Сл \rightarrow 8,25$). Это снова подтверждает то, что ход D удовлетворяет условию (ДЗ-2) в независимости от того, как ходит И2 (D или C).

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Я, нижеподписавшийся, заявляю под личную ответственность, что материалы, представленные в докторской диссертации, являются результатом личных научных исследований и разработок. Осознаю, что в противном случае, буду нести ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Белогородов Роман

Подпись:

26 мая 2019

CURRICULUM VITAE

Numele de familie și prenumele: BELOGORODOV ROMAN

Data și locul nașterii: 18 august 1977, Chișinău

Cetățenia: Republica Moldova

Studii:

- 2006-2009: Universitatea de Stat din Moldova, licențiat în filosofie;
- 2009-2011: Universitatea de Stat din Moldova, masterat, specialitatea Filosofii contemporane;
- 2013-2017: Academia de Științe a Moldovei, Institutul de Istorie, doctorat, specialitatea Filosofie socială.

Domenii de interes științific: epistemologie, semantica, logica, metodologie, epistemologie socială, filosofie minții, filosofia inteligenței artificiale.

Activitatea profesională (didactică):

- 2010-2012: lector la Catedra Filosofie și Antropologie, USM;
- 2013-2014: asistent universitar la Catedra Filosofie, istorie și metodologia cercetării, UnAȘM;
- 2014-2015: professor de matematica la liceul “Svetoci” din Chișinău.

Participări la foruri științifice:

- Conferința științifică studențească „Tineretul de azi – viitorul de mâine”, 14-18 aprilie 2008, Universitatea de Stat din Moldova;
- Conferința științifică interuniversitară „Științele socio-umanistice și progresul tehnico-științific”, 1 aprilie 2011, Universitatea Tehnică din Moldova;
- Am fost reprezentantul Republicii Moldova la «Adunarea regională de nivel superior UNESCO în privința predării filosofiei în Europa și America de Nord», Februarie 2011, Milano, Italia;
- Conferința științifică «Interferențe universitare - integrare prin cercetare și inovare», aprilie 2012, Universitatea de Stat din Moldova;
- Conferința Științifică consacrată Zilei Mondiale a Filosofiei „Filosofia și perspectiva umană”, 21 noiembrie 2013, Academia de Științe a Moldovei;
- Международная Конференция по обмену опытом «Образование как средство гармонизации межнациональных отношений в условиях многоязычия и поликультурности», 23 septembrie 2014, Universitatea Slavonă din Chișinău;
- The 9th International Symposium “Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives”, 27 ianuarie 2016, Vienna, Austria;
- Conferința științifică internațională a doctoranzilor „Tendințe contemporane ale dezvoltării științei: viziuni ale tinerilor cercetători”, 25 mai 2016, ediția a V-a, Academia de Științe a Moldovei;
- Conferința Științifică consacrată Zilei Mondiale a Filosofiei „Filosofia și perspectiva umană”, 17 noiembrie 2016, AȘM.

- LXIV Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история», 28 august 2016, Novosibirsk, Rusia;
- Международная научно-практическая конференция «Приоритетные задачи и стратегии развития общественных наук», 25 mai 2017, Toliatti, Rusia;
- Conferința Științifică consacrată Zilei Mondiale a Filosofiei „Filosofia și perspectiva umană”, 15 noiembrie 2018, AȘM.
- Conferința Științifică Internațională “Școala Internațională de metodologie în științele socio-umane. Ediția a III-a „Valențe teoretico-aplicative ale discursului interpretativ”, 15-16 noiembrie 2018, USM.

Lucrări științifice publicate: 15 articole și 1 abstract.

Limbi cunoscute: rusa (nativ), româna (bine), engleza (bine).

Date de contact:

mob. 079 541816

e-mail: 9377@mail.ru